

М. А. Абрамова,
Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк

**ВЛИЯНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
НА МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк

**ВЛИЯНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
НА МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ**

Монография

Новосибирск – 2021

УДК 316.73+316.61
ББК 60.54+88.54

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии и права
Сибирского отделения наук Российской Академии наук

Рецензенты: А. А. Изгарская (д. филос. н.),
Л. Б. Сандакова (к. филос. н.),
Г. С. Солодова (д. социол. н.).

Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. **Влияние лингвокультурной специфики социокультурной среды на межэтнические установки молодежи.** Монография. Новосибирск. 2021. С. 208.

В монографии конкретизируются теоретико-методологические подходы и методика исследования влияния лингвокультурной специфики социокультурной среды на установки молодежи в межэтнических отношениях. Опираясь на общетеоретические подходы к исследованию данного феномена и принцип дополнительности, раскрытый в монографии М. А. Абрамовой, Е. М. Лбовой и Л. Б. Сандаковой «Лингвокультурная специфика социокультурной среды: подходы к исследованию феномена», авторы, продолжая развитие темы, обосновывают метод лингвосоциокультурной типологизации и проводят на его основе эмпирическую верификацию межэтнических установок и аккультурационных стратегий русской молодежи и молодежи титульных этносов (саха, тувинцев, хакасов и алтайцев) в республиках Саха (Якутия), Тыва, Хакасия и Алтай на базе данных массовых этносоциологических и социально-психологических исследований. Выявлены общие черты и специфика установок и стратегий поведения молодежи лингвосоциокультурных типов в зависимости от социальных, этнических, лингвистических особенностей акторов и социокультурной среды. Полученные результаты могут быть учтены в разработке и реализации политики в сфере молодежи, образования, семьи при регулировании межэтнических взаимодействий. Книга рассчитана на социологов, педагогов, культурологов, философов.

ISBN 978-5-93240-359-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава I. Теоретико-методологические и методические основы исследования.....	9
I.1. Социокультурная среда: виды, функции, лингвокультурная специфика.....	9
I.2. Методика комплексной верификации межэтнических установок молодежи в лингвосоциокультурной среде.....	27
I.3. Лингвосоциокультурная типологизация как метод исследования.....	41
Глава II. Эмпирическая верификация: лингвосоциокультурные типы и межэтнические установки молодежи.....	58
II.1. Исследования лингвокультурной специфики среды в республиках Сибири.....	58
II.2. Распределение лингвосоциокультурных типов среди молодежи в республиках Сибири.....	89
II.3. Установки молодежи относительно этнической среды проживания и среды языковой коммуникации.....	110
Глава III. Стратегии молодежи различных лингвосоциокультурных типов в межэтническом взаимодействии.....	126
III.1. Аккультурационные стратегии лингвосоциокультурных типов молодежи как фактор межэтнической интеграции.....	126

III.2. Стратегии молодежи различных лингвосоциокультурных типов на различных социальных дистанциях.....	140
III.2.1. Предпочтения при выборе национальности супруга (и).....	145
III.2.2. Этнический фактор при выборе друга (подруги).....	152
III.2.3. Влияние национальности партнера на профессиональное взаимодействие.....	156
III.2.4. Роль этнического фактора при определении руководителя по работе.....	158
III.2.5. Этнические установки в отношении власти.....	161
III.2.6. Предпочтения национальности при выборе Руководителя Республики.....	169
III.3. Реализация принципа дополнительности на примере модели «проактивность- реактивность».....	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	180
ЛИТЕРАТУРА.....	186

ВВЕДЕНИЕ

Человечество, включая Россию, было и остается многоэтничным, многоязыковым и многокультурным. Этот факт является вечной проблемой для науки и политики. В зависимости от мировоззрения и интересов одни рассматривают его как фактор прогресса рода человеческого, другие – как его (прогресса) тормоз, требующий ограничения (устранения).

Борьба мировоззрений (миропонимания) социогуманитарной науки в России по проблемам этничности, этнолингвистики и этнокультуры обострилась в переживаемый ныне период социокультурных трансформаций. Те или иные выводы исследователей учитываются (или игнорируются) в государственном регулировании лингвокультурной среды, что сказывается на судьбах людей, групп, народов, на протекании социальных процессов.

В сложной, многоаспектной и малоисследованной данной сфере мы выбрали для конкретного изучения один важный вопрос – влияние лингвокультурной специфики социокультурной среды на установки молодежи в межэтнических отношениях.

Мотивы выбора темы исследования следующие:

- 1) Россия – полиэтничная страна, переживающая трансформации в этнонациональной политике;
- 2) язык и культура – важнейшие компоненты этой политики;
- 3) молодежь – та социальная группа, от установок которой в сфере межэтнических отношений во многом зависит национальное единство, интеграция.

Отдельные аспекты этой темы изучены нами ранее в процессе теоретико-эмпирических исследований социокультурной адаптации молодежи Сибири к современным трансформациям,¹ влияния национальной, образовательной, языковой политики на установки и модели поведения в сфере межэтнических отношений.² В этих исследованиях в той или иной мере реализуется принцип комплексного междисциплинарного (социально-философского, социологического, социально-психологического) подхода к предмету исследования. Но полученные выводы диктовали необходимость более глубокого анализа теоретико-методологических подходов этносоциологии, этнопсихологии, лингвокультурологии и теоретической интеграции методов и подходов этих наук с целью эмпирической верификации исследования результатов влияния лингвокультурной специфики среды на межэтнические установки.

В результате проведенного анализа обоснован эвристический потенциал принципа дополнительности, верификация которого показана в рамках эмпирического изучения материальных ценностей и представлений о счастье у молодежи.³

¹ *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011.

² *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск; Автограф. 2014.

³ *Абрамова М.А., Лбова Е.М., Сандакова Л.Б.* Лингвокультурная специфика социокультурной среды: подходы к исследованию феномена. Новосибирск. ИД «Манускрипт», 2020.

В монографии М. А. Абрамовой, Е. М. Лбовой и Л. Б. Сандаковой «Лингвокультурная специфика социокультурной среды: подходы к исследованию феномена», являющейся первой частью изложения материалов по реализуемой теме, рассмотрены подходы к исследованию феномена лингвокультурной специфики среды, раскрыто содержание принципа дополнительности как попытки структурирования широкого поля междисциплинарных исследований. В частности, по теме взаимосвязи социокультурной среды, её лингвокультурных аспектов, культурных установок личностей, представленности этих установок в социуме⁴.

В данной монографии, являющейся второй частью изложения, конкретизируются теоретико-методологические методы и методика исследования влияния лингвокультурной специфики социокультурной среды полиэтничных районов Сибири на межэтнические установки молодежи в различных аспектах жизни. Представлены результаты проведенных массовых междисциплинарных (социологических и социально-психологических) исследований среди молодежи республик Саха (Якутия), Тыва, Хакасия, Алтай по теме проекта.

Хотели бы выразить благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований за поддержку нашего исследования (проект № 18-011-00223).

⁴ Абрамова М.А., Лбова Е.М., Сандакова Л.Б. Лингвокультурная специфика социокультурной среды: подходы к исследованию феномена. Новосибирск. ИД «Манускрипт», 2020. -180с. С. 67 – 87

Глава I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

I.1. Социокультурная среда: виды, функции, лингвокультурная специфика

В социокультурных исследованиях современного российского общества мы опираемся на социокультурный подход, сущность которого выражена П. Сорокиным формулой «личность, общество и культура как неразрывная триада» и его выводом: «неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир».⁵

В четырехтомной работе «Социальная и культурная динамика» он отмечал: «Различие между категориями “культурное” и “социальное” весьма условно и относительно: любая культура создана определенной социальной группой, объективизацией которой она является, а любая социальная группа имеет свою определенную культуру»⁶. Это «разные аспекты единого и неразделимого социокультурного мира». Под «социальным миром», «социальными явлениями» как составной частью единого «социокультурного мира», им понимаются межличностные и межгрупповые отношения. В свою очередь, «все социальные отношения имеют два аспекта – психологический и логико-смысловой (включая «причинно-функциональные» элементы). Любое социальное отношение нужно изучать с обеих точек зрения».⁷

⁵ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М. 1992. С. 218 – 220.

⁶ Там же. С. 503.

⁷ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. 2000. С. 503 – 504.

Можно сказать, в концепте «социокультурного мира» П. Сорокина уже имплицитно представлено обоснование принципа дополнительности и его больших эвристических возможностей. Некоторые из них продемонстрированы нами ранее.⁸ В современной интерпретации можно отметить, что мы одновременно обращаемся и к исследованиям, выполненным в рамках психолингвистики, развивавшейся в отечественной науке на основе теорий деятельности человека, речевой и в том числе, лингвокультурологии (ведущей свое начало от работ Л. Витгенштейна, де Соссюра, Э. Сепира, Л. Уорфа и др.) и этносоциологии. Поскольку в рамках этнопсихолингвистики индивид воспринимается как активный субъект, включенный в различные типы совместной деятельности, где определяющей является его мотивация, то фактически мы можем рассматривать речевую деятельность актора сквозь призму национально-культурной специфики региона его проживания, а также детерминированности его этнопсихолингвистическими особенностями языкового сознания и взаимодействия. Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, Е. Ф. Тарасов, Г. В. Колшанский, Ю. А. Шрейдер, Е. А. Земская, К. К. Платонов, М. Л. Макаров, В. Хартунг, V. E. Cronen, J. Shotter, K. J. Gergen и др., анализируя взаимодействие в первую очередь как коммуникацию с акцентом на интерактивности, отмечали присущий ей социальный характер. Таким образом, коммуницирующие

⁸ *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск; Автограф. 2014.

выступают включенными в социальные отношения, что является неотъемлемой характеристикой речевого взаимодействия и обуславливает актуальность использования в социогуманитарной литературе понятий «мир», «пространство», «среда» как синонимов. Это относится и к социокультурной их специфике, включая работы П. Сорокина.

Под социокультурной средой мы понимаем в самом общем виде объективные условия существования человека в обществе, являющиеся фактором и основанием его социализации, инкультурации и аккультурации. Среда – это прежде всего данность – то, среди чего пребывает (непосредственно и определенно) человек. Пространство – более отвлеченное и более обширное понятие (атрибут материального и духовного мира), интегрирующее совокупность сред.

Рассматривая соотношение понятий «среда» и «пространство» в социокультурном и образовательном аспектах и констатируя, что в науке нет однозначного определения понятия «среда», С. В. Кривых соотносит его с понятием «пространство» в образовательном аспекте: Говоря о «пространстве», многие исследователи имеют в виду набор определенным образом связанных между собой условий, которые могут оказывать влияние на человека. При этом по смыслу в самом понятии пространства не подразумевается включенность в него человека. Пространство может существовать и независимо от него. Понятие «среда» также отражает взаимосвязь условий,

обеспечивающих развитие человека. В этом случае предполагается его *присутствие в среде* (выделено нами), взаимовлияние, взаимодействие окружения с субъектом.⁹

Концентрируя внимание на образовательной среде образовательной организации как целостной системе, А. А. Макареня приводит определения социальной, социокультурной и культуротворческих сред и являющихся *внешними* по отношению к образовательному учреждению. В частности, «*социокультурная среда – часть социально-экономического и культурно-образовательного пространства региона, с помощью которого могут осуществляться социализация... и инкультурация... личности в образовательном процессе при реализации гуманистической концепции образования*».¹⁰

В диссертации И. В. Лебедевой «Социокультурная среда как фактор развития этнической общности»¹¹ социокультурная среда рассматривается как компонент социальной системы, формирующей у социальных субъектов (личностей, групп, общностей) ценности, нормы, образы, правила, формы деятельности, стандарты поведения в типичных социокультурных ситуациях и способы решения жизненных проблем. Особую важность в методологическом плане имеет здесь связь понятий «социокультурная среда» и «социокультурная ситуация».

⁹ *Кривых С.В.* Соотношение понятий «среда» и «пространство» в социокультурном и образовательном аспектах. // Мир науки, культуры, образования. 2011. №2. С. 106 – 111.

¹⁰ *Макареня А.А.* Культуротворческая среда: статус, структура, функционирования. Тюмень: ТОГГИРА. 1997. С. 65 – 67.

¹¹ *Лебедева И.В.* Социокультурная среда как фактор развития этнической общности: автореф. дис. ... к.соц.н.: 22.00.04. М. 2004. 32 с.

При всех различиях авторов в определении содержания понятий «социокультурная среда» и «социокультурное пространство», их структуры, функций, типов, они отмечают «триадность» этих понятий по П. Сорокину («личность, общество и культура как неразрывная триада»), акцентируя внимание, в зависимости от рассматриваемой проблемы, на социальности или культуре, реже – на личности, ее психологических характеристиках.

Для дифференциации среды по специфике комплексов влияния на индивида традиционно предлагаются следующие основания: сферы жизни (экономическая, социальная, культурная); уровни (макро-, мезо- и микросреда); типы поселений (город, село) и т.п.; а также подоснования (образовательная и др.) и комплексные основания (городская культура, лингвообразовательная среда).

К числу таких комплексных по своему характеру относится и малоисследованная пока лингвокультурная среда (пространство) как одно из центральных понятий становящейся науки лингвокультурологии, рассматривающей человека как языковую личность, «носителя определенной национальной ментальности и языка, участвующего в совместной деятельности (и что особенно важно – речевой деятельности) с другими представителями национальной общности».¹²

«С развитием лингвокультурологии, – пишет Е. Стоянова, – среда получает лингвокультурное освещение и воспринимается в качестве активного лингвокультурного

¹² Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр. «Академия», 2001. С.113

инструмента в процессе формирования языковой личности... Язык и культура утверждаются как взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия, поскольку язык не существует вне культуры и культура не может существовать вне языка... На этом основании необходимо говорить не просто о культурной среде, а именно о лингвокультурной среде... Можно утверждать, что лингвокультурная среда выступает в качестве детерминирующего фактора в жизни человека». ¹³ Е. Стоянова выделяет два основных типа лингвокультурной среды – исторический и социальный, рассматривая их одновременно как пространственно-временные факторы формирования человека. Исторический тип развития среды происходит на основе сохранения и обогащения национально-культурных традиций, динамики новаций и традиций. Каждая историческая эпоха отличается особым мировоззренческим компонентом – системой ценностей, ментальностью, специфическим образом мышления и духовности людей.

Социальный тип лингвокультурной среды базируется на представлении о личности как члене социума, той или иной социальной среды с ее системой установок, ценностей, верований, чувств.

При этом принято разделять *языковую личность* (проявляется в речевой деятельности, обладает определенной совокупностью знаний и представлений) и *речевую личность* (реализует себя в коммуникации, выбирая и осуществляя

¹³ Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен: Университетское изд-во «Епископ Константин Преславски», 2013. С. 23 – 25.

ту или иную стратегию и тактику общения, выбирая и используя определенный репертуар средств, как собственно лингвистических, так и экстралингвистических)¹⁴.

Механизмом вхождения личности в лингвокультурную среду является социализация: первичная – в сфере межличностных отношений (семья, родственники и др.) и вторичная – в сфере социальных институтов – учреждений (система образования, культуры и др.). В процессе социализации человек осваивает нормы и законы социокультурной (в том числе лингвокультурной) среды, и они становятся частью его внутреннего мира. Его сознание анализируя социальные, этнические, национальные особенности себя и своего окружения фактически приобретает определенные характеристики, которые впоследствии позволят судить о его социальной идентичности и сформированном или несформированном этническом самосознании.

Социальная идентичность, как отмечает А. Тешфил: «это та часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству»¹⁵.

Этническая идентичность, выступая составной частью социальной идентичности личности, является психологической категорией, определяющей отношение

¹⁴ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 22

¹⁵ Tajfel H. Human groups and social categories: *Studies in social psychology*. Cambridge, 1981. p. 255.

индивида к своей этнической принадлежности. При этом, как отмечает Т. Г. Стефаненко¹⁶, важно различать понятия этнической идентичности и этничности, как социологической категории, «относящейся к определению этнической принадлежности по ряду объективных признаков: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре. Если этничность – аскриптивная (приписываемая обществом) характеристика, то этническая идентичность достигается индивидом в процессе конструирования социальной реальности на основе этничности, но не сводится к ней. В реальной жизни субъективная идентичность и социально предписанная этничность далеко не всегда совпадают»¹⁷.

Более того, мы солидарны с Т. Г. Стефаненко, что этническая идентичность может не совпадать с декларируемой идентичностью (причислением себя к этнической общности). Отчасти это подтвердили и результаты наших исследований¹⁸. Достаточно нередки случаи, когда факторами, определяющими выбор человека, являются социально-экономическая ситуация в регионе и определенные преференции, которые можно получить, выбрав ту или иную национальность. Поэтому этническую

¹⁶ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 259

¹⁷ Там же.

¹⁸ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011; Абрамова М.А. Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика, трансляция моноэтническими и межэтническими семьями. Новосибирск, 2016.

самоидентификацию следует рассматривать как результат когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов.

И несмотря на то, что Т. Г. Стефаненко отмечает, что «нет ни одной особенности этнической идентичности, которая не была бы присуща еще какой-либо составляющей социальной идентичности»¹⁹, мы полагаем, что результаты некоторых современных исследователей показывают ее скорее, как составляющую социокультурной идентичности индивида. Например, в работе американского культурантрополога Дж. Де Воса этническая идентичность ассоциирована с культурной традицией и ориентирована на наследие прошлого в отличие от других форм идентичностей, ориентированных на настоящее или будущее²⁰. Г. У. Солдатова, отмечает мифологичность как еще одну особенность этнической идентичности, так как «ее главная опора – идея или миф об общих культуре, происхождении, истории»²¹. Это дает дополнительные основания для утверждений ряда исследователей о том, что языковое сознание всегда национально.

¹⁹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 241

²⁰ Де Вос Дж. Этнический плюрализм: Конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001. С. 229–276.

²¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 48.

Лингвокультурная среда социального типа регулируется социальной принадлежностью человека. Исследователи выделяют такие социальные типы лингвокультурной среды, как субкультуры, социальные слои, социальные группы и подгруппы, различающиеся по социокультурным ценностям, моделям поведения и речевым практикам. В рамках психолингвистики принято в лингвокультурной среде разделять: индивидуальное когнитивное пространство, набор коллективных когнитивных пространств (т.е. тех социумов, в которые входит индивид) и когнитивную базу национально-лингвокультурного сообщества, членом которого он является. На процесс взаимодействия влияют все три типа когнитивных пространств.

Но важно отметить, что этническая и социокультурная идентичность с позиции современной социальной психологии не определяются лишь поведенческими компонентами, поскольку идентичность, в отличие от традиционной культуры в наши дни далеко не всегда предполагает взаимодействие с группой, где индивид – «свой». Процесс этнической или социокультурной самоидентификации вполне может ограничиться символическим присвоением дифференцирующих признаков.

В этом существенное отличие позиции в исследовании этноса между работами этнопсихологов и этносоциологов. Этносоциологические исследования, проводившиеся в 1970–1980-е годы в СССР, сосредотачивали свое внимание на языке как этническом идентификаторе: например, по языку определяли свою этническую принадлежность 70–80%

эстонцев, грузин, узбеков, молдаван²². Ю. В. Бромлей, выявляя факторы формирования этнического самосознания индивида, не просто выделял язык, а писал о конкретном сообществе: «Этнос – это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании»²³. Особую роль в формировании билингвальной, или как сейчас принято определять – мультилингвальной, среды в СССР, по мнению исследователя, играл русский язык, выступавший в качестве языка межнационального общения²⁴. Мы могли бы добавить, что, по результатам наших исследований, он не только способствовал формированию мультилингвальной среды, но и являлся детерминирующим фактором интернационального воспитания и формирования мультикультурного сообщества в СССР²⁵.

В педагогических исследованиях также принято выделять в качестве важного фактора процесс непосредственной коммуникации субъектов. Так, В. Б. Куриленко с коллегами рассматривают

²² Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998.

²³ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 14.

²⁴ Бромлей Ю.В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1966. №7. С.16–28.

²⁵ Абрамова М.А. Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика, трансляция моноэтническими и межэтническими семьями. Новосибирск, 2016.

лингвокультурную среду как средство коммуникативного развития студентов-билингвов²⁶. В диссертации И. В. Цветковой «Лингвокультурная образовательная среда как фактор динамичного развития образования в Республике Казахстан» проанализировано взаимодействие лингвистической и культурной сред в социальном контексте. Сделан вывод, что в результате как целенаправленных воспитательных действий семьи, учреждений образования, культуры, искусства, так и взаимодействия индивида со своим социальным окружением формируется лингвокультурная образовательная среда²⁷.

Понятие «лингвокультурная ситуация» является некоей конкретизацией понятия «лингвокультурная среда». Общие принципы исследования данного понятия представлены в публикациях В. М. Шаклеина. Под лингвокультурной ситуацией понимается совокупность языка и культуры в их территориально-социальной организации – их динамическое равновесие в границах определенного региона или административно-политического образования определенного временного среза²⁸.

²⁶ Куриленко В.Б., Макарова М.А., Щербакова О.М., Куликова Е.Д. Лингвокультурная среда международно-ориентированного вуза как средство коммуникативного развития студентов - билингвов // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. №5. С.33–42.

²⁷ Цветкова И.В. Лингвокультурная образовательная среда как фактор динамичного развития образования в Республике Казахстан: дисс. канд. пед. н.: 13.00.01. Чимкент, 2006. С. 71.

²⁸ Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование контекста. М.: ОРЛС, 1997. С. 19.

В отечественной социалингвистике используется также термин «языковая ситуация» для описания языковой жизни той или иной этноязыковой общности. Описание языковой ситуации включает вопросы, связанные с этнодемографической и социальной структурой общества, дистрибуцией языков, языковой компетенцией носителей языка, распространением различных типов двуязычия и многие др.²⁹. Обзор работ, сделанный Ч. С. Цыбеновой, показал, что теоретико-методологические подходы к исследованию языковой ситуации менялись в зависимости от лингвистической традиции. Так, она выделяет начальный период (20-30-х гг. XX в.), когда языковая ситуация не представляла еще объект социалингвистического анализа, но рассматривались различные аспекты проблемы взаимоотношения языка и общества (Е. Д. Поливанов, Б. А. Ларин, Н. М. Карлинский, А. М. Селищев, В. М. Жирмунский, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и др.).

Второй этап (60-70-е гг. XX в.) связан с фокусированием внимания социалингвистики на «языковой ситуации» как одном из основных объектов исследования. Более того, с усилением общетеоретических основ социалингвистики как научной дисциплины, формированием ее терминологического аппарата и разработкой методов исследования обозначились и различные подходы к данному понятию. Одни из первых ее исследователей – Л. Б. Никольский, А. Д. Швейцер,

²⁹ Цыбенова Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихалингвистический аспект: автореф. дис. ...канд. филол. н.: 10.02.19. Улан-Удэ, 2013. С. 8.

В. А. Аврорин, Ю. Д. Дешериев, В. П. Филин, В. Н. Ярцева, И. К. Белодед, В. А. Виноградов и др. – понимали под «языковой ситуацией» совокупность языков и их форм, функционирующих в конкретном обществе на определенном этапе его развития³⁰.

Третий период – постсоветский – ознаменовался появлением множества работ, посвященных переосмыслению принципов исследования и сути феномена «языковой ситуации». Одним из серьезных моментов, усиливающих связь социолингвистики с этнопсихолингвистикой, стала попытка связать уровень функционального развития языка с уровнем национально-языкового самосознания его носителей (А. Н. Баскаков, Н. Б. Мечковская, В. Ю. Михальченко, В. М. Солнцев и др.)³¹.

В большей степени, учитывая специфику нашего исследования, интерес представляют работы лингвистов, отражающие региональный аспект исследования уровня сформированности национального самосознания различных народов, проживающих на территории России (В. М. Алпатова³² Л. Л. Аюповой, А. Н. Баскакова³³, А. Н. Биткеевой, Т. Г. Боргояковой, Р. И. Васильевой,

³⁰ Цыбенова Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: автореф. дис. ...канд. филол. н.: 10.02.19. Улан-Удэ, 2013. С.8-9.

³¹ Там же.

³² Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997.

³³ Баскаков А.Н. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) /А.Н. Баскаков, О.Д. Насырова // Языки РФ и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000.

Н. Б. Вахтина³⁴, В. Р. Галимьяновой, Г. А. Дырхеевой, Н. И. Ивановой, Н. Г. Искужиной, О. Д. Насыровой, Д. Б. Сундуевой и др.).

Как отмечает Ч. С. Цыбенова, четвертый этап (современный) развития исследований языковой ситуации в области социолингвистики все чаще представляет работы, выполненные на основе использования междисциплинарного подхода. Обращение к нему обусловлено попыткой более глубокого изучения проблем взаимодействия и взаимовлияния различных языков и культур. Поэтому кроме языковых компонентов в них рассматриваются и неязыковые компоненты языковой ситуации: различные этнолингвокультуры, языковой социум, языковая личность, языковое сознание, языковая картина мира и пр. (В. А. Виноградов, П. П. Дашинимаева, Г. А. Дырхеева, А. И. Коваль, Г. П. Нещименко, Ц. Ц. Огдонова, В. Я. Порхомовский, Д. Б. Сундуева, Э. В. Хилханова и др.)³⁵. В результате Ч. С. Цыбенова приходит к выводу, что в силу разночтений в подходах к исследованию в интерпретации содержания термина «языковая ситуация» — единого понимания феномена на данный момент нет. Мы бы добавили, что разночтений добавляет и сама специфика описания лингвокультурной ситуации, которая отличается в зависимости от характеристик регионов.

³⁴ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига. СПб., 2001.

³⁵ Цыбенова Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: автореф. дис. ...канд. филол. н.: 10.02.19. Улан-Удэ, 2013. С. 9

Лингвокультурная ситуация, как и лингвокультурная среда, имеет специфику в каждом регионе и находится под влиянием социально-экономических, национально-исторических, политических и культурологических факторов и языковых процессов. Эта специфика пока слабо изучена как в теоретическом, так и в прикладном (образовательном, культурном, политико-регулятивном) отношении, что вызывает коллизии в межэтнических отношениях. Отметим для примера хотя бы языковую политику российской власти, а также политику региональных властей в сфере обучения русскому и родным (не русским) языкам в системе образования, когда значимость того или иного языка или преувеличивается, или преуменьшается без изучения специфики межкультурной коммуникации конкретного региона (об этом более подробно во второй главе). Особую остроту проблема двойных стандартов в языковой политике обрела в эпоху «парада суверенитетов», когда не всегда доминирующий по численности титульный этнос реформировал конституцию республики, в том числе и в отношении языка межличностного взаимодействия и образования³⁶.

Важно отметить, что характеристики лингвокультурной ситуации, как и лингвокультурной среды являются весьма подвижными в силу различных социокультурных процессов в социально-политической и экономической сфере, что может

³⁶ *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Язык как социокультурный феномен // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012. Т.10, вып. 4. С.64–72.

оказать существенное влияние на связанные с ними межэтнические отношения. Одним из примеров интенсификации этнической идентичности целых народов стали события распада СССР и «парада суверенитетов» в 90-х гг. XX в. Осознание принадлежности, с одной стороны, к этнической общности, а с другой – к государству могут как дополнять друг друга, так и войти в противоречие. Так, в исследованиях, проведенных в 1990–1996 гг. в Беларуси и в Литве, у групп большинства была обнаружена «глубоко политизированная позитивная этническая идентичность, тесно связанная с чувством Родины и гражданской принадлежности»³⁷. В данном случае социальный контекст привел к повышению степени благоприятности этнической идентичности и стремлению сохранить родной язык. В то же время у многих представителей русского этноса в бывших союзных республиках, в силу обострённого чувства дискриминации и увеличения социальной дистанции с титульным этносом, произошел всплеск негативных эмоций, связанных с этнической принадлежностью. В результате проявился синдром навязанной этничности: «этническая принадлежность человека, против его собственной воли и желания, становится чересчур значимой характеристикой его бытия и сознания, начинает определять его место в обществе, комплекс прав и обязанностей, а в его самоидентификации выходит на одно из первых мест»³⁸.

³⁷ Науменко Л.И. Этническая идентичность. Проблемы трансформации в постсоветский период // Этническая психология и общество. Москва, 1997. С. 81.

³⁸ Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 106.

В этой связи нам представляется, что используемое в лингвокультурологии понятие «лингвокультурная среда» является менее информативным в рамках проведения конкретных исследований в отличие от термина «лингвокультурная специфика социокультурной среды» (что нам представляется более содержательным с позиции социологии как «генерализирующей науки» по П. Сорокину, изучающей социокультурное целое).

Несмотря на приведенные отличия в интерпретациях этнической самоидентификации, предлагаемых психологами, социологами, этнологами оценка ее места в социокультурном самоопределении индивида, учитывая разночтения по вопросу соотношения «целого» и «части», мы полагаем, что исследование ускользающей при использовании позитивистского подхода в рамках отдельных направлений связи между языком, культурой, социумом и индивидом более значимо чем монодисциплинарные споры, а лингвокультурология, этнопсихология, этнокультурология и социология находятся в данном случае скорее в отношении дополнительности. На этот факт с позиции культуролога обратила внимание В. Н. Телия. Например, при изучении установок культуры можно использовать методы герменевтического анализа и социологические инструменты.³⁹ С одной стороны, изучается смысловое

³⁹ Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры //Фразеология в контексте культуры. /Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.

культурно-значимое содержание установки (аксиологическое, прагматическое), с другой – ее представленности в социуме (количественные показатели). Герменевтическая методология не показывает включенность установки в социальную жизнь, тогда как ее распространенность в социуме не дает представления о содержании его культурно-значимых смыслов. Поэтому данные этих исследований находятся в отношении дополнительности.⁴⁰ Этим принципом мы руководствовались в нашем исследовании межэтнических установок молодежи в лингвокультурной среде как специфической подсистеме среды социокультурной.

1.2. Методика комплексной верификации межэтнических установок молодежи в лингвосоциокультурной среде

Исследование межэтнических установок традиционно проводится в рамках этнопсихологии и социальной психологии. Одна из проблем, обуславливающих ограничения последнего научного направления состоит в установлении универсальных, не зависящих от культуры принципов. Возникающие интерпретации во многом обусловлены ракурсом исследовательского восприятия, формирование которого происходит под влиянием определенных теорий, например предоставляемых европейской культурой.

⁴⁰ *Абрамова М.А., Лбова Е.М., Сандакова Л.Б.* Лингвокультурная специфика социокультурной среды: подходы к исследованию феномена. Новосибирск. ИД «Манускрипт», 2020. С. 83.

Примерами ограниченности выступают попытки повторения уже проведенных экспериментов в других странах. Например, из тридцати пяти исследований, выполненных в США, были выбраны шесть, затрагивавших общечеловеческие, а не уникальные американские проблемы и повторены в Израиле И. Амиром и И. Шароном, но из 64 полученных ранее результатов подтвердились только 30, т. е. меньше половины, а остальные оказались подвержены влиянию культурного контекста [⁴¹].

Проблема культурного соответствия методик исследования, выявленная в результате перепроверки результатов экспериментов на материале других культур, позволяет не только обосновать существование достаточно явных расхождений в мировосприятии людей в рамках дихотомии «Восток – Запад», но и в менее заметных по разнородности социальных общностях. Так, основные проблемы несоответствия результатов исследований между представителями культур Запада и Востока были связаны с разным отношением к соответствию и контексту⁴². «Мы на Западе полагаем, что если “истинно А, то Б истинным быть не может”, но эта точка зрения имеет мало смысла в таких культурах, как индийская, где широко распространен философский монизм, согласно которому все “едино” и “противоположность великой истины также является

⁴¹ Amir Y., Sharon I. Are social psychology's laws cross-culturally valid? // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1987. Vol. 18. P. 383-470.

⁴² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 158.

великой истиной»⁴³. Аналогичная проблема возникает при попытке раскрытия контекста использования определенных понятий или понимании ценностей. Например, во многих восточных культурах скромность является бóльшей добродетелью, чем на Западе, поэтому западные психологи долго не говорили своим американским коллегам: «Ваша теория если и не ошибочна, то не универсальна»⁴⁴. Множественные примеры расхождений в создаваемых теориях подтолкнули исследователей к необходимости разработки индигенных⁴⁵ теорий, «стремящихся взглянуть на группу глазами ее членов» и учитывающих социальный и культурный контекст – ценности, нормы, систему верований конкретной этнической общности⁴⁶.

Как отмечает Т. Г. Стефаненко, отечественная социальная психология априорно рассматривается как наука западного типа, несмотря на то, что особенности русской ментальности (терпимость к неопределенности и противоречиям, приоритет духа над материей и культ созерцания), сформированные под влиянием православной культуры, обусловили ее место между восточной и западным направлениями⁴⁷. И в данном контексте развитие социальной

⁴³ Triandis H. C. Culture and social behavior. N. Y., 1994. P.4.

⁴⁴ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 159.

⁴⁵ Индигенные – от английского indigenous peoples, т.е. коренные, туземные народы.

⁴⁶ Ho D. Y. F. Indigenous psychologies: Asian perspectives 11 J. // *Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol. 29. P.94.

⁴⁷ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 159.

психологии на Западе уже несколько отвлеклось от позитивистской парадигмы, перейдя к изучению культурного контекста, и в первую очередь конвергентности последствий влияния на разные этнические группы социальных процессов. Поэтому появление индигенных теорий уже не рассматривается как исключение, а скорее является свидетельством прохождения очередного этапа развития социальной психологии на пути к решению более сложной задачи – интеграции результатов и их обобщения в подлинно универсальную социальную психологию, валидную если не для всех, то для широкого круга культур.

В условиях мультикультурного общества России, представленного более чем сотней этнических групп, имеющих иногда не один, а несколько родных языков, проблема проведения сравнительных исследований в области лингвокультурологии, этнопсихолингвистики, этносоциологии и социальной психологии становится еще сложнее. Поскольку мы имеем дело не только с необходимостью учета специфики части, но и восприятия ее как компонента целого. Выдвинутая в 1930-х годах «гипотеза лингвистической относительности» Сепира–Уорфа сводится к тому, что люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают мир. Гипотеза выстроена на тезисе о том, что язык обуславливает тип мышления его носителей, способ познания окружающего мира. В результате для исследователей оставался всегда открытым вопрос: что же первично, что на что влияет – особенности восприятия

и осознания окружающего мира влияют на нормы поведения или поведение личности влияет на сознание?⁴⁸. Но если личность формируется в уже мультикультурном сообществе, представленном различными типами социальных и этнических групп, следовательно, сознание не может не нести на себе отличительные черты того общества, в котором происходит становление личности. И тогда можем ли мы предполагать в современных условиях, что мышление человека, способы восприятия мира и ответные реакции на внешние раздражители будут уж так отличаться в зависимости от его этнической самоидентификации?

Результаты исследований⁴⁹ показали, что ситуация межэтнического общения в поликультурном и мультикультурном сообществах дает индивиду больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других групп, их сходстве и различиях, способствует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков. В то же время предоставляемые

⁴⁸ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 16.

⁴⁹ Phinney J. S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. P. 499–514; Vaughan G. M. A social psychological model of ethnic identity development // *Children's ethnic socialization: Pluralism and development*. Newbury Park (Cal.), 1987. P. 73–91; Левкович В.П., Мин Л.В. Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // *Психологический журнал*. 1996. Т. 17. № 6. С. 72–81; Левкович В.П., Панкова Н.Г. Проблемы формирования этнического самосознания у детей в работах зарубежных авторов // *Советская этнография*. 1973. №5. С. 123–131; Романова О.Л. Развитие этнической идентичности в этнически смешанной среде // *Процессы психического развития. В поисках новых подходов*. М., 1995.

условия, особенно в ситуации неконфликтных межэтнических отношений, могут способствовать не только формированию этнического самосознания, но и наоборот – нивелировать значимость этнической самоидентификации. Исследования Дж. Финни показали, что «этническая идентичность приобретает значимость только в ситуациях, в которых две (или более) этнические группы находятся в долговременном контакте»⁵⁰. Т.е., это может означать, что свою этническую принадлежность глубже переживает русский ребенок, живущий в многонациональной Москве, чем в отдаленной деревне в Архангельской области, хотя у последнего может быть более однозначная и четкая самоидентификация.

О. Л. Романова выявила различия степени выраженности этнической идентичности у детей, живущих в разных гетерогенных средах, сравнивая русских в Беларуси и Казахстане. Выяснилось, что этническая идентичность сильнее выражена у тех, кто живет в культурной среде, значительно отличающейся от собственной (в Казахстане), а для детей, живущих в Беларуси, культура народа которой близка к русской, осознание своей «русскости» не является важной проблемой⁵¹.

⁵⁰ Phinney J. S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. С. 501.

⁵¹ Романова О.Л. Развитие этнической идентичности в этнически смешанной среде // *Процессы психического развития. В поисках новых подходов*. М., 1995.

Как отмечает Т. Г. Стефаненко: «этническая идентичность более четко осознается, а знания о различиях между группами раньше приобретаются, если социализация ребенка проходит в полиэтнической среде. Но временные границы формирования этнической идентичности и точность знаний о своей принадлежности к определенной этнической общности во многом зависят от того, к какой группе ребенок принадлежит – группе большинства или группе меньшинства. Исследования показали, что члены этнического большинства могут даже не задумываться о своей этничности, тогда как для членов этнических меньшинств идентификация оказывается, как минимум вынужденной, а связанные с ней проблемы попадают в разряд жизненно важных»⁵². Таким образом, на процесс этнической самоидентификации и, соответственно, выбора родного языка влияют не только личный выбор индивида, его включенность в этническую группу, но и характеристики среды: поликультурность – монокультурность, численность этнической группы, к которой он имеет отношение, ее социальный статус в структуре общества.

Сразу хотели бы отметить, что предмет исследования – взаимообусловленность социокультурной среды, ее лингвокультурной специфики и установок молодежи в межэтнических отношениях – отчасти затрагивался нами в масштабных и комплексных исследованиях социокультурной трансформации российского общества –

⁵² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 260.

в частности, процессов социокультурной адаптации⁵³, языковой политики⁵⁴ и др.. Результаты этих исследований, в частности роли родного языка, языка общения, актуализировали проведение данного теоретико-эмпирического изучения конкретного, но очень важного в научной, этнокультурной и образовательной политике многонационального российского государства сегмента темы гармонизации межэтнических отношений.

Представленное исследование носит теоретико-эмпирический характер, что потребовало разработки междисциплинарной – этносоциологической, социально-психологической, лингвокультурологической экспликации философско-социологических понятий в виде показателей и индикаторов для массовых конкретных исследований.

По сравнению с исследованиями предыдущих лет нами расширена их региональная база: к республикам Саха (Якутия) и Хакасия добавлены республики Алтай и Тыва, что мотивировалось необходимостью большего учета разнообразия лингвокультурной среды, объективных и субъективных факторов ее влияния на межэтнические установки молодежи.

Среди важных *объективных факторов* формирования межэтнических установок молодежи нами выделены:

– социально-экономическая, культурная и этнодемографическая макроструктура региона, поселений;

⁵³ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011.

⁵⁴ Там же.

- история и динамика межэтнических отношений на разных уровнях формирования лингвокультурной среды (регионы, поселение, коллектив);

- динамика и современное состояние культурной политики в регионе;

- характер деятельности средств массовой информации в межкультурной коммуникации этнических групп;

- лингвоэтнокультурная специфика систем образования;

- этноконфессиональная ситуация в регионе и ее динамика;

- лингвокультурная ситуация в семье, коллективе.

К важнейшим *субъективным факторам* формирования межэтнических установок под воздействием лингвокультурной среды отнесены:

- типы этнической идентичности личности: «нормальная» (когда гармонично соотносятся и этническая и гражданская идентичности), этноцентричная, этническая индифферентность и др.;

- тип языковой личности (владение родным и иными языками);

- отношение к этническим традициям (традиционализм – инновационность);

- ценностные ориентации;

- религиозность;

- предпочтения в выборе каналов этнокультурной информации;

- индивидуально-типологические особенности личности (специфика восприятия – ригидность – гибкость, эмпатия, агрессия и др.).

Отметим, что под межэтническими установками (этническими установками в межэтнических отношениях) мы понимаем наиболее распространенную в этносоциологии и этнопсихологии их трактовку как готовность (предрасположенность) личности к восприятию тех или иных событий в жизни этнической группы и в межэтнических отношениях, и, в соответствии с этим восприятием, – готовность (предрасположенность) действовать определенным образом в конкретной ситуации. Осознавая различия между терминами «готовность» и «предрасположенность», мы оставляем за собой право учитывать смысловые нюансы при интерпретации результатов исследования.

Важной методической составляющей реализуемого нами проекта исследования влияния специфики лингвокультурной среды на установки личности и групп в межэтнических отношениях является выбор индикаторов и показателей оценки данного влияния. Следует отметить, что строгого различения индикаторов и показателей в социологии нет. Так, даже в «Социологической энциклопедии» они определяются как синонимы. В статье «индикаторы» отмечается: «индикаторы – 1) показатели; 2) доступные наблюдению и измерению характеристики (признаки) изучаемого или управляемого социального объекта... Индикатором может быть либо сама характеристика, либо некоторые ее значения»⁵⁵. В статье «Индикаторы бедности» указано, что это – «специальные

⁵⁵ *Социологическая энциклопедия*. М.: Мысль, 2003. В 2-х т. Т.1. С. 365–366.

показатели и коэффициенты, характеризующие уровень и динамику бедности»⁵⁶. В эмпирических исследованиях некоторые авторы с целью более логичного подхода к измерению качественных и количественных характеристик социального процесса под индикаторами понимают его качественные, а под показателями – количественные характеристики.

Так, Н.Р. Маликова в докладе «Социологические индикаторы мониторинга межэтнических отношений» на VI Международной социологической конференции «Продолжая Грушина» (Москва, 2016 г.), указывая на необходимость методологического различения социальных показателей и индикаторов, отмечает: «Показатели фиксируют все возможные социальные явления и факты, в то время как индикаторы – это концептуальные эквиваленты (заменители) исследуемых явлений... Поэтому данные любых этносоциологических исследований – само собой и мониторинговых, соотносят с определенными индикаторами, в единстве с *качественной определенностью* состояния этносоциальных групп, содержательной характеристикой межэтнических отношений в различных социально-этнических средах». Она также обращает внимание на необходимость учета в мониторинге этнопсихологических индикаторов: устойчивости этничности, этнических стереотипов, ориентаций на приоритет традиций или инноваций и других индикаторов⁵⁷.

⁵⁶ Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. В 2-х т. Т.1. С.366.

⁵⁷ Маликова Н.Р. Социологические индикаторы мониторинга межэтнических отношений //Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать

На основе изложенного выше понимания лингвокультурной среды, межэтнических установок, факторов взаимодействия среды и установок, индикаторов и показателей, определяющих это влияние, в программе проводимого нами исследования выделены следующие основные *индикаторы*:

1) этническая идентичность в системе идентичностей личности;

2) этническое самосознание (его содержание, полнота, степень стереотипности);

3) лингвокультурологический тип личности (родной язык, владение другими языками, роль языков в межкультурной коммуникации, психологические характеристики);

4) социальные институты: семьи, образования, культуры, религии и их роль в формировании ценностных ориентаций, межэтнических установок личности в специфичной лингвокультурной среде;

5) основные каналы информации, влияющие на среду и установки личностей и групп (литература, ТВ, интернет, печать и др.);

6) пространственная специфика лингвокультурной среды (город – село; моно- и полиэтничность поселения, учебного или трудового коллектива, семьи);

7) отношение личности к традициям и инновациям;

8) аккультурационные стратегии личности и ее типов;

9) психологические особенности личности.

Соответственно, количественная сторона индикаторов проявляется в *показателях*:

1) соотношение различных идентичностей в самосознании личности (этнической, общероссийской, региональной и др.);

2) полнота этнического самосознания;

3) степень владения человека родным (не русским), русским, другими языками;

4) лингвокультурные особенности личности;

5) этническая структура лингвокультурной среды на макро-, мезо- и микроуровнях (регион, поселение, коллектив, семья);

6) региональная специфика формирования и действия социальных институтов, средств массовой информации;

7) степень владения этническими традициями (быт, труд, культура и др.);

8) ориентация на моно-, полиэтническую среду проживания, общения;

9) социальные дистанции в межэтнических отношениях;

10) ориентация на моно-, полилингвистическую среду общения;

11) типы личности и соотношение стратегий аккультурации (интеграции, ассимиляции, сепарации, маргинализации) в самосознании личностей определенных типов.

В эмпирическом исследовании применялись опрос и тестирование. Инструментарии обследования – социологическая анкета, индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик⁵⁸. Каждый из респондентов опрашивался, как правило, по всем трем методикам. Применялся метод районированной выборки со случайным отбором на последнем этапе исследования. Основанием для выборки являлись материалы Всероссийской переписи населения 2010 г.

В Республике Саха (Якутия) опрошено 3830 человек, в Республике Хакасия – 1843, в Республике Алтай – 815, в Республике Тыва – 692 человека в возрасте 14 – 29 лет – русских, саха, хакасов, алтайцев, тувинцев, представителей коренных малочисленных народов Севера, других народов.

При компьютерной обработке материалов обследования применялись методы группировки, классификации и типологизации.

⁵⁸ Собчик Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. Практическое руководство. СПб. 2003.

1.3. Лингвосоциокультурная типологизация как метод исследования

Проведенное нами исследование находится на пересечении предметных полей нескольких наук – социологии, социальной философии, лингвокультурологии, социальной психологии – объединяемых социогуманитарным основанием, но различающихся по теоретико-методологическим и методическим подходам. Общим в содержании дисциплин является доминирование принципа взаимообусловленности индивида и общества, языка и культуры, бытия и сознания. При этом интегрируются идеи историко-культурного подхода (И. Гердер, В. Гумбольдт, Н. С. Трубецкой, А. А. Потебня), деятельностного (А. Н. Леонтьев, Э. Дюркгейм, Г. П. Щедровицкий), психологического (В. Вундт, Г. Миллер, Г. У. Солдатов, Г. М. Андреева), социокультурного (П. А. Сорокин, Э. А. Орлова, Н. И. Лапин, Ю. М. Резник), информационно-коммуникативного подхода (А. Шюц, Ю. Хабермас, Э. Сепир, Б. Л. Уорф, С. Арутюнов, Т. З. Адамьянц).

Необходимо отметить, что во всех этих науках важнейшую роль играет концепт «язык» – как главное средство коммуникации между людьми; способ фиксации человеком символов, норм, обычаев; способ передачи информации и моделей поведения; продукт духовной культуры и условие развития народов. Лингвистический поворот в социологии проанализирован китайским исследователем Лю Цзюанем: «Особенностью современной

науки – отмечает он, – является интеграция в диалектическом единстве дифференциации и синтеза в высокой степени. Взаимопроникновение дисциплин служит объективным требованиям развития современного общества и является неизбежной частью углубления сознания человека. Лингвистический поворот в социологии обусловлен развитием комплекса гуманитарных наук и философии»⁵⁹.

Однако необходимо учесть, что каждый «поворот» в науке, особенно социогуманитарной, – это не только гносеологическая и онтологическая проблема, требующая согласования «картин мира» и языков отдельных научных дисциплин, но и социальная проблема, обусловленная степенью адекватности восприятия происходящих в обществе изменений.

Важным методом познания в такой сложной междисциплинарной системе является типологизация. Поскольку, как мы полагаем, центральную область в данной системе занимает социология как генерализирующая наука (по П. Сорокину), то и в теоретической типологизации, и в эмпирической верификации выделенных типов вполне применимы методы социокультурной типологизации, с учетом специфики лингвокультурной, психологической типологизаций. Теоретико-методологическое основание социокультурной типологизации, методика исследования этнической и региональной специфики социокультурных типов молодежи современной России, а также результаты

⁵⁹ Лю Ц. О лингвистическом повороте в социологии // Социологические исследования. 2018. №7. С. 122. DOI: 10.31857/S013216250000185-6.

проводимой нами ранее эмпирической верификации типологизации на материалах исследования в Якутии и Хакасии изложены в монографии «Социокультурные типы молодежи: Этнический и региональный аспекты»⁶⁰. В исследовании применялись несколько моделей социокультурной типологизации. Выявлена специфика ценностных ориентаций поведения различных типов молодежи – в межэтнических отношениях, сферах образования, труда и т.д.

В настоящем исследовании делается попытка комплексной, лингвосоциокультурной типологизации индивидов и групп, базирующаяся на лингвокультурных и социокультурных характеристиках личности.

Проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры, этноса, – отмечает В. А. Маслова, – есть междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук – от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии... Язык теснейшим образом связан с культурой, он создан ею и создаёт её, развивается в ней и выражает её. На основе этой идеи возникла новая наука лингвокультурология, которую можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившемся в 90-е годы XX в.... Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. С ней тесно

⁶⁰ *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурные типы молодежи: Этнический и региональный аспекты. Новосибирск; Автограф. 2014.

связана этнолингвистика и социоллингвистика.⁶¹ Лингвокультурология – продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике, сущность которой состоит в переключении интересов исследователя с объектов познания на субъекты, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке.⁶²

Поскольку лингвокультурология конституируется все же как отрасль лингвистики, то это находит отражение в предмете её исследования – «единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное образно-метафорическое значение в культуре и зафиксированное в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (пословицах и поговорках) и т.д.»⁶³

Классификация и типологизация занимают важное место в арсенале методов лингвокультурологии, особенно в выделении типов языковых личностей⁶⁴, лингвокультурных типажей.⁶⁵ Последние определяются как «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества», «обобщенные образы личностей, чье поведение и чьи ценностные ориентации оказывают определенное влияние на лингвокультуру в целом и служат индикаторами

⁶¹ Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр. «Академия», 2001.

⁶² Там же. С.6.

⁶³ Там же. С. 36.

⁶⁴ Там же. С. 117–120.

⁶⁵ Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Сб. науч. тр. (Под ред. В.И. Карасика). Волгоград, Парадигма, 2005.

этнического и социального своеобразия общества»⁶⁶. В литературе по этой теме приведены многочисленные типы, выполненные на материалах коммуникативного поведения русских, англичан, американцев, французов, немцев и других⁶⁷.

Это, например, «русский интеллигент», «английский аристократ», «американский ковбой», «калмыцкий кочевник», «казак», «фанат как типаж современной массовой культуры», «коммуникативный тип начальника» и др..

Как отмечает Е. М. Дубровская, описано около 100 возможных лингвокультурных типов, но подробная их классификация и основания для этой классификации практически не представлены. Она анализирует уже существующие подходы к типизированию для описания лингвокультурных типов и предлагает способ их систематизации по 9 тематическим группам: профессия, хобби, склад ума, стереотип, неявный прецедент, прототип, территориально-ориентированный типаж, исторический персонаж, типаж-концепт.⁶⁸

В целом же в теории и методике лингвокультурной типологизации акцентируются характеристики языковых личностей как модальных для социокультурной общности или группы на основе анализа речевого поведения, литературных

⁶⁶ Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // *Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типы*. Волгоград, 2005. С. 5–25.

⁶⁷ *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы*. Сб. науч. тр. (Под ред. В.И. Карасика). Волгоград, Парадигма, 2005. С.8–9.

⁶⁸ Дубровская Е.М. Типология лингвокультурных типов: опыт систематизации // *Мир науки, культуры, образования*. 2016. №2 (57). С. 364–366.

источников, представлений референтных групп по образу того или иного типа. Социально-коммуникативным функциям лингвокультурная типологизация уделяет мало внимания, включая вопросы коммуникации в полиэтнической среде.

Попытка учета специфики взаимодействия монологов и билингвов выполнена в исследовании С. В. Пахаренко. Гипотеза исследования построена на предположении о влиянии глобализационных процессов на национальную языковую личность, которая «модифицируется в силу взаимопроникновения языков и культур и как этнолингвотип обретает статус монологва/билингва в зависимости от степени включенности в языковые контакты»⁶⁹. Под этнолингвотипом в работе понимается «тип национальной языковой личности в соответствии с параметрами владения одним или несколькими языковыми кодами и принадлежности к определенной культуре через происхождение, единый язык, самосознание и другие показатели. В условиях межкультурной коммуникации периода глобализации и активных интеграционных процессов происходит трансформация языковой личности либо в сторону переключения на другой языковой код (билингвизм), либо гибридизации различной степени одного из ее уровней при сохранении монологвального ядра национально детерминированного сознания и языкового кода

⁶⁹ Пахаренко С.В. Статусные и структурно-семантические характеристики языковой личности как этнолингвотипа в эпоху глобализации: автореф. дис. ...канд. филол. н.: 10.02.19. – Ставрополь, 2017. С. 5.

(монолингвизм)»⁷⁰. В результате анализа текстов федеральных программ и эмпирической проверки гипотезы на примере Ставропольского края С. В. Пахаренко приходит к выводу, что «языковая личность современного россиянина не может считаться билингвальной, т.к. в подавляющем большинстве она характеризуется только ограниченным знанием вербально-семантического кода другого языка, в то время как языковая личность билингва предполагает адекватное (аутентичное) владение разнообразными конструктами, умение правильно употреблять их в разнообразных речевых ситуациях, осознание концептуальных отличий вербально-семантической системы иностранного языка от системы родного языка»⁷¹. Важно отметить, что данный вывод строится на основе определения термина «языковая личность, впервые использованного в 1930 г. В. В. Виноградовым в книге «О художественной прозе». Понятие вошло в научный оборот в конце 80-х гг. XX в. после публикации книги Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987), где была предложена структура языковой личности, состоящая из трех уровней:

1. вербально-семантического, дающего представление о владении языковой личностью системой языка;

⁷⁰ Пахаренко С.В. Статусные и структурно-семантические характеристики языковой личности как этнолингвотипа в эпоху глобализации: автореф. дис. ...канд. филол. н.: 10.02.19. – Ставрополь, 2017. С. 8.

⁷¹ Там же. С. 20.

2. когнитивного (понятия, идеи, представления, складывающиеся в «картину мира»);

3. прагматического (включает цели, мотивы, интересы, оценки, проявляющиеся в речевой деятельности)⁷².

В данном контексте вывод относительно содержания билингвальности, сделанный С. В. Пахаренко, фактически подразумевает некое удвоение содержания структуры языковой личности, что нам кажется несколько упрощенным восприятием достаточно сложного пути формирования билингва, который может просто владеть двумя языками в силу проживания в полиэтническом обществе, а может являться потомком этнически смешанных семей, где использование двух языков происходит с детства на уровне домашнего взаимодействия.

Результаты исследования Н. И. Ивановой⁷³ показывают не просто факт существования билингвизма, а степень его проявления в Якутии: «русским языком в той или иной степени владеют 99,8 % якутов: в т. ч. 87,2 % якутов свободно, активно – 89,4 %, пассивно – 10,3 %. Таким образом, преобладающая часть якутского населения двуязычна, причём автоответы указывают на лучшее владение русским, нежели родным. В сопоставлении с результатами республиканского опроса «Межнациональные отношения», проведённого в 1990 г.⁷⁴, выявились следующие качественные изменения:

⁷² Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

⁷³ Иванова Н.И. Статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Вестник СВФУ. 2013. №3. С. 60

⁷⁴ Аргунова Т.В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 88 с.

в 2,6 раз возросло количество якутов, свободно владеющих русским, в 2,5 раз сократилось количество говорящих с затруднениями и в 1,5 раза сократилось количество не говорящих»⁷⁵.

По результатам проведенных нами исследований в республиках Саха (Якутия), Тыва, Хакасия⁷⁶ мы также не можем согласиться с выводом С. В. Пахаренко, поскольку лингвокультурная специфика регионов, а также история формирования их этнической картины как раз свидетельствуют об имеющихся предпосылках для появления билингвизма. Но в нашем исследовании мы пошли несколько дальше и не остановились только на изучении вербальных характеристик субъектов. Нами учтены их аккультурационные стратегии, межэтнические установки, формирование социальных дистанций, что позволяет утверждать об использовании метода *лингвосоциокультурной* типологизации.

Республики Тыва и Саха (Якутия) представляют типы лингвокультурной специфики социокультурной макросреды с доминированием численности титульных этносов в населении (тувинцев и саха), а республики Алтай и Хакасия – доминирования численности русских (о характеристиках регионов более подробно во второй главе).

⁷⁵ Иванова Н.И. Статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Вестник СВФУ. 2013. №3. С. 60

⁷⁶ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурные типы молодежи: Этнический и региональный аспекты. Новосибирск; Автограф. 2014; Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011; Абрамова М.А. Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика, трансляция моноэтническими и межэтническими семьями. Новосибирск, 2016.

Следующий уровень типологии социокультурной макросреды – соотношение городского и сельского населения, что отражает лингвокультурную специфику полиэтнических регионов Сибири (титulyные этносы чаще всего – сельские жители, а русские – городские).

В соответствии с предметом исследования показателями теоретической модели лингвосоциокультурной типологизации личностей являлись: 1) национальность (этническая идентичность) респондента; 2) национальность родителей; 3) степень сформированности этнического самосознания; 4) соблюдение этнических традиций в семье; 5) родной язык респондента; 6) степень владения родным языком; 7) язык общения респондента дома. Индикаторами показателей выступали ответы респондентов на вопросы анкеты. Модель базируется на количественных методах исследований. Ввиду многочисленных комбинаций элементов данных показателей с целью достаточной наполняемости типизируемых групп и релевантности исследования их поведения в межэтнических отношениях было решено ограничиться: 1) типологизацией русской молодежи и молодежи титульных этносов – тувинцев, саха (якутов), хакасов, алтайцев; 2) в каждой из указанных этнических групп выделено по 2 типа молодежи из этнически однородных семей плюс 1 тип из этнически смешанных (титulyный этнос – русский) по отмеченным выше показателям.

Распределение по типам производилось на основании прямых ответов респондентов на анкету, за исключением определения степени сформированности этнического самосознания, которая выявлялась нами на основании совокупности ответов респондента. Например, *тип 1 – монолингвы*: 1) национальность указана саха; 2) национальность родителей – саха, саха; 3) этническое самосознание – сформированное («каждый человек должен сознавать свою национальную (этническую) принадлежность, знать язык и культуру своего народа»); 4) этнические обряды и традиции в семье родителей соблюдаются; 5) считает своим родным языком – якутский; 6) владеет якутским языком свободно («понимает, говорит, читает, пишет»); 7) чаще всего разговаривает дома на якутском языке. Аналогичные показатели для этого типа 1 – для русских, тувинцев, хакасов, алтайцев.

Тип 2 – билингвы: 1) национальность (указана саха); 2) национальность родителей – саха, саха; 3) степень сформированности этнического самосознания – разная; 4) этнические традиции в семье – чаще не соблюдаются; 5) родной язык – указан русский или два языка; 6) степень владения якутским языком – владеет частично или вообще не знает; 7) дома разговаривает чаще всего на русском;

Аналогично по типу 2 – для хакасов, алтайцев, тувинцев. Для русских особенности этого типа 2 – только в показателе 6) – частично владеет языком якутским (хакасским, алтайским, тувинским).

Тип 3 – молодежь из этнически-смешанных (алтайско-русских, якутско-русских, хакаско-русских, тувинско-русских) семей – «*метисы*»: 1) указано две национальности – саха, русский; 2) национальность родителей – саха, русские; 3) этническое самосознание – не сформировано; 4) этнические традиции в семье – чаще не соблюдаются; 5) считает родным языком – якутский, русский, два языка; 6) владеет якутским – частично; 7) дома разговаривает чаще – на русском. Аналогично по типу 3 – для алтайцев, хакасов, тувинцев.

Эти 3 типа в каждой Республике репрезентируют переход от максимальной значимости для индивида этнической и языковой идентичности – к билингвизму при сокращении значимости этничности и далее (в типе 3) – к «размытости» этнической и языковой идентичности у молодежи из этнически смешанных семей. Предполагалось, что этот переход проявляется и в структуре межэтнических установок, аккультурационных стратегиях молодежи.

В данной модели представлены все оси типологизации – личностная, культурная и социальная – они «триадны» (по Сорокину); с определенным доминированием лингвокультурных параметров.

С целью более четкого представления роли индивидуально-личностного параметра в исследуемой теме она дополнена моделью типологизации с использованием психологических характеристик индивидов – «проактивность – реактивность».

Поскольку в социокультурной типологизации, (например, судя по работам Ю. М. Резника) в последнее время много надежд возлагается на качественные методы исследования, феноменологический метод, то для анализа установок и стратегий различных лингвосоциокультурных типов молодежи мы рассмотрели также модель, исходящую из социально-психологических признаков, выделенных на основе экзистенциального анализа В. Франкла и типологии модели индивидуально-личностных характеристик, предложенной Л. Собчик. В этой модели интегрированы количественные и качественные методы исследования.

В условиях инновационного развития России приобретают значение такие качества личности, как ответственность, созидательный труд, личностная и социальная активность, честность, стремление не к наживе, а к продуктивному использованию материальных благ как средству реализации социальных проектов.

В рамках гуманистической психологии и педагогики описание данного типа личности представлено дихотомией «проактивность – реактивность». Понятие проактивности было введено Виктором Франклом⁷⁷. Проактивный человек, по мнению философа, представляет собой личность – с активной жизненной позицией, с внутренним локусом контроля – принимающая ответственность за себя и свою

⁷⁷ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

жизнь, а не ищущая причин для происходящих с ней событий в окружающих людях и обстоятельствах, а также личность, высокоодаренная нравственно: осознающая свои глубинные ценности и цели и действующая в соответствии со своими жизненными принципами, независимо от условий и обстоятельств.

Стивен Кови, последователь В. Франкла, отмечает, что проактивность – это в первую очередь ответственность за свою собственную жизнь. «Наше поведение зависит от наших решений, а не от окружающих условий. Мы можем подчинять чувства нашим ценностям. Мы инициируем происходящее и несем за это ответственность»⁷⁸.

В качестве антипода выступает реактивный человек, который находится в зависимости от «социальных условий окружающей среды, от “социальной погоды”...». Одним из первых, кто предложил рассматривать реактивность в качестве противовеса «проактивности», был Г. Олпорт. Реактивные люди движимы чувствами, обстоятельствами, условиями и своим окружением. Проактивные люди движимы ценностями – тщательно продуманными, отобранными и принятыми»⁷⁹.

⁷⁸ Кови С.Р. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М., 2011. С. 76.

⁷⁹ Там же.

Инструментарий нашего исследования базировался на модифицированном индивидуально-типологическом опроснике Л. Н. Собчик⁸⁰.

В качестве основополагающих векторов, по которым проводилось определение доминирующей модели поведения личности, были выбраны три: 1) жизненная позиция; 2) отношение к другим людям (отзывчивость, гуманность, стремление прийти на помощь); 3) локус контроля.

В начале респонденты были распределены по двум группам: проактивной и реактивной. Проактивная личность характеризовалась по сочетанию эмпирических индикаторов социально-психологического диагностирования: 1) активная жизненная позиция, 2) позитивное отношение к другим людям (отзывчивость, человеколюбие, гуманность, стремление прийти на помощь); 3) внутренний локус контроля. Все остальные индивиды были определены как личности с доминирующей реактивной моделью поведения.

Для уточнения группировки мы обратились к представленной у С. Кови характеристике самосохранения, что отражается в умении не поддаваться на эмоциональные провокации, не быть зависимым от эмоционального фона окружения и умении сохранять свое личное пространство, пресекая в отношении себя реализацию манипулятивных практик.

⁸⁰ Собчик Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. Практическое руководство. СПб., 2003.

В результате среди опрошенных было выявлено четыре типа личностей:

1) *проактивные* (индивиды с доминирующей проактивной моделью поведения, сформированными навыками по самосохранению, высоким уровнем рефлексии, интернальным локусом контроля);

2) *переходный тип* (с доминирующей проактивной моделью поведения, но с недостаточно развитыми навыками по самосохранению, демонстрирующие зависимости разного вида: эмоционального, деятельностного, высоким уровнем рефлексии и интернальным локусом контроля);

3) *реактивные личности* с задатками лидера (доминирующая модель поведения – реактивная, с демонстрацией хорошо развитых навыков по самосохранению, экстернальным локусом контроля);

4) так называемая *реактивная масса* (доминирующая модель поведения – реактивная и слаборазвитые навыки по самосохранению)⁸¹.

Представленные выше типологии были эмпирически верифицированы на массивах данных, собранных в республике Саха (Якутия) и Хакасия, Тыва и Алтай, что представляет особый интерес, поскольку авторы большей части разработанных теоретических типологий

⁸¹ См. подробнее: *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Этнокультурная и гендерная обусловленность формирования лидерских качеств индивида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11. № 3. С. 87-94.

останавливаются лишь на описании распределения тех или иных типов в той или иной социальной общности. В нашей же работе представлены результаты исследования специфики выявленных типов молодежи, их установок в межэтнических отношениях, выбора национальности семейно-брачного партнера, друга (подруги) партнера по работе, руководителей в сфере труда, политики; выбора аккультурационных стратегий. Показана значимость установок и стратегии поведения молодежи разных лингвосоциокультурных типов от объективных (тип поселения, тип семьи и др.) и субъективных факторов. Это позволяет применить результаты проведенного исследования в молодежной, семейной, образовательной, языковой политике при регулировании межэтнических отношений.

Глава II. ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ: ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ

II.1. Исследования лингвокультурной специфики среды в республиках Сибири

Одной из публикаций, наиболее широко освещающих результаты исследований факторов, обуславливающих формирование лингвокультурной специфики в республиках Южной Сибири последних лет, является работа И. Н. Трошкиной⁸². Автор раскрывает на примере исследований Т. Г. Боргояковой⁸³, А. В. Гусейновой⁸⁴,

⁸² Трошкина И.Н. Этноязыковая ситуация в регионах Южной Сибири // Социодинамика. 2020. № 12. С. 27–38. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.12.34604

⁸³ Боргоякова Т.Г. Правовой и функциональный статус языков Республики Хакасия // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. № 16. С. 156–162; Боргоякова Т.Г. Проблемы языковой глобализации в региональном аспекте // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 7. С. 22–25; Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири: дис. ... д. филол. н.: 10.02.19. М., 2002. С. 186; Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в Республиках Южной Сибири // Российская Академия Наук, Институт языкознания, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2002; Боргоякова Т.Г., Биткеева А.Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 50–61; Боргоякова Т.Г. Языки коренных народов: перспективы vitality (на примере языков Южной Сибири) // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Материалы Международной конференции. 2019. С. 17; Боргояков С.А., Боргоякова Т.Н. Языковая ситуация и проблемы обучения хакасскому языку в Республике Хакасия // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 3 (15). С. 12–22.

⁸⁴ Гусейнова А.В. Региональный язык в медиапространстве Республики Хакасия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 29 (320). С. 34–36; Гусейнова А.В. Языки народов Республики Хакасия в коммуникативном пространстве региона // Таврический научный

А. В. Зыкина⁸⁵, Ч. С. Цыбеновой⁸⁶ и др. проблемы функционирования русского и родного языков титульных этносов в республиках Тыва, Хакасия и Алтай. В результате обобщения материалов исследователь приходит к выводу о том, что уровень сокращения коммуникативных функций языков титульных этносов в регионах России различный, несмотря на отмечающееся сужение функций языка до семейно-бытового общения⁸⁷ под воздействием:

обозреватель. 2017. № 10-1 (27). С. 79–84; Гусейнова А.В. Хакасский язык в системе образования: состояние и перспективы // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1 (69). С. 178–183.

⁸⁵ Зыкин А.В. Анализ этнокультурной идентичности и этноидентификации коренных народов Южной Сибири // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 7-1. С. 114–118; Зыкин А.В. К вопросу о национально-культурной деятельности СМИ в системе социальных отношений // Современный ученый. 2017. № 6. С. 286–289; Зыкин А.В. Место и роль языка в структуре традиционной культуры: на материале коренных этносов Южной Сибири: автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2019. 67 с.

⁸⁶ Цыбенова Ч.С. Коммуникативное пространство русского языка в республике Тыва // Русский язык и литературы в образовательном пространстве Азиатского региона. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня образования кафедры русского языка и общего языкознания, кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета. Ответственный редактор О.А. Колмакова. Улан-Удэ, 2017. С. 72–75; Цыбенова Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Улан-Удэ, 2019. 240 с.; Дырхеева Г.А. Цыбенова Ч.С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 62–74; Цыбенова Ч.С. Социолингвистическое исследование тувинского языка (историографический обзор) // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. 2019. С. 56–61; Цыбенова Ч.С. Функциональное развитие тувинского языка: диахронический аспект // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 3 (21). С. 56–66.

⁸⁷ Галлямов Р.Р., Гарипов Я.З. Этноразовые процессы как элемент этносоциального развития общества: содержание и функциональные составляющие // Вестник ВЭГУ № 4 (84). 2016. С. 33–43.

социально-экономического положения, политической ситуации в регионах, социальной среды, языкового законодательства, где последний из них является ведущим.

Отметим, что ретроспективные оценки влияния языкового законодательства по республикам весьма противоречивы. Так, А. А. Елаев и Г.-Х. Ц. Гунжитова, обобщая принятые постановления в СССР, приводят следующие этапы, через которые прошли языки этнических групп в республиках: 1) 1920 – середина 1930-х гг. – активной поддержки и развития языков; 2) языковой ассимиляции – конец 1930-х – середина 1980 гг.; 3) возврата к политике поддержки и развития языков (актуализации языковых проблем, признания языков титульных этносов вторыми государственными языками – с конца 1980-х гг.)⁸⁸. Единственным исключением был тувинский язык; в силу позднего вхождения в состав страны он прошел лишь два последних этапа. Но по данным Т. Г. Боргояковой и А. Н. Биткеева: «Тува была одной из республик, принявший закон об языках, в соответствии с которым тувинский язык провозглашался единственным государственным языком на ее территории, за русским языком был закреплён статус языка межнационального общения»⁸⁹. Учитывая этническую картину региона с достаточно высоким процентом представителей титульного этноса, обобщение условий

⁸⁸ Елаев А.А., Гунжитова Г.-Х. Ц. Этноязыковые процессы в Бурятии в XX в. – начале XXI в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 125.

⁸⁹ Боргоякова Т.Г., Биткеева А.Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 53

лингвокультурной специфики до стадии языковой ассимиляции предложенное А. А. Елаевым и Г.-Х. Ц. Гунжитовой в отношении Тувы, представляется нам в свете последней работы весьма спорным.

Изучение субъективных оценок авторов, пишущих об истории сохранения языков титульных этносов и малочисленных народов, также показывает неоднозначность оценок. Так, например, в работе Р. И. Васильевой⁹⁰ приводится описание факторов, обуславливающих формирования языковой ситуации еще до прихода русских в Якутию в XVII в. и отмечается, что уже тогда якутский язык был языком межнационального общения для аборигенных народов: эвенков, юкагиров, эвенов, чукчей и др.: «Русские, оказавшись в жестких климатических условиях Севера, пространственной изоляции от основной массы своего народа, привычной языковой среды, приспособлялись и заимствовали у местного населения способы хозяйствования, промысла, охоты, рыболовства, строительства. Они подвергались и языковому влиянию численного большинства якутов»⁹¹. Автор, ссылаясь на свидетельства Ф. П. Врангеля, И. А. Гончарова, В. Иохельсона, А. Ф. Миддендорфа, И. А. Худякова и др. приводит пример, что русские жители края могли говорить хуже по-русски, чем по-якутски,

⁹⁰ *Васильева Р.И.* Проблемы сохранения и развития языков малочисленных народов Севера в условиях многоэтнического социума республики Саха (Якутия) // Теория и практика общественного развития. 2011. №6. С. 299–302.

⁹¹ *Васильева Р.И.* Проблемы сохранения и развития языков малочисленных народов Севера в условиях многоэтнического социума республики Саха (Якутия) // Теория и практика общественного развития. 2011. №6. С. 299–302.

а в центральных и виллойских районах Якутии они переходили полностью на якутский язык. В частности, В. Иохельсон пишет со ссылкой на А. Ф. Миддендорфа о том, что последний не мог найти среди русских «ни одного человека, настолько знающего по-русски, чтобы быть ему переводчиком»⁹². Исключение составляли лишь обособленные поселения русских по р. Индигирке и р. Колыме, сохранившие родной язык, обычаи по причине обособленности и замкнутости.

С интенсификацией контактов, а также с открытием школ, уездных училищ, строительством церквей, усилившимся притоком русского населения русский язык начинает быстро распространяться по Северу и приводит к тому, что до революции 1917 г. в якутском языке насчитывается уже более трех тысяч заимствованных слов⁹³. Но, как дальше отмечает Р. И. Васильева: «в советское время с начала 30-х годов начинается сворачивание образования на родном языке,... а Закон РСФСР “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования” (1959 г.) способствовал тому, что школы с обучением на национальных языках стали перепрофилироваться на обучение детей на русском языке

⁹² *Иохельсон В.* Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. СПб.: Типография С. Н. Худекова, 1895. Вып. II. С. 128.

⁹³ *Аргунова Т.В.* Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. С. 15.

с первого класса»⁹⁴. Это привело, по мнению автора, к резкому сужению сферы употребления национальных языков, которые стали пребывать только в качестве семейного, хозяйственно-бытового или ритуального. Такая оценка вроде бы совпадает с мнением А. А. Елаева и Г.- Х. Ц. Гунжитовой. Но для объективности оценки Р. И. Васильева уточняет, что именно в 30-е гг. XX в. «была создана письменность коренных малочисленных народов Севера (на эвенкийском, эвенском и чукотском языках в 1931 г, на юкагирском в 1938 г.), книжная литература, подготовлены профессиональные кадры, сформирована национальная интеллигенция, что способствовало росту национального самосознания»⁹⁵. В результате возникают первые некоторые сомнения. Если обучение сворачивается, зачем молодому государству заниматься не просто восстановлением языков, но тратить средства на разработку методик их преподавания и подготовку кадров из числа лиц, представляющих этнические группы?

В статье директора НИИ национальных школ Республики Саха (Якутия) С. С. Семёновой «Двуязычные, многоязычные – диалог народов и культур. Языковое образование в республике Саха»⁹⁶, наоборот, утверждается,

⁹⁴ *Васильева Р.И.* Проблемы сохранения и развития языков малочисленных народов Севера в условиях многоэтнического социума республики Саха (Якутия) // Теория и практика общественного развития. 2011. №6. С. 299-302.

⁹⁵ *Там же.*

⁹⁶ *Семёнова С.С.* Двуязычные, многоязычные - диалог народов и культур. Языковое образование в республике Саха // Народное образование. 2012. №8. С. 64–71.

что массовое обучение якутскому языку началось в 1922/23 учебном году по приказу наркома просвещения ЯАССР Семёна Донского, и за девяносто лет в республике создана система обучения якутскому языку и литературе.

Конечно, интерпретация термина «родной язык» требует всегда дополнительного понимания по контексту написанного, потому что в статье фактически описывается, что «сформирована целостная система обучения родному языку с 1-го по 9-й класс, родной литературе с 1-го по 11-й класс, подготовки учителей якутского языка и литературы, повышения их квалификации, а также проведения республиканских литературных и фольклорных мероприятий, олимпиад и конкурсов для учащихся, государственной итоговой аттестации, в том числе в форме ЕГЭ» и только из перечисления мы понимаем, что родным назван якутский язык. Но даже констатация данного факта уже вступает в некоторое противоречие с тезисом предыдущей статьи о том, что с 30-х гг. происходит «сворачивание обучения на родном языке».

Дальнейшая детализация С. С. Семёновой материалов, в том числе законодательных Республики Саха (Якутия) об изучении языков коренных малочисленных народов Севера, проживающих в республике, показывает, что они признаны и используются наравне с государственными (якутский и русский) в местах компактного проживания этих народов. В то же время автор отмечает, что многие представители малочисленных народов Севера в Якутии,

как и во всей Российской Федерации, не владеют родными (этническими) языками, поэтому их базовыми и функционально первыми языками на территории РС(Я) стали русский или якутский. Одной из причин, по мнению автора, является неустойчивая литературная форма родных языков коренных малочисленных народов Севера, что приводит к преобладанию в живой (устной) речи наречий, говоров и диалектных форм языка. По всей вероятности, для развития методики преподавания это является серьезной проблемой, как и параллельное изучение нескольких родных языков в одном классе, что требует нестандартных подходов к разработке учебного плана, обеспечению учебно-методическими комплектами, финансированию дополнительных учебных часов⁹⁷.

В целом автор перечисляет, что учебный предмет «Эвенский язык и литературное чтение» преподаётся в школах районов проживания эвенков с 30-х гг. XX в. (письменность на эвенкийском языке создана в 1931 г.); с этого же времени язык чукчей как учебный предмет преподаётся в школах Чукотского автономного округа, а с 1993 г. – в Колымской школе, в кочевой школе «Нутендли» Нижнеколымского улуса (в 1931 году создан практический алфавит чукотского языка, а в 1932 году издан первый букварь на основе восточного диалекта уэленских чукчей, который впоследствии был принят за литературный чукотский язык; в 2011 году

⁹⁷ Семёнова С.С. Двужызычныя, многоязычныя – диалог народов и культур. Языковое образование в республике Саха // Народное образование. 2012. №8. С. 65.

издана первая чукотская азбука на диалекте колымских чукчей (западный диалект)); дисциплина «Юкагирский язык и литературное чтение» введена с 1990 г. (письменность на юкагирском языке существует с 1969 г.; алфавит для тундренного диалекта юкагирского языка, в основу которого положены якутский алфавит и графика, кодифицирован в 1987 г., позднее он распространён и на колымский диалект юкагирского языка); учебный предмет «Долганский язык и литературное чтение» стал преподаваться с 1985 г. на Таймыре (в лингвистике долганский язык признаётся и как диалект якутского языка, и как самостоятельный язык; в конце 70-х гг. XX столетия создана письменность на долганском языке). В связи со сложившимися историческими обстоятельствами (смешанное проживание с якутами и другими коренными народами Якутии) долганы, проживающие в Республике Саха (Якутия), в настоящее время обучаются на языке саха и изучают литературный якутский язык как учебный предмет, при этом в школах организовано интегрированное обучение долганскому языку и литературе⁹⁸.

Даже это беглое перечисление не только дат введения учебных предметов, но и собственно появления алфавитов и возможностей обучения литературному языку малочисленных народов Севера свидетельствуют о том,

⁹⁸ Семёнова С.С. Двоязычные, многоязычные – диалог народов и культур. Языковое образование в республике Саха // Народное образование. 2012. №8. С. 67.

что преподавание родного языка этноса может столкнуться как с законодательными проблемами, так и с элементарным отсутствием теоретико-методологического обоснования методики преподавания, работ обобщающих и универсализирующих различные диалекты миноритарных языков. В этом отношении нельзя не оценить заслуги Института народов Севера РГПУ, где начиная с 1926 г. не только готовили педагогические кадры для северных национальных школ, но и разрабатывали методики обучения. Вместе с тем, мы согласны с мнением С. С. Семёновой о том, что родные языки находятся в неодинаковом положении, что обусловлено их различным юридическим статусом и недостаточно сформированным лингвистическом корпусом родных языков коренных малочисленных народов, не позволяющим организовать качественное обучение на них. Поэтому школьное обучение становится чуть ли не единственным способом их сохранения, развития и формирования литературного языка.

Мы бы не хотели дальше углубляться в исторический экскурс, поскольку сопоставление республик с учетом всех нюансов состояния лингвистического корпуса и степени сохранности языков этнических групп к 1917 г., а также вклада советской власти в дело их развития и преподавания представляется нам неблагодарным занятием. Регионы очень сильно отличались друг от друга и по юридическому статусу, и по истории вхождения в состав СССР, и по численности

этнических групп, язык которых также находился совершенно в разной степени развития и сохранности. Однозначных оценок быть в данной ситуации не может, а субъективность оценок всегда будет иметь место. Но мы бы хотели отметить, что в исследовании языковой политики как составной части политики национальной мы разделяем идеи историко-культурного понимания нации, социокультурного и системного подходов к политике как идеологии и практике деятельности органов государственной власти и структур гражданского общества по регулированию развития и взаимодействия этнических общностей во всех сферах жизнедеятельности. Важной детерминантой социальной коммуникации в этих взаимодействиях в полиэтнической среде является язык – как основа идентификации и этнический символ (В. Гумбольдт, Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижева, М. Н. Губогло, В. А. Тишков). Политологический аспект языковой политики в многонациональных государствах весьма детального проанализирован в работах И. Г. Илишева, Л. М. Мухарямовой, В. А. Тишкова.

Содержание концепта «языковая политика» включает в себя ее нормативно–правовую базу (конституции, законы, целевые программы) и деятельность органов государственной власти и структур гражданского общества в реализации целей и задач, сформированных в нормативных документах, относящихся к проблеме функционирования, развития и взаимодействия языков народов страны, региона.

Конституция Российской Федерации (Статья 68), определяя, что государственным языком на всей ее территории является русский язык, предоставляет республикам право устанавливать свои государственные языки. В настоящее время 21 субъект Федерации обладает статусом республики, и все они согласно Конституции РФ характеризуются как государства, которые имеют в качестве своих основных законов конституции (в отличие от остальных субъектов Федерации) и наделяются правом установления своих государственных языков в дополнение к русскому, статус которого как государственный установлен ст. 68.1. Важно отметить, что такая унификация статуса русского языка произошла лишь на рубеже XX-XXI вв. Так, в конституции Республики Тыва 1996 г. государственным языком устанавливался только один язык – тувинский (обозначенный как «тыва язык»), а русский язык получил статус общедофедерального государственного языка (Ст. 33)⁹⁹. И лишь по конституции 2001 г., принятой в период выстраивания вертикали власти, все положения о языке были редуцированы до одной статьи, согласно которой государственными языками Республики Тыва являются тувинский и русский языки (Ст. 5.1.)¹⁰⁰.

⁹⁹ Конституция Республики Тыва 1996 г. [Электронный документ] // URL: <http://www.humanities.edu.ru> (дата обращения 10.10.2021).

¹⁰⁰ Конституция Республики Тыва 2001 г. [Электронный документ] // URL: <http://huraltuva.com> (дата обращения 10.10.2021).

На данный момент государственными языками в Республике Саха (Якутия) официально признаны язык саха и русский, в Республике Хакасия – хакасский и русский, в Республике Тыва – тувинский и русский, соответственно в Республике Алтай – алтайский, казахский и русский, что отражено в конституциях данных республик.

Принципиальное значение в языковой политике России имеет часть 3 статьи 68 Конституции РФ: «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». Хотя декларация этого права и получила конкретизацию в других федеральных и республиканских юридических документах, относящихся к национальной политике, культуре, образованию и языку, она была и остается предметом острых научных, правовых и политических коллизий, отражающихся в сфере межэтнических отношений. Эти коллизии усугубляются неоднозначной трактовкой в науке и политике Ст. 69 Конституции РФ о гарантии прав коренных малочисленных народов и Ст. 71 о защите и регулировании прав национальных меньшинств, а также понятий «коренной народ» в Конституциях республик и «малочисленные народы» – в мировом праве.

Проведенные нами конкретные этносоциологические и лингвосоциологические исследования показывают, что лингвокультурная специфика среды в регионах России определяется в значительной мере языковой политикой,

которая не всегда зависит от соотношения численности русского и титульных этносов, но всегда обуславливает идентификационные и образовательные стратегии населения¹⁰¹.

В частности, А. В. Гусейнова, анализируя динамику языковой ситуации в Республике Хакасия (где 80 % населения – русские), в своей диссертационной работе отмечает: «В законе о языках нашли отражение в основном императивные положения федерального Закона о языках, а закрепление функционального статуса хакасского языка в нем носит, главным образом, разрешительный характер. *Мягкий тип* (выделено нами) республиканского языкового законодательства в отношении использования хакасского языка в социальных сферах способствует, с одной стороны, сохранению межэтнического согласия, а с другой – снижению престижности и востребованности хакасского языка, ограничивая его функционирование в социально значимых сферах». В итоге исследования она приходит к выводу, что мягкий (разрешительно-рекомендательный) характер языкового законодательства Республики Хакасия приводит к таким негативным последствиям, как уменьшение доли владеющих хакасским языком среди молодежи на фоне сохранения количества детей, получающих образование

¹⁰¹ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Язык в региональных моделях национальной политики современной России // Сибирский философский журнал. 2019. № 3. С. 100–114.

на хакасском языке в начальной школе. В то же время отмечается «стабильность высокого уровня этнической идентификации титульного этноса и стремление к сохранению родного языка», «повышение степени толерантности к хакасскому языку со стороны русского населения»¹⁰². Отметим, что по классификации ЮНЕСКО хакасский язык отнесен к неблагополучным языкам мира: сокращается количество владеющих им, ограничиваются сферы функционирования. Так, свободно владеют хакасским языком 63% молодежи (для сравнения: 88% – у тувинцев, 75 – саха, 73 – алтайцев).

Сопоставим сделанные А. В. Гусейновой выводы с динамикой статистических данных по Республике Хакасия, полученных по результатам переписей населения с 1989¹⁰³ по 2010 гг. (см. табл. 1.1–1.2). Необходимо отметить, что изменения вопросов о языке в переписях (родной, степень владения и пр.) не всегда дают возможность проследить изменения.

По результатам переписей 2002 и 2010 гг. мы действительно можем наблюдать некоторое снижение владения хакасами языком своей этнической группы – с 71,1 к 61,3 % в 2010 г.

¹⁰² Гусейнова А.В. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: автореф. дисс. ... канд. филос. н. 10.02.19. – Улан-Удэ, 2014. 22 с.

¹⁰³ *Население СССР*: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.

Таблица 1.1

**Динамика владения языками среди этносов
в Республике Хакасия, 2002–2010 гг.**

Республика Хакасия	2002¹⁰⁴				2010¹⁰⁵			
	Численность населения (чел.)	Доля лиц, владеющих языком			Численность населения (чел.)	Доля лиц, владеющих языком		
		своей национальностью	хакасским	русским		своей национальностью	хакасским	русским
Указавшие национальную принадлежность	546062	-	-	-	523714	-	7,6	99,8
Русские	438395	99,9	0,2	99,9	427647	100,0	0,1	100,0
Хакасы	65421	71,1	71,1	97,9	63643	61,3	61,3	98,8
Немцы	9161	30,8	1,5	99,9	5976	21,4	1,0	99,9
Украинцы	8360	41,3	0,3	99,9	5039	37,8	0,3	99,8
Татары	4001	-	-	-	3095	38,4	0,6	99,6
Киргизы	626	-	-	-	1875	77,7	1,2	96,1
Чуваши	2530	-	-	-	1824	33,8	1,1	99,9

Также можно отметить снижение востребованности хакасского языка представителями других этнических групп. Дополнительные сопоставления вопросов о восприятии хакасского как родного языка по данным переписей 1989 и 2010 гг. позволяют сделать вывод об увеличении числа хакасов, для которых русский язык стал родным: с 16,7 до 30 %

¹⁰⁴ *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года*: В 14 т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4: Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских поселений, сельских населённых пунктов – райцентров и сельских населённых пунктов с населением 3 тысячи и более.

¹⁰⁵ *Всероссийская перепись населения 2010 года*. М., 2012. Т. 4

в 2010 г. (см. табл. 1.2). В целом по республике отношение к русскому языку с 1989 г. значительно изменилось: с 6,8 до 40,6 % увеличилась доля выбирающих его в качестве родного.

Таблица 1.2

**Динамика отношения этносов к выбору родного языка
в Республике Хакасия, 1989–2010 гг.**

Республика Хакасия	Численность, указавших родной язык (чел.)		Доля лиц, считающих родным					
			язык своей националь- ности		русский язык, не идентифи- цируя себя как русского		хакасский язык, не идентифи- цируя себя как хакаса	
	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010
Указавшие националь- ную принад- лежность	566861	523336	93,1	92,4	6,8	40,6	0	0,05
Русские	450430	427324	100	99,9	0	0	0	0
Хакасы	62859	63609	83,2	70,0	16,7	30,0	0	0
Немцы	11250	5972	38,1	10,4	61,6	89,4	0,1	0,2
Украинцы	13223	5036	45,8	22,5	54	77,3	0	0,1
Татары	4721	3095	56,3	33,6	43,3	65,9	0,1	0,2
Киргизы	-	1874	-	89,2	-	9,7	-	0,3
Чуваши	3433	1824	50,6	28,5	49,1	71,5	0,1	-

Аналогичная тенденция характерна и для других этнических групп в Хакасии: украинцев, татар, чувашей, немцев и пр. Мы могли бы объяснить данную тенденцию доминирующим числом русского этноса в республике,

но сравнение лингвокультурных ситуаций в республиках Хакасия и Якутия, а также общность тенденций в распространении русского языка не позволяют подтвердить существование данной зависимости.

В Республике Саха (Якутия) иная лингвокультурная ситуация, где национальная (в том числе языковая) политика на протяжении всей ее истории характеризуется определенной оппозицией республиканской и федеральной властей. «Жесткий» тип этой политики детерминруется как соотношением численности населения саха и русских (примерно 1:1), с постепенным снижением доли славянского населения (см. табл. 1.3), так и этнократическими установками республиканской власти в этнокультурной политике, опасаящейся ассимиляционных установок власти федеральной. Закон «О языках в Республике Саха (Якутия)» начинается со слов: «Язык – уникальная ценность и неотъемлемый признак нации. Каждый народ имеет суверенное право сохранять свою самобытную культуру, традиции, язык». Статья 4 закона, определяя «язык саха как язык коренной нации, давшей название республике», подтверждает его государственный статус в республике и государственную защиту, заботу о расширении его общественных и культурных функций, а статья 24 «поощряет и стимулирует знание обоих государственных языков (саха и русского) руководителями республиканских органов власти и управления»¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16 октября 1992 г. N 1170-ХП. [Электронный документ] // <https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija> (дата обращения 10.10.2021).

Таблица 1.3

**Динамика владения языками среди этносов
в Республике Саха (Якутия), 2002 – 2010 гг.**

Республика Саха (Якутия)	2002				2010			
	Численность населения (чел.)	Доля лиц, владеющих языком			Численность населения (чел.)	Доля лиц, владеющих языком		
		своей национальнойности	якутским	русским		своей национальнойности	якутским	русским
Указавшие национальную принадлежность	949280	-	-	93,3	934664	-	47,6	94,7
Якуты (саха)	432290	94,3	94,3	87,1	466492	87,0	87,0	90,4
Русские	390671	99,7	2,5	99,7	353649	99,9	2,0	99,9
Эвенки	18232	0,4	84,6	89,1	21008	5,7	81,0	91,1
Украинцы	34633	51,5	0,8	99,7	20341	43,6	0,8	99,8
Эвены (ламуты)	11657	28,1	79,8	89,5	15071	22,4	76,9	91,4
Татары	10768	46,7	4,4	99,4	8122	35,1	4,0	99,7
Буряты	7266	55,9	5,4	99,0	7011	42,4	4,9	99,5
Киргизы	1454	-	-	95,0	5022	70,0	3,0	96,6
Армяне	2764	-	-	97,4	3691	68,8	1,1	97,3
Узбеки	1207	-	-	95,6	3332	67,6	2,9	94,7

Но несмотря на явную этнокультурную направленность как в политической, так и в образовательных стратегиях, на сокращение доли русского этноса с 41,1 до 37,8 %, а также увеличение доли саха с 45,5 – в 1989 г. до 49,9 % – в 2010 г.,

данные по владению русским языком (см. табл. 1.3) убедительно демонстрируют существующую тенденцию к интеграции населения во всероссийский контекст.

У всех этнических групп наблюдается заметное снижение интереса к владению якутским языком и рост востребованности русского. Так, если в 2002 г. 94,3 % саха владели якутским языком, то в 2010 таких уже стало 87 %, при этом доля владеющих русским языком увеличилась с 87,1 до 90,4 %. Доля эвенков, владеющих якутским языком, снизилась с 84,6 до 81 %, эвенов – с 79,8 до 76,9 %. Изменения, конечно, незначительные, но выводы о степени влияния якутского и русского языков на среду взаимодействия можно сделать.

Данная тенденция, по всей вероятности, была зафиксирована при формировании лингвокультурной политики в Якутии, что нашло отражение в форсайт-исследовании будущего республики в горизонте до 2050 года, подготовленного специалистами Северо-Восточного (Якутия) и Сибирского (Красноярск) федеральных университетов с участием экспертов из государственных органов РС(Я).

В нем отношение к этничности рассматривается не как к ограниченности, которую люди преодолевают, а «как к особому ресурсу, капиталу, то есть источнику возможностей для самоопределения и активности людей в современном мире»¹⁰⁷. Языковые аспекты представлены в докладе на основе комплексного социологического

¹⁰⁷ *Форсайт – исследование. Республика Саха (Якутия) – 2050.* Якутск: Изд-во СВФУ, 2014. С. 108.

исследования 2011 года. Показано, что хотя около 70 % молодежи саха в возрасте 18–29 лет свободно владеют языком саха, в группе 18–19 летних таковых лишь около 50 %, а 23 % считают родным русский язык. В результате был сделан вывод: «существует значительный риск вытеснения якутского языка русским»¹⁰⁸. Необходимо отметить, что представленные результаты показали, что степень этого риска в Якутии существенно ниже, чем в Хакасии.

Полученные данные были подтверждены и более поздним исследованием, проведенным в апреле – мае 2019 г. Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственным бюджетным учреждением Республики Саха (Якутия) Национальным агентством «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)», включавшем массовый опрос, 30 экспертных интервью и четыре фокусированных групповых интервью в городах Якутск и Мирный. Несмотря на то, что исследование было направлено на комплексный анализ межэтнических отношений в республике, изучение проблемы языка в школьном образовании позволило Е. М. Арутюновой сделать вывод, что статус языка, обуславливает представления этнической группы о собственном статусе в республике¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Там же. С. 76-77.

¹⁰⁹ Арутюнова Е.М. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании // ИНАБ. 2019. № 1: Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 61 DOI: 10.19181/inab.2019.1.4.

По результатам сопоставления ответов респондентов о родном языке можно констатировать, что к 2010 году опасности потери якутским языком статуса республиканского не существовало, несмотря на некоторое снижение доли владеющих им даже среди саха (см. табл. 1.4.). Так, доля саха, считающих якутский язык родным, практически с 1989 г. не изменилась (95,1 % в 1989 г. и 94,2 % в 2010 г.).

Возможно усиление роли этнокультурного воспитания и обращение к востребованности этнической самоидентификации в РС(Я) повлияло на выбор родного языка у эвенков и эвенов, среди которых значительно снизилась доля считающих якутский язык родным. Некоторую ассимиляцию с русскими можно наблюдать скорее у бурятов, среди которых доля считающих русский язык родным увеличилась с 36,8 до 44,5 % в 2010 г., при незначительном сокращении доли считающих бурятский язык родным. Отчасти это можно считать подтверждением версии о существовании значительного влияния среды общения на выбор родного языка.

В Республике Алтай, применяющей «мягкий» механизм сохранения языка, наблюдается тенденция по охране титульным этносом осознания алтайского в качестве родного языка на фоне уменьшения доли владеющих им (см. табл. 1.5 – 1.6). Так, если в 2002 г. среди алтайцев владеющих языком своей этнической группы было 89,2 %, то уже в 2010 г. таковых осталось 71,1 %.

Несмотря на то, что доля считающих его родным, составившая в 1989 г. 89,6 %, практически не изменилась: в 2010 г. – 86,1 % (см. табл. 1.6).

Таблица 1.4

Динамика отношения этносов к выбору родного языка
в Республике Саха (Якутия), 1989–2010 гг.

Республика Саха (Якутия)	Численность указавших родной язык (чел.)		Доля лиц, считающих родным					
			язык своей национальн ости		русский язык, не идентифи- цируя себя как русского		якутский язык, не идентифи- цируя себя как саха	
	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010
Указавшие националь- ную принадлеж- ность	109406 5	932925	89,4	89,0	8,8	12,1	1,7	6,7
Якуты (саха)	365236	465752	95,1	94,2	4,9	5,8	0	0
Русские	550263	352886	99,7	99,5	0	0	0,2	0,4
Эвенки	14428	20968	8,5	6,4	8,9	12,1	82,5	81,2
Украинцы	77114	20308	49,4	25,0	50,4	74,7	0,1	0,2
Эвены (ламуты)	8668	15054	34,7	20,5	10,7	13,3	54,3	65,4
Татары	17478	8106	55,4	36,3	43,7	61,6	0,6	1,6
Буряты	8471	7002	61,9	53,4	36,8	44,5	1,2	2,1
Киргизы	-	4995	-	91,3	-	7,2	-	1,1
Армяне	-	3684	-	87,2	-	12,4	-	0,2
Узбеки	-	3319	-	87,5	-	10,5	-	1,0

Таблица 1.5

**Динамика владения языками среди этносов
в Республике Алтай, 2002–2010 гг.**

Республика Алтай	2002				2010			
	Численность населения (чел.)	Доля лиц, владеющих языком своей национальности			Численность населения (чел.)	Доля лиц, владеющих языком своей национальности		
		национальности	алтайским	русским		национальности	алтайским	русским
Указавшие национальную принадлежность	202947	-	-	96,5	202736	-	26,0	97,4
Русские	116510	99,9	1,05	99,9	114802	100,0	0,9	100,0
Алтайцы	62192	89,2	89,2	92,4	68814	71,1	71,1	94,3
Теленгиты	2368	97,7	97,7	84,4	3648	95,7	95,7	85,9
Тубалары	1533	26,6	17,6	99,8	1891	10,6	16,0	99,8
Челканцы	830	56,1	17,8	98,4	1113	24,9	17,5	100,0
Казахи	12108	94,3	22,8	87,4	12524	90,0	21,7	88,9
Кумандинцы	931	33,8	11,5	99,6	1062	20,0	6,0	100,0
Украинцы	1437	-	-	99,7	1010	33,1	0,8	100,0
Немцы	903	-	-	99,8	700	17,9	-	99,7

Лишь около 2 % среди алтайцев с 1989 по 2010 г. пересмотрели свое отношение к алтайскому языку и выбрали русский, чего, например, нельзя сказать об украинцах, проживающих на территории республики, которые в большей степени русифицировались (с 58,6 % в 1989 г. до 76,7 % в 2010 г.).

Таблица 1.6

**Динамика отношения этносов к выбору родного языка
в Республике Алтай, 1989–2010 гг.**

Республика Алтай	Численность указавших родной язык (чел.)		Доля лиц, считающих родным					
			язык своей националь- ности		русский язык, не идентифи- цируя себя как русского		алтайский язык, не идентифи- цируя себя как алтайца	
	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010
Указавшие националь- ную принадлеж- ность	190831	202583	94,9	92,9	4,9	14,6	0,1	0,29
Русские	115188	114712	99,9	99,9	0	0	0	0,1
Алтайцы	59130	68778	89,6	86,1	10,4	12,3	0	0
Теленгиты	-	3646	-	-	-	1,0	-	98,9
Тубалары	-	1890	-	22,3	-	58,3	-	19,3
Челканцы	-	1113	-	56,7	-	38,0	-	5,2
Казахи	10692	12505	95,5	93,9	3,6	4,8	0,9	1,2
Кумандинцы	-	1061	-	32,3	-	64,8	-	2,7
Украинцы	1714	1010	40,9	22,5	58,6	76,7	0,2	0,4
Немцы	830	698	23,7	10,3	74,8	89,7	1,2	-

Мы полагаем, что кроме применяемой «мягкой» модели в образовании значительное влияние на сохранение языка оказывает его реальная востребованность в среде общения, что и создает прецедент, когда представители этнической группы осознают в качестве родного алтайский, но выбирают для общения и взаимодействия русский язык. Данный вывод

позволяет заключить, что основное влияние на сохранность языка оказывает не программа обучения, «мягкая» или «жесткая» модели политики, а наличие лингвокультурного пространства, где язык не теряет своей актуальности.

Подтверждение этому выводу мы можем увидеть на примере Республики Тыва, где численность русского этноса с 1989 г. сократилась с 98831 ч. (32 %) до 49416 ч. в 2010 г. (16 %). В результате изменения в этническом составе республики произошли существенные. Однако на долю тех, кто владеет русским языком, среди тувинцев это повлияло незначительно (в 2002 г. – 84,4 %; в 2010 – 83,1 %), как и на долю владеющих и называющих тувинский язык родным (см. табл. 1.7–1.8). Т.е., если специфика лингвокультурной ситуации в Туве формировалась в большей степени под влиянием тувинской культуры и языка, то с 1989 г. и до наших дней мало что изменилось, даже при учете сокращения доли численности русского населения.

Наши предположения подтверждают исследования Н. А. Сердобова¹¹⁰, указавшего, что и в советский период тувинский язык оставался основным средством коммуникации среди тувинцев, доминировавшим во всех сферах личной и общественной жизни тувинцев-сельчан.

¹¹⁰ *Сердобов Н.А.* К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл. 1968. Вып. 13. С. 83-86; *Сердобов Н.А.* О роли языка и письменности в национальной консолидации тувинского народа // Тувинская письменность, язык и литература / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Кызык: Тувкнигоиздат, 1980. С. 24.

Таблица 1.7

**Динамика владения языками среди этносов
в Республике Тыва, 2002–2010 гг.**

Республика Тыва	2002				2010			
	Численность населения (чел.)	Доля лиц, владеющих языком			Численность населения (чел.)	Доля лиц, владеющих языком		
		своей национальности	тувинским	русским		своей национальности	тувинским	русским
Указавшие национальную принадлежность	305510	-	-	87,8	303857	-	80,8	86,1
Тувинцы	235313	98,5	98,5	84,4	249299	98,1	98,1	83,1
Русские	61442	99,9	1,7	99,9	49434	100,0	2,0	100,0

В семейном кругу на родном языке общались с дошкольниками 99,8 % и со школьниками – 100 % родителей. В процессе трудовой деятельности 99,5 % работающего населения предпочитали общаться на тувинском языке. Читать литературу, слушать лекции и смотреть театральные постановки на родном языке было понятнее 88,2 % респондентам. На селе родным тувинский язык признали все тувинцы, а в городе – 88,3 %. Наряду с родным, русский язык знали и использовали на селе 60,8 %, в городе – 88,7 % тувинцев¹¹¹.

¹¹¹ Серээдар Н.М. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2018, № 1.С. 6. DOI: 10.25178/nit.2018.1.1.

Таблица 1.8

**Динамика отношения этносов к выбору родного языка
в Республике Тыва, 1989–2010 гг.**

Республика Тыва	Численность указавших родной язык (чел.)		Доля лиц, считающих родным					
			язык своей националь- ности		русский язык, не идентифи- цируя себя как русского		тувинский язык, не идентифи- цируя себя как тувинца	
	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010
Указавшие националь- ную принадлеж- ность	308557	303709	97,8	98,3	2,1	1,84	0	0,48
Тувинцы	198448	249172	99,0	99,0	0,9	1,0	0	0
Русские	98831	49416	99,9	99,7	0	0	0	0,2

Но несмотря на сохранность тувинского языка в республике, практически уникальный этнический состав, результаты проведенного в 2016 г. социолингвистического опроса, в котором приняли участие 2500 респондентов тувинской национальности различных возрастных и социальных групп трудоспособного населения, проживающего на территории Тувы показали, что более 20 % из респондентов разных возрастных категорий (19–30 лет, 31–40 лет, 41–55 лет, 56 и старше) разговаривают с детьми

на русском языке¹¹². Детализация причин по возрастным когортам обращения к русскому языку как языку бытового взаимодействия позволила выявить, что более 15% респондентов с 14 до 18 лет безразлично, на каком языке общаться, и лишь 20 % уверенно ответили, что хотели бы общаться на тувинском.

Наше предположение, что результаты, полученные Н. М. Серээдар, могут свидетельствовать скорее о востребованности русского языка тувинцами в городской среде, подтверждается увеличением числа тувинцев (с 84641 – 1989 г. до 118580 чел. – 2019 г.) в г. Кызыл, а также сокращением числа русских в целом по республике – с 32 % до 16 %.

Таким образом, медленное переселение тувинцев в город меняет их образ жизни, ставит новые задачи и для старшего поколения, которое едет в город, в том числе обучать своих детей. Так, Н. М. Серээдар отмечает, что у опрошенных респондентов, родившихся с 1951 по 1960 гг., языковая компетенция формировалась в период, когда в тувинских школах преподавание до 7 класса включительно велось на тувинском языке, кроме русского языка и литературы, что сыграло решающую роль в их овладении нормами литературного языка¹¹³. В 8–10 классах и в средних специальных учебных заведениях с начала 1950-х годов

¹¹² *Серээдар Н.М.* Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2018, № 1. С. 11. DOI: 10.25178/nit.2018.1.1.

¹¹³ *Сам Ш.Ч.* Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 62.

обучение по всем предметам, кроме родного, стало вестись также и на русском языке¹¹⁴. А вот после распада СССР и принятия в 1992 г. Закона «О языках в Тувинской АССР» развернулся процесс национального возрождения, что сопровождалось повышением уровня коренизации тувинской школы, где изучение родного языка, как и преподавание по всем дисциплинам, стало вестись включительно по 9-й класс¹¹⁵. Поэтому из числа старших респондентов (с 19 по 56 и старше лет) родным считают тувинский язык 98,3 %¹¹⁶.

В более поздний период (с 1999 по 2004 гг.) произошло некоторое изменение языковой ситуации, что способствовало усилению роли русского языка. Это в значительной степени повлияло на снижение мотивации у тувинцев в возрасте с 31 до 40 лет обучать своих детей тувинскому языку. В результате чего молодое поколение респондентов в возрасте 14–18 лет, считая тувинский менее престижным языком, родным стали называть русский, хотя язык родителей – тувинский¹¹⁷.

¹¹⁴ Монгуш Д.А., Татаринцев Б.И. Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве // Русский язык в Туве: сборник статей / отв. ред. Б. И. Татаринцев. Кызыл, 1985. С. 7.

¹¹⁵ Селиверстова Г.М. Родной язык не нужен? Как решить проблемы двуязычия // Учительская газета. 8 января. 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ug.ru/archive/22167> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹⁶ Серээдар Н.М. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2018, № 1. С. 11-12. DOI: 10.25178/nit.2018.1.1.

¹¹⁷ Серээдар Н.М. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2018, № 1. С. 12. DOI: 10.25178/nit.2018.1.1.

Таким образом, усиливающиеся глобализационные процессы, которые в России сопровождаются миграцией сельского населения в города, в значительной мере влияют не только на образ жизни населения, но в том числе и на язык, который становится фактором адаптации населения. И как показывает наш анализ по Сибири, даже в национальных республиках, имеющих доминирующую численность этнической группы титульного населения, русский язык подтверждает свой статус как интегрирующего феномена, позволяющего консолидировать представителей различных этнических групп в единое лингвокультурное пространство. Но данный факт, как показывают результаты переписей и конкретных этносоциологических, социолингвистических опросов, не нивелирует значимости сохранения языков различных этнических групп, в том числе и малочисленных, которые становятся необходимым условием развития этнической культуры.

II.2. Распределение лингвосоциокультурных типов среди молодежи в республиках Сибири

В исследовании И. Р. Карамчаковой¹¹⁸ отмечено, что для построения типологии этноязыковых процессов большое значение имеет численность монолингвов, говорящих только на родном языке. При этом автор демонстрирует ужасающую картину сокращения их численности: «Во всех этнических группах, по нашим подсчетам, численность монолингвов существенно сокращается: у хакасов – в пять раз, у алтайцев – в три раза, у тувинцев – в полтора раза». Не совсем понятно, откуда взяты такие цифры, если учитывать, что даже в тексте автора представлены иные данные: «Несмотря на процессы депопуляции алтайцев, количество владеющих алтайским языком в РФ, по данным переписи 2002 г., увеличилось на 5,7 %, чего нельзя сказать относительно хакасов: количество говорящих на хакасском языке существенно уменьшилось (на 20 %). Численность тувинцев увеличилась на 16 %, увеличилось и число владеющих тувинским языком». Вывод и приведенные данные даны в одном абзаце. Из контекста статьи становится понятным, что автор имеет в виду не просто монолингвов, а тех, кто постоянно общается только на родном языке. Поэтому увеличение числа людей, которые начинают применять во взаимодействии не только

¹¹⁸ Карамчакова И.Р. Этноязыковые процессы в республиках Южной Сибири: типология и специфика // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 4. С. 203–210.

родной, но и русский (билингвы) становится для исследователя синонимом размытия идентичности и свидетельством усиливающихся языковых сдвигов в обществе. Так, автор пишет: «В Хакасии степень витальности хакасского языка является достаточно низкой в сравнении с тувинским и алтайским языками. Среди носителей хакасского языка представлена самая высокая степень языкового сдвига. Основными причинами появления языкового сдвига можно назвать “промахи” в языковом планировании, языковой политике предшествующего советского периода развития страны. Также следует подчеркнуть и такие массовые процессы, как миграция на территорию этнического меньшинства представителей этнического большинства (русских), связанные с интенсивной индустриализацией региона, в результате чего малочисленный этнос становится меньшинством на своей исторической родине¹¹⁹». К условиям языкового сдвига в Хакасии автор относит «массовый контактный билингвизм, а также низкий престиж хакасского языка, ссылаясь на работу Т. Г. Боргояковой: «Значительная часть поколения билингвов, воспитавшая детей монолингвов, относится к старшему и среднему поколению современной хакасской семьи. В свое время они приняли решение, что родной язык не понадобится

¹¹⁹ Карамчакова И.Р. Особенности этносоциальной стратификации в современной Хакасии // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 3. С. 85–91.

их детям»¹²⁰. «Неуважительное или пренебрежительное отношение большинства к представителям миноритарного этноса и к их языку вынуждает последних искать способы смены маркеров идентичности. Отказ от родного языка в пользу чужого часто представляется наиболее легким выходом»¹²¹. В представленном фрагменте монолингвами названы собственно хакасы, использующие русский язык как основной. Уточнение делаем специально, поскольку интерпретации терминов у И. Р. Карамчаковой и Т. Г. Боргояковой в данном случае не совпадают. Более того, предлагаемая нами лингвосоциокультурная типология также включает термин «монолингвы» но уже совершенно с другим подтекстом. Уточним его чуть позже.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, так это на оценочную окраску термина билингвизм в работе И. Р. Карамчаковой. Так ли уж опасен контактный билингвизм? Действительно ли он становится первой ступенью на пути размытия этнической идентичности? Специфика указанных работ состоит в том, что распределение по группам на монолингвов и билингвов происходило по факту знания и использования второго языка (русского). Но определением степени этнической самоидентификации людей фактически не занимались. Можно знать английский и пользоваться им, но оставаться при этом русским, тувинцем,

¹²⁰ Боргоякова Т.Г. Социоллингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. С. 195.

¹²¹ Там же. С. 197.

хакасом и алтайцем. Так почему же расширение спектра коммуникации за счет знания и использования двух языков становится сразу сигналом о потере личности для этнической группы? И насколько в условиях интенсификации межэтнических контактов, миграционных процессов не только в России, но и за рубежом можно сейчас надеяться на ограничение коммуникации до рамок владения лишь одним языком? По нашему мнению процесс социальной коммуникации, который уже не ограничивается лишь непосредственным общением оф-лайн, а чаще уходит в он-лайн, особенно если учитывать ситуацию с карантином по причине COVID-19, из-за которой люди вынуждены осваивать виртуальное общение, постепенно приведет к тому, что для человека, в том числе и в России, важно будет владеть 2-3 языками. И в данном контексте сохранение родного языка, как и развитие этнического самосознания, будет являться такой же самостоятельной задачей, как и освоение других языков для выполнения каких-то других задач, например профессиональных. И последнее не будет являться сигналом размывания этнической идентичности, а лишь фактором адаптированности или дезадаптированности человека в виртуальном (международном) пространстве. Тем более, что, как отмечает С. В. Пахаренко¹²², степень сформированности билингвальной языковой личности

¹²² *Пахаренко С.В.* Статусные и структурно-семантические характеристики языковой личности как этнолингвотипа в эпоху глобализации: автореф. дис. ...канд. филол. н.: 10.02.19. – Ставрополь, 2017. 28 с.

определяется знанием не только лексических, морфологических, синтаксических, фонологических и стилистических особенностей языка, но и образцов поведения, культурологических особенностей мотивационно-личностной сферы: «т.е. на любом из трех уровней языковая личность должна владеть комплексом языковых кодов: вербально-семантическим, когнитивным, прагматическим»¹²³. Конечно о таком уровне билингвизма, как последствии усиления коммуникационных контактов, в данном случае мы не говорим.

Напомним, что в нашем исследовании применен метод лингвосоциокультурной типологизации, что подразумевало не только определение индивидом родного языка (или даже нескольких), своей этнической идентичности, но и множество дополнительных вопросов о знании им культуры, традиций своего этноса, которые позволили нам определить степень сформированности этнического самосознания. И уже на основе данных параметров были выделены монолингвы, указавшие: 1) одну национальность (например хакас); 2) национальность родителей – хакас и хакаска; 3) отметившие значимость для себя национальной (этнической) принадлежности, знания языка и культуры своего народа; 4) указавшие, что этнические обряды и традиции в семье родителей соблюдаются; 5) считающие

¹²³ *Пахаренко С.В.* Статусные и структурно-семантические характеристики языковой личности как этнолингвотипа в эпоху глобализации: автореф. дис. ...канд. филол. н.: 10.02.19. – Ставрополь, 2017. 28 с.

своим родным языком – хакасский; 6) показавшие свободное им владение («понимает, говорит, читает, пишет»); 7) частоту общения на нем дома. Аналогичные показатели для этого типа – для русских, тувинцев, саха, алтайцев.

К билингам были отнесены указавшие: 1) национальность – хакас; 2) национальность родителей – хакас и хакаска; 3) степень сформированности этнического самосознания могла быть разная; 4) этнические традиции в семье – чаще не соблюдаются; 5) родной язык указан русский или два языка (хакасский и русский); 6) степень владения хакасским языком частичная или вообще не знает; 7) дома разговаривают чаще всего на русском. Аналогично по типу 2 – для саха, алтайцев, тувинцев. Для русских особенности этого типа 2 – только в показателе 6) – частично владеет языком хакасским (якутским, алтайским, тувинским).

Тип 3 – молодежь из этнически-смешанных (алтайско-русских, якутско-русских, хакасско-русских, тувинско-русских) семей – «метисы»: 1) указано две национальности – хакас, русский; 2) национальность родителей – хакас, русский; 3) этническое самосознание – несформированно; 4) этнические традиции в семье – чаще не соблюдаются; 5) считает родным языком – хакасский, русский, два языка; 6) владеет хакасским – частично; 7) дома разговаривает чаще – на русском. Аналогично по типу 3 – для алтайцев, саха, тувинцев.

Таким образом, мы постарались наиболее полно охватить как полярные типы, так и переходные варианты от максимальной значимости для индивида этнической и языковой идентичности – к билингвизму при сокращении значимости этничности и далее (в типе 3) – к «размытости» этнической и языковой идентичности у молодежи из этнически смешанных семей. Мы полагали, что представление о лингвосоциокультурной специфике среды взаимодействия молодежи различных этнических групп в том или ином регионе можно получить на основе учета выделенных типов с выбором ими аккультурационных стратегий и установок в межэтническом взаимодействии.

Самое общее представление о полученном распределении выделенных лингвосоциокультурных типов молодежи – русской и титульных этносов республик – можно увидеть в таблице 2.1.

В республиках, где доля титульных этносов превышает или сравнима с долей русского населения (Тыва, Якутия), – самый высокий процент среди молодежи титульных этносов лиц монолингвов этноцентристского типа: выходцев из этнически однородных (тувинских и якутских) семей, свободно владеющих родным (тувинским, якутским) языком, имеющих развитое этническое самосознание, общающихся дома на родном языке, родители которых соблюдают этнические традиции. Таковых около половины численности этнической группы 14 – 29 летних (52,4% – в Тыве, 48,2%

– в Якутии). К ним следует добавить еще по 8,5 – 8,7% в Туве и Якутии т.н. «частичных этноцентристов», отличающихся от «полных» лишь одним признаком: для них не очень важно или совсем неважно этническое самосознание.

Таблица 2.1

Распределение лингвосоциокультурных типов молодежи
в республиках Сибири, % в этнической группе

Регион	Национальность	Лингвосоциокультурные типы				Не типизированные
		Из этнически однородной семьи			Из этнически смешанной семьи (метисы)	
		лингво-этноцентрис-ты	лингво-этноцентры (частичные)	билингвы		
Республика Тыва	тувинцы	52,4	8,5	1,7	0,2	37,2
	русские	24	10	14	5	47
Республика Саха (Якутия)	саха	48,2	8,7	5,5	3,1	34,5
	русские	25,4	24,7	6	1,5	42,4
Республика Хакасия	хакасы	25	2,5	19	1,5	52
	русские	35,6	25,9	3,1	0,5	34,9
Республика Алтай	алтайцы	23	4	8	7,0	58
	русские	24	8	5	3	60

Если же доля титульных этносов в населении республик небольшая (Хакасия, Алтай), то процент монолингвов низок среди молодежи этих этносов (25% – среди хакасов, 23% – среди алтайцев). Растет доля билингвов, особенно среди хакаской молодежи из однородных хакасских семей,

считающих родным и хакасский и русский языки (19%). Эта доля превышает долю молодежи из хакаско – русских семей (1,5%) – тоже двуязычных, но с «размытой» этнической самоидентификацией.

Среди русской молодежи особых региональных различий в плане монолингвов с этноцентристскими установками не отмечено: примерно каждый четвертый относится к этому типу, и лишь в Хакасии – каждый третий. В Республике Алтай и русская, и алтайская молодежь наиболее индифферентна к данному показателю. Зато здесь самый высокий процент молодежи из алтайско–русских этнически смешанных семей (7%) и не типизированных респондентов (60%).

Т.е., этническая структура населения (в первую очередь соотношение доли лиц русского и титульного этносов) – важный фактор, определяющий распределение лингвосоциокультурных типов молодежи среди титульных этносов республик.

Поскольку представители титульных этнических групп (включая молодежь) в основном являются сельскими жителями, то в исследовании важно было выяснить, как влияет на представленные типы молодежи проживание преимущественно в сельской или городской местности (табл. 2.2).

В предлагаемой таблице мы ограничились данными лишь по 2 типам – монолингвов и билингвов – титульных этносов, т.к. малочисленность других типов, особенно в разрезе «город – село», не позволяет делать обоснованные

выводы. Мы можем отметить, что для городских жителей билингвизм и частично сформированная этническая идентичность более присущи, чем для сельской молодежи, что и влияет на распределение типов.

Таблица 2.2

Распределение лингвосоциокультурных типов молодежи титульных этносов среди горожан и сельчан в республиках Сибири, % в этнической группе

Республика	Национальность респондента	Лингвосоциокультурные типы			
		монолингвы		билингвы	
		городская местность	сельские поселения	городская местность	сельские поселения
Тыва	Тувинцы	48	58	2,3	0,5
Саха (Якутия)	Саха	28	56	17	1
Хакасия	Хакасы	8	35	32	11
Алтай	Алтайцы	12	27	6	9

Заметно, что монолингвов больше среди выходцев из сельской местности (особенно в Якутии и Хакасии), а билингвы – чаще горожане. По итогам социолингвистических опросов А. В. Гусейновой также отмечено, что «показатели владения хакасским языком у городских респондентов (ГР) почти не изменились, а у сельских (СР) существенно возросли: по сравнению с предыдущим десятилетием более чем на 20% увеличилось число свободно говорящих и понимающих СР. Выявлена также более высокая степень интенсивности использования

хакасского языка в семье, характерная для СР. Их показатели общения на хакасском языке с родителями и старшим поколением в среднем на 20% превышают аналогичные показатели ГР. Тенденция к укреплению позиций хакасского языка в сфере семейного и дружеского общения полностью коррелирует с возросшим уровнем языковой компетенции на родном языке, отмеченным у сельских респондентов»¹²⁴.

Можно также добавить, что молодежь из этнически смешанных семей («метисы») – это тоже чаще горожане, что вполне понятно, т.к. город содействует межэтнической коммуникации и в демографическом плане. Так, А. В. Гусейнова пишет о сохранении тенденции к увеличению доли городского населения среди хакасов: «за последние 10 лет доля городского хакасского населения увеличилась на 5%; в настоящее время 43,3% хакасов являются городскими жителями, 56,1% – сельскими. При этом даже в сельской местности преобладающим для них является дисперсный характер проживания. Одновременно с ускорением процессов урбанизации происходит снижение числа хакасов, заявляющих о владении родным языком: за последние 10 лет количество русскоязычных монолингвов среди хакасов увеличилось на 11%, составив почти 42%»¹²⁵.

¹²⁴ Гусейнова А.В. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: автореф. дисс. ... канд. филос. н. 10.02.19. – Улан-Удэ, 2014. С. 17.

¹²⁵ Гусейнова А.В. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: автореф. дисс. ... канд. филос. н. 10.02.19. – Улан-Удэ, 2014. С. 12.

Аналогичные тенденции отмечает в Якутии Н. И. Иванова¹²⁶: «Данные переписей показывают, что доля якутов, владеющих русским языком, возрастает: 1970 г. – 45,4 %; 1979 г. – 60,3 %; 1989 г. – 65 %; 2002 г. – 87,1 %. Итоги переписи 2010 г. показали 89,5 % (428280 якутов из 478085), в т. ч. 94,9 % (183389 якутов из 193251) городского населения и 85,9 % (244891 якутов из 284834) сельского населения»¹²⁷.

Как показали наши результаты среди русских монолингвов большинство – горожане: 100% в Туве; 95% – в Якутии; 68% – в Хакасии. На Алтае – билингвы-сельчане (55%). Русская молодежь пока весьма слабо изучает языки титульных этносов, так, в Якутии среди горожан – 6% билингвов, среди сельчан – 10%, в Республике Тыва – менее 1%.

Как показывают исследования¹²⁸, наряду с этническими и региональными особенностями важными факторами формирования специфики социокультурной среды выступают семейные и гендерные характеристики населения; тип семьи (моно- и этнически смешанные семьи), пол (мужчины и женщины).

¹²⁶ Иванова Н.И. Статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Вестник СВФУ. 2013. №3. С. 58-63.

¹²⁷ Иванова Н.И. Статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Вестник СВФУ. 2013. №3. С. 61.

¹²⁸ См., напр.: Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурные типы молодежи: Этнический и региональный аспекты. Новосибирск; Автограф. 2014. С. 78 – 97, 122 – 135.

На примере материалов социологических опросов молодежи в Якутии и Хакасии (полярных по соотношению численности русских и титульных этносов) рассмотрим, влияет ли гендерный фактор и тип семьи на структуру лингвокультурных типов – саха, хакасов, русских (табл. 2.3).

Как видим, в Якутии во всех типах молодежи саха – и монолингвов, и билингвов, и «метисов» (саха – русских) доминируют по численности девушки. Причем с тенденцией увеличения их доли – от монолингвов к «метисам» (55 – 57 – 62%).

Таблица 2.3

Соотношение юношей и девушек
в лингвосоциокультурных типах, %

Респуб- лика	Националь- ность респондента	Лингвосоциокультурные типы					
		монолингвы		билингвы		«метисы»	
		юно- ши	девуш- ки	юно- ши	девуш- ки	юноши	девуш- ки
Якутия	саха	45	55	43	57	38	62
	русские	52	48	47	53		
Хакасия	хакасы	36	63	28	72	27	76
	русские	35	65	51	49		

Юноши – русские немного преобладают лишь среди монолингвов в Якутии (52%).

В Хакасии девушки – и хакаски, и русские – заметно преобладают почти во всех типах (63 – 72%), за исключением русских билингвов, где их доля примерно такая же, как и среди юношей (49:51). К этому же выводу приходит в исследовании

и А. В. Гусейнова, отмечая, что «среди хакасских респондентов установлено сохранение более высокого уровня языковой компетенции на родном языке у женщин, жителей села и представителей старшего поколения. Среди женских респондентов (ЖР) количество свободно говорящих по-хакасски возросло почти на 19%, а среди мужских (МР) – на 12%. При этом количество тех, кто не говорит по-хакасски, за прошедшие годы также увеличилось у ЖР на 1 %, у МР – на 7%. ЖР чаще МР общаются на хакасском языке в семье, причём если для общения с родителями родной язык используют на 3% больше женщин, то при общении со старшим поколением (бабушками и дедушками) разрыв между полами составляет почти 10%»¹²⁹.

Интересен также вывод о межпоколенческих отношениях и знании хакасского языка, который делает А. В. Гусейнова. По ее наблюдениям, существует закономерность: чем старше группа, тем больший процент её членов свободно владеет различными видами речевой деятельности на хакасском языке. Кроме этого выявлена зависимость между возрастом респондента и степенью интенсивности использования им хакасского языка в его семье, рабочем и дружеском коллективе: «если в старшей группе при общении с родителями хакасский язык предпочитают 69% респондентов, а со старшим поколением –

¹²⁹ Гусейнова А.В. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: автореф. дисс. ... канд. филос. н. 10.02.19. – Улан-Удэ, 2014. С. 18.

84%, то среди респондентов младшей группы соответствующие показатели равны 27% и 37%.»¹³⁰. На этой основе автор делает вывод о продолжающемся языковом сдвиге. Мы бы не были столь категоричны, поскольку в силу возрастных особенностей респондентов потребности в социальной коммуникации у них отличаются, как и уровень этнической самоидентификации.

Становление этнической идентичности в психологии развития обычно исследуется на уровне происходящих индивидуальных изменений, в общем контексте формирования самосознания индивида, как процесс имеющий несколько этапов, соотносимых со стадиями психического развития ребенка. Считается, что предшественником исследователей, изучающих формирование этнической идентичности, является швейцарский психолог Ж. Пиаже, разработавший концепцию развития у ребенка осознания принадлежности к государству и нации¹³¹. Совместно с А. Вайлем он проанализировал две стороны одного процесса – формирование понятия Родина и образов других стран у иностранцев и швейцарских детей¹³². В результате психолог пришел к выводу, что развитие детского мышления представляет собой вектор движения от общей

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 250.

¹³² Piaget J., Weil A. M. The development in children of the idea of the homeland and of relations with other countries // *International Social Science Bulletin*. 1951. Vol. 3. Pp. 561–578.

эгоцентричности к более объективной позиции в познании объектов материального мира, других людей и самого себя. И поскольку в процессе социализации эгоцентризм теряет свое значение, уступая место процессу самоидентификации через другие объекты, с которыми можно идентифицироваться, не теряя собственной ценности и значительности, то влияние характеристик социальных групп, в том числе и этнических, постепенно вырастает.

Таким образом, при перемещении ребенком ЭГО из центра Мира в общественное (децентрация) происходит трансформация эгоцентризма в социоцентризм, одним из аспектов чего является становление национальной и этнической идентичности. По мнению исследователя, формирование национальной идентичности подразумевает создание когнитивных моделей, связанных с понятием Родина, ответом на которые становятся национальные чувства. Очень интересен вывод Ж. Пиаже о развитии ребенка в полиэтнической стране, где по его мнению, формирование национальной идентичности начинается с восприятия этнических аспектов. Так, женеvский ребенок осознает свою связь со Швейцарией благодаря тому, что его родители франко-швейцарцы, а живет он в Женеве и говорит на французском языке.¹³³ Исследователь предположил, что к 10–11 годам национальная идентичность формируется

¹³³ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 251.

в полном объеме. В качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику бытовой, в том числе и этнической, культуры. Мы бы в данном случае сделали оговорку, что это лишь в том объеме, в каком ему стало известно от родителей из среды, в том числе и в процессе обучения. Последняя стадия развития этнической идентичности сопровождается формированием этнической осведомленности и этнической самоидентификации. Этническая осведомленность возрастает с опытом, получением новой информации и развитием когнитивных способностей, получением информации о все новых составляющих этнической картины мира – общность предков, общность исторической судьбы, религия, национальный характер и пр.¹³⁴.

Как отмечает Т. Г. Стефаненко: «споры о том, в каком возрасте дети начинают осознавать те или иные конкретные черты своего сходства с членами одной из этнических групп и своего отличия от других групп, не имеют смысла, так как на этот процесс большое влияние оказывает социальный контекст. Общей закономерностью можно считать лишь то, что развитие представлений об этнической принадлежности идет от осознания внешнего, лежащего на поверхности сходства членов этнической общности, к осознанию

¹³⁴ Rotheram M. J., Phinney J. S. Introduction: Definitions and perspectives in the study of children's ethnic socialization // *Children's ethnic socialization: Pluralism and development*. Newbury Park (Cal.), 1987. Pp. 10-28.

глубинного единства»¹³⁵. Одним из важных моментов является то, что аскриптивная этничность (приписываемая обществом) не является синонимом переживаемой, для которой должны созреть чувства и сформироваться определенные когнитивные модели. Так, С. А. Баклушинский и Н. Г. Орлова полагают, что ребенок, рожденный в русской, еврейской или татарской семье, будет называть себя русским, евреем или татаринном задолго до четкого осознания своей этнической принадлежности на основе этнодифференцирующих признаков¹³⁶.

Более того, в процессе взросления и самоидентификации ребенку может показаться недостаточным обладание одним «этническим маркером» ввиду того, что он является потомком национально-смешанных браков. В таком случае он может либо считать себя членом этнической группы одного из родителей, либо сразу двух (хотя идентификация с каждой из них может и не быть равнозначной), или выбирать для идентификации третью национальность. Так, в проведенном в Литве исследовании В. П. Левкович, Л. Д. Кузмицкайте часть респондентов, чьи родители не были представителями русской национальности, но обучались в русской школе, идентифицировали себя как русские¹³⁷.

¹³⁵ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 251

¹³⁶ Баклушинский С.А., Орлова Н.Г. Особенности формирования этнической идентичности в мегаполисе // Этнос. Идентичность. Образование. М., 1998. С. 248–267.

¹³⁷ Левкович В.П., Кузмицкайте Л.Д. Формирование этнического сознания подростка в семье // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 6. С. 35–42.

В модели становления этнической идентичности Дж. Финни, построенной на основе теории идентичности Э. Эриксона и ее операционализации канадским психологом Дж. Марсиа¹³⁸, выделено четыре стадии:

1) диффузия – характеризуется безразличием к исследованию идентичности, отсутствием интереса к проблемам этнических корней и членства в этнической группе (младшие подростки, а также взрослые, не имеющие проблем с этнической идентичностью);

2) предрешения – непроверенная идентичность, принимают (всасывают) позитивные этнические аттитуды родителей и других взрослых и поэтому проявляют предпочтение по отношению к группе большинства;

3) поиск этнической идентичности (мораторий) – характеризуется исследованием своей идентичности, стремлением понять значение этничности в собственной жизни;

4) реализованная этническая идентичность – характеризуется ясным, четким и устойчивым ощущением незыблемости своих этнических особенностей, привязанностью к этнической культуре и этнической общности, разрешением противоречий своего роста;

¹³⁸ Phinney J.S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence // Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities. Albany, 1993. Pp. 61–79.

Как отмечает Т. Г. Стефаненко, для перехода от второй стадии к третьей очень важно погружение в культуру своего народа через такие виды деятельности, как чтение, беседы, посещение этнографических музеев и активное участие в событиях культурной жизни¹³⁹. Получение дополнительной информации может не только расширить представления об этнических корнях, но и сопровождаться трудностями при попытках соединить в своем сознании внешнее восприятие другими, например, как «якутянина» и оставаться при этом русским.

Дж. Финни полагает, что в результате разрешения кризиса этнической идентичности подростки приходят к более глубокому пониманию и адекватной оценке своей этничности, но их вовлеченность в данный процесс может осуществляться с разной степенью интенсивности, что зависит и от них самих, и от социокультурного окружения¹⁴⁰.

Для чего мы рассмотрели несколько моделей формирования этнического самосознания? В первую очередь чтобы показать, что процесс этот длительный и не настолько односложный. Он может продолжаться всю жизнь. На него накладывают отпечаток этапы становления личности, ее взаимодействие с окружающим миром, жизненные ситуации. И если один человек созревает к 20 годам, то другой

¹³⁹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 251

¹⁴⁰ Phinney J.S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. Pp. 499–514.

может в инфантильном состоянии оставаться до пенсии. Поэтому делать вывод на основе частоты использования родного языка молодежью, что существует угроза его потери, сопоставляя их с более возрастной категорией, чья среда взаимодействия уже ограничена родным поселком, наверное, не совсем объективно. Например, в Якутии увеличивается количество молодых семей саха, которые в детстве сами не выучили родной язык, а теперь считают делом чести отдать ребенка в национальную гимназию, чтобы он в отличие от них вырос со знанием национальной культуры и родного языка. Но о том, в какой мере этнические, региональные, семейный тип, гендерные параметры лингвокультурной среды влияют на установки молодежи в межэтнических отношениях, рассмотрим ниже.

II.3. Установки молодежи относительно этнической среды проживания и среды языковой коммуникации

Рассматривая структуру этнической идентичности, обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания о себе и своей этнической группе, представления о ее особенностях) и аффективный (эмоциональная оценка качеств своей этнической группы, отношение к членству в ней, ценность этого членства в рамках Я-концепции). Г. У. Солдатова так оценивает значимость аффективного элемента этнической самоидентификации: «Достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида»¹⁴¹.

Вместе с коллегами Л. М. Дробижевой, А. Р. Аклаевым, В. В. Коротеевой Г. У. Солдатова выделяет также поведенческий компонент этнической идентичности, под которым они подразумевают реальный механизм не только осознания, но и проявления себя членом определенной группы, «построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях»¹⁴². Таким образом, через поведенческий компонент происходит различение

¹⁴¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 49.

¹⁴² Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996. С. 296.

декларации и реализации стратегии этнической самореализации. Хотя Т. Г. Стефаненко отмечает, что выделение данного компонента остается до сих пор под вопросом¹⁴³, поскольку наличие устойчивой связи между тем, кем себя человек считает и как он действует в реальной жизни, т. е. между этнической самоидентификацией и этнической вовлеченностью, подтвердили не все работы. Результаты многих эмпирических исследований (индийских подростков, проживающих в Англии, американцев армянского, еврейского и китайского происхождения и т.п.) показали независимость двух измерений — представлений о себе как о члене этнической группы и использования типичных для нее моделей поведения. В некоторых случаях связь между идентичностью и предпочтением некоторых видов этнической практики оказалась отрицательной: человек мог идентифицироваться с этнической общностью, но не иметь никакого желания сохранять этнический язык или обычаи¹⁴⁴.

В этой связи один из показателей, которые мы рассматривали в рамках применения метода лингвосоциокультурной типологизации – это сопоставление выделенных типов с их *предпочтениями этнического окружения и установки на общение с носителями языка своей национальности.*

¹⁴³ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 242.

¹⁴⁴ Phinney J. S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. P. 499–514.

В таблице 2.4 представлены результаты анализа ответов на вопрос «Насколько важно для Вас жить среди людей своей национальности?» основных лингвосоциокультурных типов – монолингвов, билингвов и «метисов» (молодежи этнически смешанных семей русской и титульной национальности) в республиках Саха (Якутия), Тыва, Хакасия и Алтай.

Таблица 2.4

Насколько важно жить среди людей
своей национальности, %

Республика	Национальность респондента	Лингвосоциокультурные типы								
		монолингвы			билингвы			«метисы»		
		Насколько важно жить среди людей своей национальности?								
		1	2	3	1	2	3	1	2	3
Саха (Якутия)	саха	32	57	11	4	36	60	15	43	42
	русские	29	52	19	19	51	30			
Тыва	тувинцы	39	51	10	10	30	60	0	44	56
	русские	16	53	31	18	73	9			
Хакасия	хакасы	26	66	8	5	55	40	0	50	50
	русские	25	54	21	21	58	21			
Алтай	алтайцы	33	53	14	6	38	56	3	52	45
	русские	35	38	27	39	33	28			

* 1 – ответ «Очень важно»; 2 – ответ «Не очень важно»;

3 – ответ «Не важно».

Большинство молодежи монолингвов – и среди русских, и среди титульных этносов республик – полагают, что важно жить среди людей своей национальности. Меньше всего ответов «не важно» среди хакасов (8%), тувинцев (10%), саха

(11%), алтайцев (14%), а среди русской молодежи – в Якутии (19%), Хакасии (21%), Республике Алтай (27%), Туве (31%).

Если в качестве меры установки принять разность долей ответов «очень важно» и «не важно» проживание в моноэтнической среде, то четче она выражена среди тувинцев ($39 - 10 = 29\%$) и саха ($32 - 11 = 21\%$). Наиболее индифферентны в этом плане русские в Хакасии ($25 - 21 = 4\%$) и в Туве ($16 - 31 = -15\%$).

Тувинцы и саха, как и русские в Хакасии, являются доминирующими по численности этническими группами в соответствующих республиках, поэтому монолингвистический тип молодежи скорее отражает образ привычной жизни среди своей национальности, преимущественно в сельской местности, а вот феномен индифферентности отношения русских в Туве к моноэтнической среде проживания требует дополнительного изучения, хотя мы можем предположить, что реальность осознания, что этническая картина региона остается длительное время неизменной, могла повлиять на формирование такого отношения.

С. А. Баклушинский и Н. Г. Орлова, изучая влияние этнического окружения на формирование идентичности членов этнических меньшинств, показали, что одним из важнейших факторов является гомогенность этнического окружения. Было обнаружено, что в сети общения московских подростков, четко идентифицирующих себя с еврейским народом, доминировали носители «родной» культуры,

а носителей русской культуры (культуры большинства) было относительно немного и/или их значимость была относительно низкой¹⁴⁵.

По результатам наших исследований билингвизм и метисация резко снижают для молодежи титульных этносов важность проживания среди лиц своей национальности. При этом, судя по соотношению ответов «не важно», билингвизм даже в большей степени, чем метисация: среди саха – 60:42, среди тувинцев – 60:56, среди алтайцев – 56:45%. Для русских билингвизм тоже повышает индифферентность к выбору определенной этнической среды: в Якутии, например до 30% ответов «не важно жить среди своих», по сравнению с 19% ответов у монолингвов.

Как показали результаты исследования, билингвами оказалась в основном молодежь, большая часть жизни которой прошла в городской местности (75 – 85%), в то время как среди «метисов» примерно поровну горожан и сельчан. И та, и другая группа в определенной мере двуязычны, но в предложенной типологизации билингвы определялись как дети из этнически однородных семей, указавших этническую идентичность, соответствующую идентичности родителей, и владеющие несколькими языками. «Метисами» идентифицированы дети из этнически смешанных семей русских и представителей титульных этносов (русские – саха,

¹⁴⁵ Баклушинский С.А., Орлова Н.Г. Особенности формирования этнической идентичности в мегаполисе // Этнос. Идентичность. Образование. М., 1998. С. 248–267.

русские – хакасы и т.д.), указавшие в графе анкеты «национальность» одну национальность или обе (отца, матери), точно так же как и в графе «родной язык» указывались языки по этнической группе своих родителей.

Если среди билингвов–саха в Якутии преобладают индифферентные к моноэтнической среде проживания – как среди выходцев из городов (61% считают, что это «не важно»), так и среди сельчан (55% таких ответов), то среди «метисов» хоть большинство горожан (55%) считает, что это «не важно», но среди сельчан – «метисов» таковых оказалось всего 29%. Аналогичная картина и в других регионах.

Таким образом, установка на значимость проживания в среде, представленной лицами своей национальности, доминирует среди русской молодежи и титульных этносов, в большей мере у сельчан, чем у горожан. И в первую очередь у юношей и девушек монолингвистического типа, снижаясь по степени значимости по мере владения ими вторым языком (русским или титульного этноса) в результате коммуникации или межнациональных браков родителей.

При этом билингвизм среди русской молодежи мало пока распространен, и он, в отличие от билингвизма среди титульных этносов, влияет на эту установку относительно слабо. Ценность жить среди людей своей национальности во всех выделенных нами лингвосоциокультурных типах преобладает у русской молодежи во всех республиках.

Среди молодежи титульных этносов индифферентны к этой установке лишь билингвы – саха (60%), тувинцы (60%), алтайцы (56%) и относительно – хакасы (40% ответов «не важно»). Мы полагаем, что владение вторым языком в какой-то мере снижает остроту неприятия межэтнических контактов и способствует интеграции в полиэтническом обществе. Рассмотрим это предположение на основе изучения *установки к общению с носителями языка своей национальности*. Анализ материалов опроса представлен для основных типов в табл. 2.5.

Таблица 2.5

Насколько важно разговаривать на языке
своей национальности, %

Республика	Националь- ность респондента	Лингвосоциокультурные типы								
		монолингвы			билингвы			«метисы»		
		Насколько важно разговаривать на языке своей национальности?								
		1	2	3	1	2	3	1	2	3
Саха (Якутия)	Саха	50	42	8	3	41	56	20	52	28
	Русские	68	26	6	59	34	7			
Тыва	Тувинцы	48	42	10	0	60	40	22	45	33
	Русские	53	36	11	64	36	0			
Хакасия	Хакасы	64	33	3	9	52	39	10	53	37
	Русские	65	30	5	66	31	3			
Алтай	Алтайцы	55	32	13	12	44	44	20	50	30
	Русские	67	20	13	56	33	11			

* 1 – ответ «Очень важно»; 2 – ответ «Не очень важно»;

3 – ответ «Не важно».

Сравнивая установки молодежи на среду проживания и языкового общения (см. табл. 2.4 и 2.5), отметим, что для большинства молодежи всех типов важнее разговаривать на языке своей национальности, нежели жить среди лиц своей национальности. Так, величина показателя «не важно разговаривать на языке своей национальности» (как и «не важно жить среди своих») сохранилась лишь у билингвов-саха (56 и 60% соответственно). Во всех остальных группах и типах преобладают ответы «очень важно» и «важно» по установке на общение на языке своей национальности.

Во вторых, изменилось соотношение ответов «очень важно» и «важно» в сторону преобладания первых над вторыми во всех этнических группах монолингвов при ответах на вопрос о важности языка общения. Так, среди саха по оценке значимости среды общения оно было 32:57, а при оценке языка общения стало 50:42; среди тувинцев – было 39:51, стало 48:42; среди хакасов – было 26:66, стало 64:33; среди алтайцев – было 33:53, стало 55:32. Аналогичная картина во всех группах русских монолингвов и билингвов. Например, если в Якутии при оценке важности жить среди своей национальности монолингвы отметили, что «очень важно» – 29%, «важно» – 52%, «не важно» – 19%, то при оценке важности разговаривать на русском языке – соответственно 68:26:6%, а среди русских билингвов – 19:51:30% по среде проживания и 59:34:7% – по языку общения.

Т.е., среди всех групп и типов молодежи (за исключением билингвов-саха) установка на родной язык общения проявляется более радикально, чем выбор моноэтнической среды проживания: при доминировании значимости заметен сдвиг в направлении роста «очень важно» и снижения «не важно». Язык взаимодействия важнее среды проживания, особенно для русских.

Это характерно и для сельчан, и для горожан, юношей и девушек, молодежи всех этнических групп и всех лингвосоциокультурных типов. Хотя мы не исключаем возможности существования отдельных моментов, связанных с использованием фактора знания языка титульного этноса как элемента карьерного роста человека, или, наоборот, знания представителями титульных этносов русского языка как необходимого для реализации дальнейшей миграционной стратегии в другие регионы России.

Исследователи Дж. Фишман, Н. Б. Бахтин, Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова, Э. В. Хилханова и др., анализируя ситуацию выбора языка, в том числе перехода этноса на неродной язык, кроме объективных, или внешних факторов языкового сдвига (величина языкового коллектива, массовая миграция на территорию этнического меньшинства представителей доминантного этноса, официальная языковая политика и др.) выделяют субъективные, или внутренние (выбор языка, языковая лояльность)¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Гусейнова А.В. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: автореф. дисс. ... канд. филос. н. 10.02.19. – Улан-Удэ, 2014. С. 10.

Отметим, что значимость родного языка и отношение к выбору языка общения может существенно меняться в зависимости от социально-политической ситуации. Так, А. Р. Аклаев¹⁴⁷ приводит пример этнической мобилизации части греков-туркофонов в Грузии, которая привела к тому, что в качестве родного языка ими был указан греческий, что не совпадало с реальным языковым поведением. А. И. Донцов, Т. Г. Стефаненко, Ж. Т. Уталиева приводят пример влияния этнополитической ситуации в начале 90-х годов в Казахстане на отношение к языку, когда там были созданы условия для приоритетного положения и развития казахского языка как государственного. Для студентов-казахов этнический язык стал символом единства народа, что проявилось в том, что 98,1% респондентов назвали его родным, хотя у 25% опрошенных доминантным являлся русский язык, а 8% практически не владели казахским¹⁴⁸. Таким образом, часть русскоязычных казахов-студентов продемонстрировала не реальное использование этнического языка, а желаемое языковое поведение, уверяя, что общается в семье преимущественно по-казахски, хотя это не соответствовало их языковой компетентности.

Также исследователи отметили эмоциональную дифференциацию отношения к беседе двух казахов, разговаривающих по-казахски, по-русски и на двух языках.

¹⁴⁷ Аклаев А.Р. Язык в системе национальных ценностей и интересов // Духовная культура и этническое самосознание наций. М., 1990. Вып. 1. С 12–38.

¹⁴⁸ Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.

Если билингвы высказались эмоционально нейтрально по отношению ко всем трем вариантам общения, то у трети русскоязычных респондентов вызывала раздражение беседа двух казахов на русском языке – единственно возможная для них самих. Почти половину из них раздражала и беседа на двух языках, а общение на казахском языке вызывало чувство горечи и зависти. Таким образом, более толерантными к использованию русского языка – при общем предпочтении казахского – оказались студенты, свободно владеющие двумя языками¹⁴⁹.

Данный пример, конечно, показывает крайние проявления смены аттитюдов в условиях этнокультурной мобилизации и смены политического курса целой страны. Вполне вероятно, что на выбор установки могли повлиять и внешние факторы, такие как получаемые преференции за знание казахского языка. В рамках же нашего исследования социально-политическая ситуация республик была относительно стабильной и уже достаточно отдаленной от этноцентричных волнений титульных этносов периода «парада суверенитетов». Исследователи 90-х гг. XX в. констатировали, что у представителей титульных народов республик России – татар, саха, тувинцев, в последнее десятилетие XX в. выросла привлекательность своей этнической группы, что способствовало повышению этносоциального статуса этих народов в новой социальной

¹⁴⁹ Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.

реальности¹⁵⁰. В то же время наличие негативных аттитюдов к группе принадлежности, включающее отрицание собственной этнической идентичности, предпочтение других групп в качестве референтных могло в значительной мере повлиять (в том числе в 50-60-е гг. XX в.) на негативные установки по изучению родного языка и обучению ему своих детей. Так, в СССР в 70-е годы XX в., как отмечает Л. Н. Терентьева¹⁵¹, в соответствии с особенностями протекания этнических процессов в разных регионах, в Киеве более 60% подростков из украинско-русских браков при получении паспорта принимали украинскую национальность, в Минске (из белорусско-русских браков) – около 40% – белорусскую, а в Чебоксарах только 2,2% – чувашскую. То есть, влияние титульной группы определялось не столько численностью, сколько ее этносоциальным статусом, что обуславливало выбор подростков той национальности, которая позволяла им сохранять позитивное самоотношение через принятие «защитной национальности», обеспечивающей и в дальнейшей жизни меньше проблем, и ощущение принадлежности к группе доминантного большинства.

При этом в исследованиях J. S. Phinney биэтническая идентичность была отмечена как наиболее благоприятная для представителя группы меньшинства в полиэтническом обществе, так как она позволяет органично сочетать разные

¹⁵⁰ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

¹⁵¹ Терентьева Л.Н. Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях в СССР. М., 1974

ракурсы восприятия мира, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной. Эмпирически было доказано, что дети с биэтнической ориентацией имеют большую свободу когнитивных стилей, большую степень адаптивности и креативности¹⁵². К этому же выводу, анализируя языковую ситуацию и иерархию языков коренных народов Российской Федерации, приходит и Ю. Н. Караулов, относя двуязычие к основным факторам обеспечения лингвистической безопасности, поддержки, сохранения и защиты родного языка за счет создания баланса базовых потребностей¹⁵³. В исследовании В. Н. Курилкиной, Е. С. Винокуровой, Т. Н. Сидоровой по изучению влияния владения родным языком на развитие познавательных процессов и творческих способностей детей младшего школьного возраста, монолингвов и билингвов, проведенного в начальных классах общеобразовательных школ города Якутска Республики Саха (Якутия)¹⁵⁴, выявлено, что «уровень развития когнитивных процессов у монолингвальных детей саха младшего школьного возраста по результатам тестов ниже, чем у билингвальных детей саха, владеющих родным

¹⁵² Phinney J.S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. P. 499–514.

¹⁵³ Караулов Ю.Н. Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм // *Мир русского слова*. 2002. №3. С. 26–30.

¹⁵⁴ Курилкина В.Н., Винокурова Е.С., Сидорова Т.Н. Влияние владения родным языком на развитие познавательных процессов и творческих способностей детей-монолингвов и билингвов // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2017. №11. С. 98–102.

языком; у двуязычных детей более высокие показатели развития когнитивных процессов, что дает им преимущество перед монолингвальными детьми, они обладают хорошей адаптацией в окружающем мире»¹⁵⁵.

Анализируя результаты исследования в Якутии, Н. И. Иванова отметила, что «в улусах, где преобладает контактное русско-якутское двуязычие, чаще возникают трудности при этнической самоидентификации (в с. Томтор Оймьяконского улуса, г. Вилуйске Вилуйского улуса); среди этнических русских выше количество признающих родным якутский язык либо оба языка (в с. Томтор – 7,7 %; 7,7 %; в г. Вилуйске – 6,7 %, 6,7 %), для сравнения в г. Якутске таковых – 2,8 %. В целом оба языка в качестве родного более всего представлены в ответах у молодых людей со средним образованием и убывают с повышением образовательного уровня. Таким образом, у молодёжи устойчиво наблюдается актуальность множественности языковой идентичности, имеющая тенденцию к возрастанию»¹⁵⁶. В то же время, сопоставляя полученные результаты, автор отмечает у саха очень сильное стремление самоидентифицироваться через знание родного языка (73,2 %) и национальное сознание, самосознание (51,6 %), в то время как для русских и представителей других этносов доминирующим стал фактор

¹⁵⁵ Курилкина В.Н., Винокурова Е.С., Сидорова Т.Н. Влияние владения родным языком на развитие познавательных процессов и творческих способностей детей-монолингвов и билингвов // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №11. С. 102.

¹⁵⁶ Иванова Н.И. Статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Вестник СВФУ. 2013. №3. С. 59.

знания родного языка (62,1 %), а национальное сознание, самосознание отметили лишь 45,3 %. Данные результаты нельзя распространять на все республики, поскольку по исследованиям этнологов¹⁵⁷ проблема отношения к вопросам языкового, этнического взаимодействия в Якутии стоит весьма остро. По материалами опросов отмечено, что тех, кто не приемлет множественную этническую идентичность, больше всех, наряду с жителями г. Грозный, в г. Якутске. Причём ответы, что этническая принадлежность у человека может быть только одна, преобладают и у русских – 64 %, и у якутов – 68 %¹⁵⁸. В исследовании языковой ситуации, проведенном Е. М. Арутюновой в Республике Саха (Якутия) в контексте этноязыкового конфликта, активная фаза которого развернулась в 2017–2018 гг., сделан обобщающий вывод о том, что «присутствующее в общественном мнении среди якутов представление о необходимости обязательного изучения языка саха всеми школьниками может свидетельствовать не только о ситуативном влиянии языкового кризиса в образовании, но и косвенно, через язык, затрагивать представления о собственном статусе в республике»¹⁵⁹. В данном контексте мы полагаем, что языковой вопрос в повестке дня национальных республик – это в принципе вопрос не столько о сохранении культуры

¹⁵⁷ *Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие*. Отв. ред. В. А. Тишков. М.: 2008. 308 с.

¹⁵⁸ Цит. по *Иванова Н.И.* Статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Вестник СВФУ. 2013. №3. С. 59.

¹⁵⁹ *Арутюнова Е.М.* Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании // ИНАБ. 2019. № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 61. DOI: 10.19181/inab.2019.1.4

и языка этнической группы, поскольку при его обсуждении рано или поздно активисты переходят к постановке требований о создании преференций посредством пересмотра государственной политики в сфере образования и других, сколько именно о своем статусе в республике и условиях для его поддержания. Так, поправки, которые были приняты в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», внесшие существенные изменения в изучение государственных и родных языков после выступления Президента России В. В. Путина, заявившего об обязательном изучении русского языка и добровольном изучении родных языков других этнических групп¹⁶⁰, частью этнических активистов были восприняты как демонстрация ассимиляционной политики федеральной власти¹⁶¹.

Мы бы не хотели углубляться в этнополитические дебаты по поводу равноправия этнических групп и реализации принципа справедливости в условиях активных миграционных процессов, в том числе представителей титульных этносов в центральную Россию, а хотели бы остановиться на более частных вопросах о том, как выбранные установки индивида влияют на его поведенческие стратегии в полиэтническом сообществе.

¹⁶⁰ *Заседание Совета по межнациональным отношениям*. 20.07.2017. Йошкар-Ола // Президент России. 2017. 20 июля. [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55109> (дата обращения: 07.10.2021).

¹⁶¹ См., например «Кризис разбудил национальные чувства народов России». Закон против родных языков уничтожит национальные регионы // KAZAN FIRST. 2018. 22 мая. [Электронный ресурс] URL: <https://kazanfirst.ru/articles/465692> (дата обращения: 07.10.2021).

Глава III. СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

III.1. Аккультурационные стратегии лингвосоциокультурных типов как фактор межэтнической интеграции

Рассматривая аккультурационные стратегии молодежи различных типов как интегрирующий показатель влияния лингвокультурной специфики среды на межэтнические установки, мы тем не менее не можем уйти от учета значимости статусных различий этнических групп для характеристики специфики межэтнических взаимодействий в регионе (М. Вебер, К. Дойч, Г. Олпорт, Т. Парсонс, Э. Хобсбаум др.). Теория контактов, как отмечает Л. М. Дробижева, «исходит из того, что глубина и широта общения, проникновение его в неформальную сферу может служить индикатором благоприятных отношений»¹⁶². Анализируя историю исследований межэтнических отношений автор отмечает акцент, сделанный R. F. Baumeister и K. D. Vohs в 2000-е гг., на изучении реальных противоречий интересов групп в условиях ограниченных возможностей¹⁶³.

¹⁶² Дробижева Л.М. Межэтнические отношения на российском пространстве в 2000-е годы: основные тренды в методологии изучения и социальной практике // Россия реформирующаяся. 2018. №16. С. 127.

¹⁶³ Baumeister R.F., Vohs K.D. Realistic Group Conflict Theory // *Encyclopedia of Social Psychology*. 2007. Vol. 2. Pp. 725–726.

Представленный нами в предыдущей главе анализ факторов, обуславливающих формирование лингвокультурной специфики в регионах, показал, что существующие различия в статусных ожиданиях групп влияют и на выстраивание межэтнических отношений в республиках. Конечно, взаимодействие облегчается при сходстве культур, общей религии, но и оно не является гарантией дружественных отношений, точно так же, как и различия не обязательно препятствуют позитивному общению. Несмотря на это, как отмечает Л. М. Дробижева, и у нас, и за рубежом все чаще получают результаты исследований, подтверждающие значимость равенства возможностей в образовании и продвижении для поддержания благоприятных отношений между людьми разных национальностей¹⁶⁴.

Обращение к подходам, используемым социальными психологами и этнопсихологами, позволяет выявить, что при изучении взаимодействия на первое место выходят все-таки психосоциальные факторы, т.е. личностные установки индивида, сформированные под влиянием социальной (этнической) среды, в том числе среди них особое место занимают такие качества, как способность к сопереживанию (эмпатия), умение адекватно отражать свои и чужие эмоции, оценивать и распознавать истинные посылы в поведении другого. И наоборот, такие качества как конформизм,

¹⁶⁴ Дробижева Л.М. Межэтнические отношения на российском пространстве в 2000-е годы: основные тренды в методологии изучения и социальной практике // Россия реформирующаяся. 2018. №16. С. 127.

авторитаризм, эгоцентризм, ригидность и связанные с ними повышенная тревожность, стремление контроля внешней среды приводят к закрытости и формированию предубеждений.

Культурная трансмиссия включает два процесса: инкультурацию и социализацию. Инкультурация происходит в результате «погружения» индивидов в их культурную среду, что приводит к усвоению моделей поведения, присущих или «одобренных» данной средой. Социализация индивида осуществляется на основе специализированного обучения и воспитания, в результате которых происходит усвоение норм и ценностей, обуславливающих культурно-приемлемые типы поведения. Однако необходимо отметить, что процессы инкультурации и социализации индивидов в современном обществе не проходят изолированно, т. е. результаты трансмиссии во многом обусловлены не только взаимодействием с родной культурной средой, но и контактами с людьми (институтами), которые принадлежат к другим культурам. Данный процесс социокультурной трансформации индивида под влиянием изменения первоначального культурного контекста или осуществлением взаимодействия с иной культурной средой называют аккультурацией.

Одной из первых крупных работ по аккультурации было исследование Редфилда, Линтона и Херсковица в 1936 г., где они дали систематическое определение: «Аккультурация охватывает собою те явления, которые возникают в результате

вхождения групп индивидов, обладающих разными культурами, в непрерывный непосредственный контакт, вызывающий последующие изменения в изначальных культурных паттернах одной из групп или их обеих»¹⁶⁵. Данное определение впоследствии имело немало разносторонней критики, но до сих пор является наиболее распространенным. В рамках нашего исследования, наверное, одними из наиболее важных вопросов, которые могут возникнуть, является уточнение соотношения понятия аккультурации с терминами «культурное изменение» и «диффузия», а также связи между аккультурацией и ассимиляцией.

Относительно первого вопроса разграничения между диффузией и аккультурацией дает Херсковитц, объясняя первое как «свершившуюся передачу культуры», а аккультурацию — как «процесс передачи культуры»¹⁶⁶. Фортес же отмечает: «Культурный контакт следует рассматривать не как переход элементов из одной культуры в другую, а как непрерывный процесс взаимодействия между группами, имеющими разные культуры»¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. Memorandum on the Study of Acculturation // *American Anthropologist*. V. XXXVIII, 1936, Pp.149–152.

¹⁶⁶ Herskovits M. Acculturation: The Study of Culture Contact. N. Y.: J. J. Augustin, 1938. P. 523.

¹⁶⁷ Fortes M. Culture Contact as a Dynamic Process // *Africa*. V. IX. 1936. P. 53

Впоследствии Грейвз¹⁶⁸ обосновал разделение аккультурации на групповую (изменение социальной структуры, экономики, политики) и личностную (психологическую, включающую изменение идентичности, ценностей, установок). Аккультурационные стратегии, выбираемые индивидом или группой, подверженной влиянию условий трансформации окружающей среды, могут привести к адаптированности (психологической и (или) социокультурной) или аккультурационному стрессу (например, к неуверенности, беспокойству и даже психическим заболеваниям¹⁶⁹). Чем обусловлена эффективность избираемой индивидом аккультурационной стратегии? И на какие типы подразделяют аккультурационные стратегии?

Стратегии межкультурного взаимодействия состоят из двух компонентов: социокультурных установок и реальной модели поведения индивида в конкретных ситуациях, которые, как подметил Дж. В. Берри, редко совпадают. Это несоответствие объясняется усвоением формализованных моделей поведения, которые зачастую могут расходиться с мотивацией личности в принятии тех или иных поведенческих решений, а также социальными ограничениями поведения (нормы, возможности и т. д.). В результате осуществления межкультурного взаимодействия в силу

¹⁶⁸ Graves T.D. Psychological acculturation in a tri-ethnic community // *South-Western Journal of Anthropology*. 1967. V. 23. Pp. 337–350.

¹⁶⁹ Al-Issa I., Tousignant M. (Eds). *Ethnicity, immigration and psychopathology*. New York, 1997.

усвоенной социокультурной модели поведения, социальной и этнической стратификации общества, групповых и личных целей, желания или нежелания контактировать, индивид избирает определенную стратегию аккультурации.

Дж. В. Берри, развивая высказанную в 1936 г. идею Р. Редфилда о том, что ассимиляция не является единственной формой аккультурации, провел различие между стратегиями ассимиляции и интеграции, а позже – между стратегиями сепарации и маргинализации как различными способами осуществления аккультурации (как групп, так и отдельных людей)¹⁷⁰. В основе типологии лежали два критерия: ориентация на собственную группу (предпочтение сохранять свое культурное наследие и идентичность) и ориентация на другие группы (предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами).

При доминировании этнической идентификации и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия индивид выбирает стратегию *сепарации*. И напротив, когда люди придают значение сохранению собственной культуры и в то же время не ограничивают взаимодействие с другими культурами, осуществляется стратегия *интеграции*, что в большом сообществе или при выборе данной стратегии доминирующей группой именуется уже политикой мультикультурализма. Если же у индивида

¹⁷⁰ Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. Харьков, 2007. С. 381; Redfield R., Linton R., Herskovits M. J.. Memorandum on the Study of Acculturation // *American Anthropologist*. V. XXXVIII, 1936, Pp.149-152.

мало возможности или заинтересованности в сохранении своей культуры при наличии желания взаимодействия с другими культурными группами, то, скорее всего, будет осуществляться *ассимиляционная* стратегия. Когда же данный тип аккультурационной стратегии избирается в качестве доминантного в большом сообществе, то фактически провозглашается идея «плавильного котла». Стратегия *маргинализации* отличается слабой заинтересованностью во взаимосвязи с другими группами (возможно, по причине исключения или дискриминации).

При определении типа избираемой стратегии необходимо отметить, что как недоминирующие группы, так и их отдельные представители обладают свободой выбора, т. е. при навязывании определенных типов аккультурации доминирующей группой необходимо использовать уже другую терминологию. Таким образом, стратегия интеграции может осуществляться в полной мере этнокультурной группой или индивидом только в мультикультурном обществе, в котором утверждены определенные психологические послылки¹⁷¹. К ним относятся:

- 1) повсеместное принятие культурного разнообразия как ценности для общества,
- 2) относительно низкий уровень предубеждений (минимальный этноцентризм, расизм, дискриминация),
- 3) положительные взаимные отношения между этнокультурными группами,

¹⁷¹ Berry J.W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // *International Journal of Intercultural Relations*. 1995. № 3. Pp. 99–112.

4) осуществление принадлежности к большому обществу и отождествления себя с ним у всех индивидов и групп,

5) стремление сохранить культурное наследие.

Для обоснования предпринятой нами попытки определения выбора аккультурационной стратегии индивидов необходимо обратиться также к теории А. Тэшфела о социальной идентичности и концепции К. Камиллери о стратегиях идентичности¹⁷². Как и понятие стратегии аккультурации, самоидентификация базируется на определении двух параметров: идентификации себя с культурным наследием и этнокультурной группой (этническая самоидентификация); идентификация с большим сообществом (гражданская самоидентификация). Таким образом, при утверждении значимости как этнической, так и гражданской самоидентификации индивид избирает стратегию *интеграции*, при нивелировании обеих – *маргинализации*. Доминирование этнической самоидентификации обуславливает выбор *сепарационной* стратегии, а при доминировании гражданской – *ассимиляционной*.

Под гражданской самоидентификацией в данном анализе будем подразумевать самоидентификацию общероссийскую (осознавать себя гражданином России).

¹⁷² См.: Tajfel H. (Ed). *Differentiation between social groups*. London, 1977; Brewer M. The social self: On being the same and different at the same time // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1991. Pp. 475–482; Kalin R., Berry J.W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys // *Canadian Ethnic Studies*, 1995. V. 27. Pp. 1–15; Камиллери К. Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 103–117.

Если исключить из рассмотрения смешанные виды аккультурационных стратегий, то все пространство стратегий аккультурации для индивидов и групп содержит выбор одной (доминантной) из четырех: интеграции, сепарации, ассимиляции или маргинализации. Отметим также, что для России как цивилизации исторически сложилось понимание наций как этнокультурных, а не политических сообществ, *поэтому из всех аккультурационных стратегий оптимальной для индивидов и групп следует признать интеграцию* (выделено нами).

Материалы социологического исследования аккультурационных стратегий лингвосоциокультурных типов в выбранных республиках представлены в табл. 3.1.

Самый высокий процент избирающих стратегию интеграции – среди молодежи монолингвов – алтайцев, тувинцев, саха, хакасов. Правда, среди представителей титульных этносов этого типа относительно высокая (7 – 11%) доля и «сепаратистов», в то время как среди русской молодежи она не превышает 5%. Напомним, что одним из важных компонентов при определении данного типа было не только рождение в моноэтнической среде и выбор в качестве родного языка – языка родителей, но определялись также степень сформированности этнического самосознания (в данную группу вошли только со сформированным этническим самосознанием), владение и частота использования родным языком в домашней среде общения, знание культуры и истории этнической группы, соблюдение этнических традиций дома.

Таблица 3.1

Аккультурационные стратегии социокультурных типов
молодежи, % в группе по типу

Республика	Национа- льность респондента	Лингвосоциокультурные типы											
		монолингвы				билингвы				«метисы»			
		Аккультурационные стратегии											
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Саха (Якутия)	саха	81	10	8	1	49	3	40	8	57	7	34	2
	русские	75	3	21	1	74	6	20	0				
Хакасия	хакасы	85	11	4	0	76	4	17	3	41	4	45	10
	русские	77	5	16	2	88	0	9	3				
Тыва	тувинцы	83	11	5	1	50	10	30	10	56	0	33	11
	русские	89	0	11	0	91	0	9	0				
Алтай	алтайцы	91	7	2	0	50	6	44	0	68	2	23	7
	русские	76	1	22	1	95	0	5	0				

* 1 – интеграция; 2 – сепарация; 3 – ассимиляция;
4 – маргинализация.

Полученные высокие результаты по выбравшим интеграционную стратегию свидетельствуют о том, что этническая и российская самоидентификация, знание языка и культуры, традиций своего народа молодежью являются важными условиями интеграции российского общества.

Отметим, что показатели интеграции среди монолингвов – горожан и сельчан практически одинаковы. Более того, в Хакасии все 100% хакасов-горожан данного типа (13 чел.) выбрали эту стратегию, а среди сельчан – 83% (при 13% – сепарацию и 4% – ассимиляцию).

Позитивная роль билингвизма среди русской молодежи (знание языка титульного этноса своей республики) проявляется не только в межэтнических установках и социальных дистанциях, но и по показателю интеграции как аккультурационной стратегии. Так, в Якутии этот показатель одинаков у русских монолингвов и билингвов (75 и 74%), а в Хакасии, Туве и Республике Алтай даже выше у билингвов-русских (95:76% – в Республике Алтай; 91:89% - в Туве 88:77% – в Хакасии соответственно). Также напомним, что в качестве билингвов нами выбраны потомки моноэтнических браков, у которых их национальность совпадает по ответам с национальностью родителей, но при этом они в качестве родного указали русский или два языка (для русских соответственно – только два языка), с различной степенью сформированности этнического самосознания, у кого чаще всего не соблюдаются этнические традиции в семье, а общение в доме происходит на русском (см. первую главу). Это пояснение мы вносим для того, чтобы объяснить полученные результаты по существующей зависимости между снижением (по сравнению с монолингвами) количества, выбравших стратегии интеграции и сепарации, и существенным увеличением количества респондентов, выбравших стратегию ассимиляции. Аналогичным образом влияет и метисация.

Таким образом, мы можем обнаружить взаимосвязь между постепенным размытием этнического самосознания

и увеличением числа избирающих стратегию ассимиляции, а также подтвердить в какой-то мере, что снижение уровня владения родным языком молодежи титульных этносов является неэффективным для этносоциального развития этнических групп.

С другой стороны, в рамках исследования аккультурационных стратегий нам показались интересными результаты исследования, выполненного С. В. Никифоровой и Л. Н. Поповой среди студентов г. Якутска по изучению восприятия билингвов¹⁷³. Мы уже отмечали в первой главе, что трактовки билингвизма весьма отличаются. С одного полюса – позиции В. А. Аврорина, Ю. Д. Дешериева, С. В. Пахаренко, считающих, что билингвизм – это знание в совершенстве как родного, так и какого-либо другого языка¹⁷⁴, а также свободное и активное владение двумя языками, вплоть до способности думать на них без перевода¹⁷⁵. С другой – широкие трактовки билингвизма, представленные в концепциях В. Ю. Розенцвейга, А. А. Метлюка, Ф. П. Филина и др., подразумевающих под двуязычием некий «континуум, простирающийся от весьма элементарного знания контактного языка до полного

¹⁷³ *Никифорова С.В., Попова Л.Н.* Якутско-русский билингвизм среди студентов г. Якутска // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 31– 35. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.6.4>

¹⁷⁴ *Дешериев Ю.Д.* Закономерности общения и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.

¹⁷⁵ *Аврорин В.А.* Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 49–62.

и свободного владения им»¹⁷⁶. Наиболее значимым для нас является вывод, сделанный Ю. В. Бромлеем и В. И. Козловым, о том, что билингвизм становится тем важным свойством личности, которое формирует толерантность к другой культуре, другим языкам и этносам¹⁷⁷.

Возвращаясь к исследованию, проведенному среди студентов г. Якутска С. В. Никифоровой и Л. Н. Поповой, отметим, что им удалось получить данные не только о частоте использования того или иного языка в разных средах (дома, на работе, на учебе и пр.), но и выявить отношение к билингвам. Исследователями была предложена респондентам классификация индивидов-билингвов американского ученого С. Бочнера, в которой он выделил четыре типа: «перебежчик» (отказывающийся от своей культуры и выбирающий чужую); «шовинист» (преувеличивающий значимость своей культуры и отбрасывающий чужую); «маргинал» (колеблющийся между двумя культурами, имеющий противоречия в собственной идентичности, склонность к внутренним конфликтам); «посредник» (объединяющий в своем сознании две культуры и способный стать «связующим звеном» между ними)¹⁷⁸. Несмотря на то, что нам показались эти четыре типа

¹⁷⁶ Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л., 1972. 80 с.

¹⁷⁷ Бромлей Ю.В., Козлов В.И. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР // Советская этнография. 1975. № 1. С. 3–17.

¹⁷⁸ Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // *Cultures in Contact*. Oxford, 1982. Pp. 5–44. <https://doi.org/10.1016/b978-0-08-025805-8.50008-1>.

переименованными четырьмя типами аккультурационных стратегий, выделенных Дж. В. Берри, тем не менее результат, полученный авторами, что 60,7% ответивших отнесли билингвов к типу «посредник», нас порадовал. Среди характеристик, которые респондентами отмечены о влиянии билингвизма на социальное поведение индивида, наиболее примечательными были: «преимущество знающих несколько языков, востребованность и конкурентоспособность на рынке труда, более широкие возможности карьерного и профессионального развития»; «у билингва нет языкового барьера, знание своего языка – это в первую очередь сохранение традиционной культуры нации, а изучение другого языка – это развитие» (каждый третий ответ); «у билингвов более развита умственная и коммуникативная способность, им легче учить иностранные языки»¹⁷⁹. В целом 72 % девушек и 65 % юношей ответили, что на социальное поведение индивида билингвизм влияет «положительно», 25 % и 28 % опрошенных выбрали ответ «нейтрально», от 3 до 7 % участников исследования остановились на варианте «отрицательно». В итоге студенты сошлись во мнении, что знание двух языков положительно влияет на социализацию человека в обществе¹⁸⁰. Представленные результаты показали положительное отношение среди

¹⁷⁹ Никифорова С.В., Попова Л.Н. Якутско-русский билингвизм среди студентов г. Якутска // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 33-34. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.6.4>.

¹⁸⁰ Никифорова С.В., Попова Л.Н. Якутско-русский билингвизм среди студентов г. Якутска // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 33. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.6.4>.

студентов-якутян к билингвизму. К сожалению, мы не нашли для сравнения аналогичных исследований по другим выбранным нами республикам, но отчасти возможности сопоставления социального поведения различных лингвосоциокультурных типов получены нами при использовании шкалы Богардуса.

III.2. Стратегии молодежи различных лингвосоциокультурных типов на различных социальных дистанциях

Понятие социальной дистанции была введено известным социологом Г. Зиммелем, но получило инструментальное решение в методике измерения Э. Богардуса (1925), подразумевавшего в исследованиях размещение социальных групп и отдельных людей в общественном пространстве, характеризующееся степенью их отчужденности или близости между собой¹⁸¹.

Использование термина «социальной дистанции» сопряжено с применением понятия «социальный статус», поскольку по мнению социологов дистанцирование есть способ и условие поддержания своего социального положения (статуса). Так, авторы одного из первых в России этносоциологических исследований, посвященного изучению проблемы этнических границ, пишут: «С помощью измерения

¹⁸¹ Bogardus E.S. Measuring social distance // *Journal of Applied Sociology*. 1925. No. 9. 299–308.

социальной дистанции определяется статус, потенциал социальных групп, а в этнически дифференцированном обществе – и социальные позиции этнических групп. Жесткость и размерность социальной дистанции, взаимопроникновение характеристик групп служат показателем состояния общества, степени равенства групп, качественными индикаторами социальной справедливости, социальной и этнической толерантности»¹⁸².

Разработка темы этнических границ и культурных различий связана в западной антропологии с работами норвежского ученого Ф. Барта, который смещает акцент при рассмотрении с эмпирических характеристик этничности на исследование ее в функции в социальной организации культурных различий: «Взгляды Ф. Барта кардинальным образом изменили подход к исследованию этнической и культурной отличительности: вместо изучения объективно существующих и исторически преемственных культурных черт этнических групп внимание сосредоточивается скорее на индивидуальном сознании и обусловленном им социальном поведении, выражающемся в системе социальных ролей»¹⁸³.

Способы установления социальной дистанции достаточно различны – от психологических

¹⁸² *Социальная и культурная дистанция: опыт многонациональной России* / Амелин В.В., Анайбан З.В., Бравин А.Д. и др.; Авт. проекта и отв. ред. Дробижева Л.М.; Ин-т этнологии и антропологии РАН. -М.: Изд. Ин-та социол. РАН, 1998. С. 9.

¹⁸³ *Социальная и культурная дистанция: опыт многонациональной России* / Амелин В.В., Анайбан З.В., Бравин А.Д. и др.; Авт. проекта и отв. ред. Дробижева Л.М.; Ин-т этнологии и антропологии РАН. -М.: Изд. Ин-та социол. РАН, 1998. С. 22.

до институциональных, регламентируемых законом, обычаем, традицией, социальными установками и средствами социального контроля. Таким образом, используя понятие «социальная дистанция», мы фактически дифференцируем группы по экономическим, политическим, этническим, национальным и др. характеристикам, что отчасти может пересекаться с понятием «социальной стратификации» общества. Поскольку социальная дистанция может служить отражением упорядоченной системы социальных статусов, ожиданий, притязаний, образуя социальные лестницы. Несоответствие статусных ожиданий социальной нише, занимаемой индивидом, отсутствие реализации человеком его возможностей независимо от этнической, расовой, религиозной принадлежности (социальные лифты) может стать факторами, формирующими негативные установки в межэтнических отношениях.

В мировой социологии для измерения межэтнических установок в разных сферах взаимодействия используется шкала Э. Богардуса. Традиционно респондентам предлагается оценить степень возможности и желательности принятия представителя указанных в списке этнических групп в качестве близкого родственника, друга, соседа, коллеги по работе или учебе, жителя своей местности (села, города), жителя своего региона, гражданина страны. И отметить, если респондент не хотел бы общаться, видеть в своей стране представителя оцениваемого этноса. Таким образом, чем выше показатель по представленной шкале, тем больше

социальная дистанция между респондентом и оцениваемым им представителем того или иного этноса.

Важно отметить, что несмотря на универсальность понятия «социальная дистанция» (его конструкт имеет место во всех культурах), вопросы, по которым оценивают расстояния, являются специфичными для каждой культуры, что зависит от традиций, формирующих ребенка с детства как представителя определенных групп: нуклеарной семьи, племени, братства (паствы, сообщества соседей), элитарных объединений и пр.. Некоторые формы контактов могут иметь место, а некоторые отсутствовать. Например, для использования шкалы Богардуса в Индии Г. Триандисом было применено понятие «прикасаться к моей посуде», поскольку в этой стране до сих пор сохранились идеи «ритуального осквернения», и индивид, согласившийся жить рядом с представителем более низкой касты, может не согласиться, чтобы тот дотрагивался до его посуды. В то же время абсолютно бессмысленно было бы выяснять отношение американца к тому, что к его посуде прикоснется турок, замечает исследователь.¹⁸⁴ Для проведения исследований культурной дистанции в США и Греции Г. Триандис вначале изучил в каждой культуре связи индивида со всеми возможными группами и сконструировал два разных,

¹⁸⁴ Triandis H. C. Culture and social behavior. N. Y., 1994; Triandis H. C. Cross-cultural psychology // *Asian J. of Social Psychology*. 1999. Vol. 2. Pp. 127–143.

стандартизированных для культуры, но эквивалентных между собой наборов вопросов.

Конечно, в рамках нашего исследования таких процедур не понадобилось, поскольку длительность совместного проживания и использование русского языка как языка межнационального общения позволяет создать предпосылки для унифицированного использования методики. Отметим лишь, что мы применяли модифицированную шкалу с открытыми и закрытыми вопросами.

Для оценки минимальной дистанции (максимальной близости) использовались ответы респондентов на вопрос анкеты «Важна ли, на Ваш взгляд, национальность при выборе супруга (супруги)?» Более длинные социальные дистанции – выбор друга (подруги), партнера, руководителя, и т.д. оценивались по открытым вопросам. «Людей какой национальности Вы бы предпочли при выборе: 1) друга (подруги); 2) партнера по работе; 3) руководителя по работе; 4) сотрудников органов власти; 5) Руководителя республики?».

Рассмотрим последовательно – от минимальной социальной дистанции (выбор супруга (и)) до максимальной (Руководителя республики) – установки различных лингвосоциокультурных типов молодежи.

III.2.1. Предпочтения при выборе национальности супруга (и)

По мнению Дж. Берри, формирование межэтнической толерантности возможно лишь на основе существующего у индивида убеждения в своей групповой идентичности, что обеспечивает ему позитивный характер взаимодействия¹⁸⁵. Вторым фактором установления благоприятных отношений является достижение чувства безопасности: «только люди, чувствующие себя в безопасности в своей стране, способны быть толерантными по отношению к людям из других стран и культур»¹⁸⁶. Причем данный фактор определяет и личное взаимодействие в рамках региона, и международные коммуникации. Если же люди чувствуют угрозу со стороны иных этнокультурных сообществ, то они не принимают культурных различий, проявляют интолерантность и прибегают к способам самозащиты¹⁸⁷. Таким образом, при полном доверии к партнеру вполне объяснимо применение стратегии

¹⁸⁵ Берри Дж. В. Как мы будем жить все вместе?: альтернативное видение межкультурных отношений / Дж. В. Берри // Кросс-культурная психология: актуальные проблемы: сб. ст. / под. ред. Л. Г. Почебут, И. А. Шмелевой. СПб., 2005. С. 6–25.

¹⁸⁶ Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран мира: взгляд из России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. №1. С. 70.

¹⁸⁷ Берри Дж. В. Как мы будем жить все вместе?: альтернативное видение межкультурных отношений / Дж. В. Берри // Кросс-культурная психология: актуальные проблемы: сб. ст. / под. ред. Л. Г. Почебут, И. А. Шмелевой. СПб., 2005. С. 6–25; Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H. & Dasen P.R. Cross-Cultural Psychology. Research and Applications. 2nd ed. New York, NY, US: Cambridge University Press, 2002.

толерантности, а в случае разрушения доверия или изначального наличия предубеждений, опасений (отсутствие полного доверия) применяют стратегию самозащиты (ассертивности).

Л. Г. Почебут и Д. С. Безносков разделяют способы самозащиты на неконструктивные и конструктивные. К неконструктивным способам отнесены: обострение негативных этнических стереотипов, усиление этноцентризма, агрессивности и увеличение этнокультурной дистанции. К конструктивным способам относится стратегия ассертивности¹⁸⁸, под которой понимается способность и умение соблюдать свои права и интересы, а также права и интересы другого человека¹⁸⁹. Таким образом, для использования ассертивной стратегии важно не только знание и понимание границ, определенных правами, обязанностями, ожиданиями обеих сторон коммуникации, но и постоянная демонстрация толерантного отношения, а также умения и способности защищать свои права в случае их нарушения. Кроме институциональных практик, подкрепляющих выполнение ассертивного поведения, важно тонко чувствовать и понимать специфику момента, в том числе этнокультурную. Поэтому по количеству затрачиваемых усилий ассертивное поведение является более

¹⁸⁸ Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран мира: взгляд из России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. №1. С. 70.

¹⁸⁹ Вердербер Р., Вердербер К. Общение. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003; Alberti R.E. & Emmons M.L. Your perfect right: A guide to assertive living. San Luis Obispo, CA: Impact, 1995.

сложным конструктом, чем толерантное. Использование толерантной стратегии (проявлении полного доверия по отношению к другим людям, с ожиданиям взаимного уважения со стороны партнера) может столкнуться с тем, что она выбрана в отношении того, кто нарушает ожидания, тогда это приводит к утрате своих позиций, прав, преимуществ. В случае же некорректного использования ассертивного поведения можно спровоцировать появление и развитие конфликтной ситуации со всеми вытекающими последствиями.

Таким образом, определение социальной дистанции отчасти является свидетельством потенциального выбора респондента толерантного или ассертивного поведения в отношении представителей разных этнических групп в зависимости от обсуждаемой роли.

В рамках нашего исследования самой короткой дистанцией была выбрана тема супружества, а точнее – значимость национальности (этничности) при выборе будущего супруга(и) (табл. 3.2.)

Если судить по частоте показателя «национальность при выборе супруга (и) не важна», то большинство групп молодежи в целом индифферентно к этой установке: лишь среди монолингвов (тувинцев – 38%, русских в Хакасии – 41%), а также билингвов (русских в Хакасии – 45% и Республике Алтай – 47%) – их менее 50%. Однако группы билингвов и «метисов» малочисленны по сравнению с монолингвами. Поэтому монолингвы в целом определяют величину данной установки среди молодежи.

Таблица 3.2

Важна ли, на Ваш взгляд, национальность
при выборе супруга (супруги)? (%)

Республика	Национальность респондента	Лингвосоциокультурные типы								
		монолингвы			билингвы			«метисы»		
		Национальность при выборе супруга (супруги)								
		1	2	3	1	2	3	1	2	3
Якутия	саха	20	25	55	5	3	92	10	5	85
	русские	20	29	51	20	23	57			
Тыва	тувинцы	31	31	38	10	0	90	0	11	89
	русские	26	16	58	18	27	55			
Хакасия	хакасы	15	26	59	1	9	90	0	10	90
	русские	27	32	41	29	26	45			
Алтай	алтайцы	17	12	71	0	0	100	5	3	92
	русские	17	25	58	16	37	47			

* 1 – ответ «Да, одной национальности, важна общность языка»;
2 – ответ «Да, одной национальности. Важно, чтобы дети родились моей национальности»; 3 – ответ «Национальность не важна».

Наиболее отчетливо выражена значимость национальности при выборе супруга (и) у монолингвов – тувинцев (62% считают, что это важно). При этом в равной мере по мотивам «общность обрядов, обычаев и языка способствует взаимопониманию» (31%) и «хочу, чтобы мои дети были моей национальности» (31%). Последний мотив (желаемая национальность детей) несколько важнее мотива «общность обрядов, обычаев и языка способствует взаимопониманию супругов» для монолингвов – саха (25:20%) и хакасов (26:15%), русских – монолингвов в Якутии (29:20%), Хакасии (32:27%) и Республике Алтай (25:17%).

В проведенном нами ранее исследовании «Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика и трансляция моноэтническими и межэтническими типами семей»¹⁹⁰ было также отмечено, что сопоставление ответов респондентов по республикам продемонстрировало менее демократичное отношение к выбору брачного партнера у молодежи из моноэтнических семей в Туве. Но мы также предположили тогда, что делать вывод в случае данной республики о существовании у молодежи этноцентричных аттитюдов, наверное было бы неверным. Поскольку именно практически моноэтническое окружение, а также доминирование в выборке моноэтнических семей тувинцев обуславливает, что среди высказавшихся «за» тувинца(ку) при выборе брачного партнера оказываются именно представители тувинского этноса, являющиеся потомками моноэтнических браков. Более всего настроенными на межэтнический брак из потомков моноэтнических русских семей оказались также представители Республики Тыва. И что является более значимым фактором – моноэтническое окружение, конформизм или осознанный выбор – в случае тувинской молодежи строго определить сложно.

Наиболее индифферентны к выбору национальности супруга (и) алтайцы: среди монолингвов – 71%, «метисов» – 92%, среди билингвов – 100%. При этом в весьма небольшой

¹⁹⁰ *Абрамова М.А.* Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика и трансляция моноэтническими и межэтническими типами семей / отв.ред. В.Г. Костюк. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2016.

группе алтайцев – монолингвов преобладает мотив «важно, т.к. общность языка способствует взаимопониманию супругов» (17%) над мотивом «важно, т.к. хочу, чтобы дети были моей национальности» 12%.

Таким образом, установка на моноэтничность брака хотя и проявляется в целом у немногих (менее 50% юношей и девушек), среди русской молодежи и большей части титульных этносов мотивирована скорее этнической преемственностью, наследованием этничности (хочу, чтобы дети были моей национальности»), нежели «взаимопониманием супругов благодаря общности обычаев обрядов и языка». При этом среди девушек всех лингвокультурных типов доля индифферентных («не важна национальность»), как правило, немного выше, чем среди юношей данного типа, а при важности национальности – преобладает мотив «хочу, чтобы дети были моей национальности».

Различия между городской и сельской молодежью – русской и титульных этносов – по данной установке незначительны, поскольку среди сельчан доля индифферентных лишь немного выше. Например, среди монолингвов – наиболее многочисленного лингвокультурного типа среди молодежи всех этнических групп – ситуация такая: в Якутии среди саха – сельчан индифферентных – 55%, а среди горожан – 54%; среди русских – соответственно 57 и 51%. В Хакасии среди хакасов соответственно 60 и 46%, среди

русских – 45 и 39% индифферентных к национальности партнера по браку. Для тех же, кто считает ее важным фактором, мотив «чтобы дети были моей национальности» немного важнее мотива «общность обычаев, языка» – как среди сельчан, так и среди горожан разных этнических групп за исключением алтайцев-монолингвов». Для последних важнее оказался мотив культуры.

Если высокая степень индифферентности (85 – 92%) к национальности партнера в браке для юношей и девушек из этнически-смешанных семей («метисов») может быть объяснена их позитивной оценкой опыта отношений между своими родителями, то еще более высокий уровень (90 – 100%) толерантности к национальности супруга(и) среди билингвов из числа титульных этносов – саха, тувинцев, хакасов и алтайцев – явление, требующее дополнительного исследования. Напомним, что билингвы определялись как лингвосоциокультурный тип с четкой этнической самоидентификацией и возможно недостаточно сформированным этническим самосознанием, из этнически однородной семьи, а «метисы» – как тип из этнически-смешанной семьи, тоже билингвы, но с «размытой» этнической самоидентификацией.

В республиках Сибири соотношение билингвов и «метисов» среди молодежи титульных этносов различно. В Туве и Якутии примерно поровну: 1,7 – 0,2% соответственно в Туве, 5,5 – 3,1% соответственно в Якутии. В Хакасии больше

доля билингвов (19%), нежели «метисов» (1,5%), и в Республике Алтай – «метисов» (7% против 8% билингвов), а степень ценности национальности в браке – везде крайне низкая. Мы полагаем, что размытость этнического самосознания, несоблюдение дома этнических традиций и возможное использование двух языков, несмотря на четкую этническую самоидентификацию, в какой-то мере снижают остроту вопроса о выборе супруга(и) по признаку этничности.

Для билингвов – русских и русских монолингвов во всех республиках существенных отличий в данной установке не выявлено: примерно 50% молодежи того и другого типа считают ее неважной, а для тех, кто считает важной национальность в браке, чаще немного выше мотив «национальность детей» (русские билингвы и монолингвы в Якутии и Республике Алтай, билингвы в Туве, монолингвы – в Хакасии). Т.е., для русской молодежи билингвизм является слабым фактором снижения установки на ценность национальности при выборе супруга (и).

III.2.2. Этнический фактор при выборе друга (подруги)

В таблице 3.3 представлены результаты анализа ответов юношей и девушек по вопросу «Людей какой национальности Вы бы предпочли при выборе друга (подруги)?»

Таблица 3.3

Предпочтения национальности при выборе
друга (подруги), %

Республика	Нацио- нальность респондента	Лингвосоциокультурные типы											
		монолингвы				билингвы				«метисы»			
		национальность друга (подруги)											
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Саха (Якутия)	саха	70	1	21	8	16	13	59	12	31	12	42	15
	русские	0	65	32	3	0	49	46	5				
Тыва	тувинцы	58	2	20	20	27	0	46	27	0	11	67	22
	русские	10	30	45	15	0	27	55	18				
Хакасия	хакасы	52	6	42	0	18	14	63	5	7	38	52	3
	русские	2	60	35	3	3	55	36	6				
Алтай	алтайцы	52	5	33	10	0	14	86	0	10	20	49	21
	русские	0	65	34	1	0	61	39	0				

* 1 – ответ «предпочтение представителю титульного этноса»;
2 – ответ «русский»; 3– «все равно»; 4 – ответ «иное».

Сравнивая данные таблиц 3.2 и 3.3, можно заметить, что дистанция «друг» короче дистанции «супруг»: предпочтение лицам своей национальности четче выражены (меньше процент «все равно», выше процент «своей национальности»), особенно среди монолингвов. Например, если 45% молодежи саха из группы монолингвов в качестве супруга (и) предпочли бы лиц «своей национальности», а для 55% национальность не важна, то при выборе друга (подруги) большинство (70%) предпочло бы саха, и лишь для 21% все равно, какой национальности друг. Аналогичная картина – среди юношей и девушек – хакасов, тувинцев, алтайцев, русских.

Этот феномен можно объяснить тем, что либо для большинства 19–29 летних выбор друга (подруги) более актуален, чем супружество, либо наличием большего опыта в дружеском взаимодействии, в отличие от брачного. Также одним из важных факторов обусловленности выбора друзей являются характеристики среды – она более конкретна (село, город, класс, учебная группа и другая микросреда) и более привычна.

Молодежь из этнически-смешанных семей русских и титульных этносов («метисы»), при преобладающей в целом индифферентности («все равно» и «иное»), отдает некоторое предпочтение русским, а не «своим» (11:0 – в Туве, 38:7% – в Хакасии, 20:10% – в Республике Алтай) или «своим» (31:12% – в Якутии). Еще более, чем «метисы», безразличны к национальности своих друзей билингвы из среды титульных этносов. В Туве предпочитают выбор тувинцев (27% и 0% русских) в Республике Алтай – русских (14:0), в Хакасии – хакасов (18:14) в Якутии – саха (16:13%), что отражает степень русского двуязычия: низкую – в Туве, очень высокую – в Республике Алтай (см. табл. 3.3). Русские – билингвы (владеющие в определенной мере языком титульных этносов) в целом более безразличны к национальности друзей (подруг), чем русские – монолингвы, но все же лишь 3% русских в Хакасии отметили предпочтение хакасов по этой установке (при 55% – «выбор своей национальности»).

Минимально однозначный выбор русскими – билингвами друзей из лиц своей национальности отмечен в Туве (27%), при 55% – ответов «все равно», 0% – из числа тувинцев. В Туве же русские – монолингвы продемонстрировали самый высокий (10%) уровень предпочтения тувинца при выборе друга (подруги), в то время как в Хакасии – всего 2%, а в Якутии и Республике Алтай – 0% выбора лиц титульных этносов.

Большинство билингвов (свыше 80%) как среди молодежи титульных этносов, так и среди русских – это горожане. Однако особых различий среди билингвов при выборе национальности друга между горожанами и сельчанами не выявлено. Так, в Якутии индифферентны к национальности друзей 59% горожан и 55% сельчан – саха, предпочитают саха как друга – 15% горожан и 18% сельчан-билингвов.

Отметим, что среди молодежи, не отнесенной к определенным лингвосоциокультурным типам, существенно ниже, чем среди монолингвов, доля предпочитающих в качестве друга (подруги) лишь лиц своей национальности. Так, если среди саха в первом случае таковых 24%, то среди саха – монолингвов – 70%. Т.е., монолингвы – русского и титульных этносов – в наибольшей мере имеют установку на предпочтение своей национальности при выборе друга (подруги). *В наименьшей мере эта установка проявляется у билингвов из среды титульных этносов (выделено нами).*

III.2.3. Влияние национальности партнера на профессиональное взаимодействие

Поскольку большинство юношей и девушек в выборочном массиве – учащаяся молодежь, то партнер по работе для них – проективная ситуация, и следует ожидать большей, чем при выборе друга, индифферентности по этой установке в национальном аспекте, т.е. более «длинной» социальной дистанции. Материалы конкретного исследования подтверждают данную гипотезу (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Предпочтения по национальности партнера по работе, %

Республика	Национальность респондента	Лингвосоциокультурные типы											
		монолингвы				билингвы				«метисы»			
		Национальность партнера по работе											
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Саха (Якутия)	саха	50	9	27	14	10	14	66	10	18	28	45	9
	русские	1	58	37	4	0	39	55	6				
Тыва	тувинцы	29	17	29	25	10	10	40	40	11	11	56	22
	русские	0	42	47	11	0	36	55	9				
Хакасия	хакасы	34	15	51	0	10	11	77	2	4	32	57	7
	русские	1	49	46	4	6	44	44	6				
Алтай	алтайцы	33	23	35	9	0	7	93	0	11	30	51	8
	русские	0	65	35	0	0	61	39	0				

* 1 – ответ «предпочтение представителю титульного этноса»;
2 – ответ «русский»; 3 – «все равно»; 4 – ответ «иное».

Как и по другим межэтническим установкам, наиболее высокий уровень предпочтений партнера по работе из числа лиц своей национальности – среди монолингвов. Особенно

в Якутии: среди русских – 58%, среди саха – 50%. Предпочитают русских как партнеров по работе 9% молодых саха, в то время как русская молодежь предпочитает всего 1% саха. В других республиках уровень комплиментарности к русским как партнерам выше: 15% – в Хакасии, 17% – в Туве, 23% – в Республике Алтай. Чего нельзя сказать о комплиментарности русских к представителям других этнических групп: в той же Республике Алтай у русских самый высокий (65%) уровень этноцентризма по данной установке при 0% предпочтений алтайцев как партнеров по работе и 35% – «все равно».

Метисация существенно повышает уровень комплиментарности к русским как партнерам (особенно в Хакасии – до 32%, Республике Алтай – 30%, Якутии – 28%).

Билингвизм также положительно влияет на рост комплиментарности и индифферентности. Так, среди билингвов из среды титульных этносов самый высокий процент ответов «все равно», т.е. индифферентных: в Республике Алтай – 93%, в Хакасии – 77%, в Якутии – 66%.

Билингвизм среди русских тоже содействует росту индифферентности к национальности партнеров по работе (в Якутии – с 37% у монолингвов до 55% ответов «все равно») и снижению предпочтения русских (с 58%, как у монолингвов до 39% у билингвов). Существенных различий между монолингвами–горожанами и сельчанами по данной установке не выявлено.

В группах «метисов» городские жители более безразличны к национальности партнера по работе, чем сельские: (в Якутии, например, 68% против 23%), при почти равном (30:39%) предпочтении саха и русских на селе и предпочтении русских партнеров в городе (18:7%).

Есть некоторые региональные различия по данной установке, особенно среди монолингвов. В Хакасии выше уровень индифферентности, чем в Якутии, и среди горожан (73:36%), и среди сельчан (48:25%), а сельские хакасы предпочитают выбор хакаса как партнера, в то время как городские – русского (37:18%).

Отчасти полученные результаты могут быть объяснены этнической картиной рынка труда, особенно в тех республиках, где для респондента более актуальным является даже не выбор между представителем титульной и не титульной этнической группы, а между «своим» земляком и мигрантом. Но данный аспект наше исследование не затрагивало.

III.2.4. Роль этнического фактора при определении руководителя по работе

Отдельный вопрос, хоть и имеет такое же отношение к миру профессиональной самореализации – это выбор руководителя на работе. Конечно, мы понимаем, что это невыборная должность, а назначаемая, но при определенной доле обобщения руководитель предстает

не просто в качестве статусной личности, а в качестве того, кому доверяют и чьи указы должны исполнять. Поэтому образ руководителя – это и отношение к иерархичному взаимодействию, и к собственному подчиненному статусу. При изучении социальных дистанций данный вопрос позволяет также выявить уровень этнического напряжения в социальной стратификации профессионального мира.

Результаты распределения ответов о предпочитаемой национальности руководителя представлены в таблице 3.5.

Таблица 3.5

Предпочтения по национальности руководителя по работе, %

Республика	Национа- льность респондента	Лингвосоциокультурные типы											
		монолингвы				билингвы				«метисы»			
		Национальность руководителя по работе											
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Саха (Якутия)	саха	63	8	23	6	14	16	62	8	26	30	35	9
	русские	0	70	27	3	0	55	39	6				
Тыва	тувинцы	41	22	21	16	30	20	40	10	0	67	33	0
	русские	0	63	32	5	0	45	45	10				
Хакасия	хакасы	45	12	43	0	13	12	74	1	11	29	54	6
	русские	0	56	43	1	0	52	41	7				
Алтай	алтайцы	38	25	33	4	0	14	85	0	11	26	53	10
	Русские	0	74	26	0	0	84	16	0				

* 1 – ответ «предпочтение представителю титульного этноса»; 2 – ответ «русский»; 3 – «все равно»; 4 – ответ «иное».

Сравнивая предпочтения молодежи различных лингвосоциокультурных типов при выборе национальности партнеров (табл. 3.4) и руководителей по работе (табл. 3.5),

можно заметить, что в отношении этничности руководителя этноцентризм (предпочтение лиц своей национальности) проявляется, как правило, четче и среди русских юношей и девушек, и среди молодежи титульных этносов, чем этноцентризм в установке к национальности партнера. Особенно это заметно у монолингвов всех республик. Так, среди саха это соотношение 63:50% (руководитель-партнер), среди русских в Якутии – 70:58%; среди тувинцев – 41:29%, среди русских в Тыве – 63:42%; среди хакасов – 45:34%, среди русских в Хакасии – 56:49%; среди алтайцев – 38:33%, среди русских в Республике Алтай – 74:65%. Исследование мотивов этих предпочтений требует самостоятельного рассмотрения, но в большей степени мы соотносим данный факт с переживанием статусных отношений этнических групп в республиках, со стремлением закрепить свое главенство, что безусловно влияет и на распределение рабочих мест.

Среди «метисов» аналогичный эффект проявляется слабо в Якутии и в Хакасии и не заметен в Тыве и Республике Алтай. Билингвизм практически не влияет на соотношение этих установок среди саха, тувинцев, хакасов, алтайцев, а у русских усиливает этноцентризм – предпочтение русского руководителя по работе во всех республиках и снижение индифферентности, что может объясняться не столько реальными этноцентрическими установками, сколько стремлением обезопасить свое рабочее место. Поскольку,

как показали наши наблюдения, русские, в отличие от представителей титульных этносов, не обладают тесными клановыми связями и в большей степени склонны к выстраиванию индивидуальных траекторий профессионального развития.

Если в отношении национальности партнера по труду социальные дистанции сокращаются, то установки по национальности руководителя труда – поляризуются, т.е. социальные дистанции удлиняются.

Небольшое число работающей молодежи других типов не позволяет провести сравнение установок как в сфере труда, так и в других социальных отношениях. Этот вопрос может быть предметом специальных фокусированных исследований.

III.2.5. Этнические установки в отношении власти

Важную роль в межэтнических отношениях, как показывают социальные факты и социальные исследования, играют межэтнические установки молодежи в отношении власти – предпочтения лиц своей или иной национальности в органах власти, национальность Руководителя республики.

Как отмечает Г. Н. Архипова: «участие в системе властных отношений народов России исторически является одним из актуальных вопросов при формировании органов

государственной власти и местного самоуправления»¹⁹¹. Несмотря на то, что политика «коренизации кадров» в СССР и так создала предпосылки для максимальной представленности титульных народов в руководстве национальных регионов, тем не менее еще большую остроту данный вопрос приобрел в период «парада суверенитетов», когда проблема диспропорции в системе властных и имущественных отношений начала беспокоить и русских в самоопределившихся республиках.

Отчасти сложившуюся ситуацию теоретически объясняют работы А. Арона¹⁹², В. Банса¹⁹³, Р. Даля¹⁹⁴, М. Дюверже¹⁹⁵, Д. Горовица¹⁹⁶, А. Лейпхарта¹⁹⁷, Х. Линца¹⁹⁸, С. М. Липсета¹⁹⁹ и др. где обосновывается идея о выполнении политической институционализацией в полиэтнических государствах функции формирования в обществе устойчивого

¹⁹¹ *Архипова Г.Н.* Этнический фактор в формировании органов государственной власти в полиэтнических государствах: автореф. дис. ... канд. полит. н. 23.00.02. М., 2006. С. 3.

¹⁹² *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М, 1993.

¹⁹³ *Банс В.* Элементы неопределенности в переходный период // Полис. 1993. №1. С. 44–51.

¹⁹⁴ *Даль Р.* Проблемы гражданской компетентности // Век XX и мир. 1994. №7-8. С.164–182.

¹⁹⁵ *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000; *Горовиц Д.* Равноправие моделей // Век XX и мир. 1994. №7-8. С.36-46.

¹⁹⁶ *Горовиц Д.* Равноправие моделей // Век XX и мир. 1994. №7-8. С.36-46.

¹⁹⁷ *Лейпхарт А.* Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. №12. С. 135-146.

¹⁹⁸ *Линц Х.* Достоинства парламентаризма // Пределы власти. 1994. № 2–3. С. 41– 51; *Линц Х.* Опасности президентства // Век XX и мир. 1994. № 7–8. С. 15– 36.

¹⁹⁹ *Липсет С.М.* Культурный фактор // Век XX и мир. - 1994. С.47–52.

комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих политическую сферу человеческой жизнедеятельности и организующих ее систему ролей и статусов, образующих политическую систему²⁰⁰.

Проблема отношений этнических групп и государства, политической истории национализма и национальных отношений отражена в трудах зарубежных политологов 1960-1970-х годов (П. Брасса²⁰¹, С. Энлоу²⁰², М. Эсмана²⁰³, А. Рабушки и К. Шепсли²⁰⁴, Х. Сетона-Томсона²⁰⁵), а также российских ученых и политиков: Р. Г. Абдулатипова²⁰⁶,

²⁰⁰ *Архипова Г.Н.* Этнический фактор в формировании органов государственной власти в полиэтнических государствах: автореф. дис. ...канд. полит. н. 23.00.02. М., 2006. С. 4

²⁰¹ Brass P. *Ethnic Group and the State*. L., Groom Helm, 1985.

²⁰² Enloe C. *Ethnic Conflict and Political Development* Boston: Little, Brown, 1973; Enloe C. *Ethnic soldiers: State Security in Divided Societies*. Harmondsworth: Penguin, 1980.

²⁰³ Esman M. *Ethnic politics*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1988.

²⁰⁴ Rabushka A. Shepsle K.A. *Politics in Plural Societies*. Columbus, OH: Charles E. Merrill, 1972;

²⁰⁵ Seton-Watson H. *Nations and States*. L.: Methuen, 1977.

²⁰⁶ *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитология. СПб., 2004; *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000; *Абдулатипов Р.Г.* Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. М., 2001.

Ю. В. Арутюнян²⁰⁷, Л. М. Дробижевой²⁰⁸, М. П. Губогло²⁰⁹,
В. Б. Игнатъевой²¹⁰, Э. А. Паина²¹¹, В. А. Тишкова²¹²,
В. А. Тураева²¹³, и др.

В частности, в работе Л. М. Дробижевой мы находим высказывание о том, что справедливое представительство национальностей в органах власти и управления,

²⁰⁷ Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциол. исслед. М.: Наука, 2003; Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998.

²⁰⁸ Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации// Мир России. 2001. №2. С. 167–180; Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношении в постсоветской России. М, 2003; Дробижева Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (Что может к не может дать демократизация» // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 16–28; Социальное неравенство этнических групп: Представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2002.

²⁰⁹ Губогло М.П. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М, 2000.

²¹⁰ Игнатъева В.Б., Тарасов Ю.С. Трансформация политической элиты: новая реальность // Республика Саха (Якутия): путь к суверенитету. Якутск, 2000. С. 90–95.

²¹¹ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003; Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.

²¹² Тишков В.А. Мультикультурализм и трансформация постсоветских сообществ. М., 2002; Идентичность и конфликт в постсоветских государствах/ Под. ред. М.Олкотт, В.Тишкова, А.Малашенко; М.,1997; Тишков В.А, Филиппова В.И. Местное управление многоэтническими сообществами в странах СНГ. М., 2001; Тишков В.А. Очерки теории и политики эпичности в России. М., 1997; Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001; Этничность и власть в полиэтнических государствах/ Под ред. Тишкова В.А. и Ямскова А. М., 1994.

²¹³ Тураев В.А. Этнополитология: Учебное пособие-хрестоматия. Изд. 2-е, испр. и дополн. М., Логос, 2004; Межэтнические отношения в современной России в контексте проблем русского народа // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология, Этнология, Антропология». 2012. №1. С.220–233.

в информационно-культурном пространстве, влияющем на общественное мнение, стало актуальной проблемой в российском полиэтническом обществе²¹⁴. В то же время Г. Н. Архипова делает в исследовании вывод о том, что несмотря на растущий интерес в западных полиэтнических государствах к федерализму как варианту, обеспечивающему права на самоуправление, данная модель сама по себе не гарантирует равенства народов, поскольку не исключает возможности доминирования отдельных этнических групп в масштабах страны и (или) на этнорегиональном уровне вследствие различий по численности, уровню культурного и экономического развития и ряда других причин политического, социокультурного и исторического характера²¹⁵.

Таким образом, исследование социальной дистанции в отношении желаемой этничности представителей власти является одним из серьезнейших вопросов. В проведенном исследовании он изучался последовательно следующим образом: вначале определялось наличие или отсутствие у респондента принципиальной установки на этничность как признака власти (см. табл.3.6), а затем уточнялись его предпочтения в отношении национальности сотрудников органов власти и Руководителя республики (табл. 3.7–3.8).

²¹⁴ См.: *Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив*. М., 1998.

²¹⁵ *Архипова Г.Н. Этнический фактор в формировании органов государственной власти в полиэтнических государствах: автореф. дис. ... канд. полит. н. 23.00.02. М., 2006. С. 12.*

Таблица 3.6

Важна ли национальность людей в органах власти, %

Республика	Национальность респондента	Лингвосоциокультурные типы					
		монолингвы		билингвы		«метисы»	
		Важность национальности людей в органах власти					
		1	2	1	2	1	2
Саха (Якутия)	саха	65	35	22	78	38	62
	русские	54	46	45	55		
Тыва	тувинцы	45	55	10	90	33	67
	русские	42	58	36	64		
Хакасия	хакасы	71	29	31	69	30	70
	русские	45	55	49	51		
Алтай	алтайцы	57	43	13	87	30	70
	Русские	49	51	53	47		

* 1 – ответ «надо, чтобы было больше людей моей национальности в органах власти»; 2 – ответ «национальность представителей органов власти не имеет значения».

Наиболее четко установка на предпочтение людей своей национальности в органах власти проявляется у монолингвов: хакасов (71%), саха (65%), алтайцев (57%), около 50% – у тувинцев, русских. Мотив их установки: «они могут лучше заботиться о своем народе».

Свыше двух третей юношей и девушек из этнически смешанных семей («метисов») не разделяют этот мотив, полагая, что «национальность во власти не имеет особого значения, так как о нашем народе могут лучше заботиться и не мои соплеменники»: 70% – среди алтайцев и хакасов, 62% – среди саха.

Таблица 3.7

Предпочтения по национальности сотрудников
органов власти, %

Республика	Национа- льность респондента	Лингвосоциокультурные типы											
		монолингвы				билингвы				«метисы»			
		Национальность сотрудников органов власти											
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Саха (Якутия)	саха	56	9	25	10	19	9	65	7	28	25	38	9
	русские	1	70	27	2	0	54	42	4				
Тыва	тувинцы	37	16	25	22	20	10	50	20	11	22	56	11
	русские	0	58	37	5	0	33	42	25				
Хакасия	хакасы	57	14	39	0	13	10	76	1	11	32	57	0
	русские	1	58	40	1	4	57	35	4				
Алтай	алтайцы	46	15	32	7	0	14	86	0	28	28	39	5
	русские	0	73	24	3	0	74	26	0				

* 1 – ответ «предпочтение представителю титульного этноса»;
2 – ответ «русский»; 3 – «все равно»; 4 – ответ «иное».

Меньше всего предпочитающих во власти «своих» – среди билингвов – тувинцев (10%), алтайцев (13%), саха (22%). Однако билингвизм русских (знание языка титульной национальности) проявляется в аспекте данной установки очень слабо, практически не отличаясь от установок монолингвов, а в Хакасии и Республике Алтай даже несколько превышая их: в Хакасии 49:45%, в Республике Алтай – 53:49%. Что позволяет нам сделать вывод о том, что существующая принципиальная позиция в отношении этнической стратификации органов власти является скорее свидетельством скрытого напряжения статусных распределений этнических групп в республиках.

Уточнение этнической установки респондентов путем прямого вопроса «Людей какой национальности Вы предпочли бы при выборе сотрудников органов власти?» (один из вопросов «шкалы Богардуса») показало (сравнение данных табл. 3.6 и табл. 3.7), что эта установка достаточно устойчива. Монолингвы во всех регионах предпочли «своих». Даже русские в Туве и Республике Алтай, больше половины которых (58 и 51% соответственно) (табл. 3.6) вначале отметили «национальность сотрудников не имеет значения», а при ответе на прямой вопрос предпочли русских (58 и 73% соответственно в Туве и Республике Алтай), при этом никто не предпочел тувинцев или алтайцев, отметив «все равно, какой национальности» 37 и 24% соответственно.

Подтвердили свою индифферентность к национальности сотрудников органов власти монолингвы – тувинцы и алтайцы. Важно отметить, что определенная часть молодежи саха (9%), хакасов (14%), алтайцев (15%), тувинцев (16%) этого типа отдали предпочтение также русским. Четко предпочли бы русских, а не «своих» в органах власти «метисы» – тувинцы (22%), хакасы (32%), в равной мере «своих» и русских – «метисы» – алтайцы и саха.

Подтвердили свою относительную индифферентность по данной установке билингвы титульных этносов (ответив «все равно»: алтайцы – 86%; хакасы – 76%; саха – 65%; тувинцы – 50%), а 9% саха, по 10% тувинцев и хакасов, 14% алтайцев предпочли бы русских в органах власти.

Мы полагаем, что делать обобщенные выводы на основе полученных данных рано. Поскольку дополнительный вопрос, который следовало бы изучить – это восприятие степени проявления профессиональных качеств у представителей власти разных этнических групп. Даже на уровне бытовых стереотипов могут сложиться определенные устойчивые связи между демократическим отношением к подчиненным у одних и предвзятым у других, или способностью к более эффективной организационной работе, наличием связей с федеральным центром и прочее, что в значительной мере могло повлиять на выбор национальности респондентами сотрудников власти.

III.2.6. Предпочтения национальности при выборе Руководителя Республики

Главами Республик в Российской Федерации избираются, как правило, лица титульной национальности. Как относится к этому предпочтению молодежь? Материалы опроса по данному вопросу представлены в табл.3.8.

Молодежь – и русская, и титульных этносов – при выборе Руководителя Республики отчетливо продемонстрировала предпочтение человека своей национальности. Причем это характерно особенно для лиц монолингвов, а для билингвов и «метисов» – скорее индифферентность.

Таблица 3.8

Предпочтения национальности Руководителя Республики,
% в группе по типу.

Республика	Национа- льность респондента	Лингвосоциокультурные типы											
		монолингвы				билингвы				«метисы»			
		Национальность Руководителя Республики											
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Саха (Якутия)	саха	75	5	15	5	31	7	58	4	47	14	34	5
	русские	4	63	30	3	1	53	37	9				
Тыва	тувинцы	78	6	9	7	90	0	10	0	33	22	45	0
	русские	21	47	21	11	18	9	64	9				
Хакасия	хакасы	74	6	20	0	34	7	58	1	21	18	57	4
	русские	5	55	40	0	7	54	39	0				
Алтай	алтайцы	63	3	25	9	13	13	74	0	36	25	33	6
	Русские	3	70	24	3	6	67	27	0				

* 1 – ответ «предпочтение представителю титульного этноса»;
2 – ответ «русский»; 3– «все равно»; 4 – ответ «иное».

Если в отношении национальности сотрудников власти в целом билингвы и «метисы» примерно в равной мере предпочли выбор лиц титульного и русского этноса, а в республиках Хакасия, Тыва, Алтай даже предпочли русских, то в отношении Руководителя Республики индифферентность характерна лишь для «метисов» – в Хакасии (57%) и билингвов – алтайцев (74%), хакасов (58%), саха (58%).

Сравнение социальных дистанций для молодых монолингвов по всем параметрам шкалы Богардуса показывает, что самая короткая дистанция (важность «своего»

по национальности) – в отношении Руководителя Республики. Даже короче, чем по выбору друга: например, среди молодых саха – соответственно 75 и 70%, среди хакасов – 74 и 52%, алтайцев – 63 и 52%, тувинцев – 78 и 58% предпочитают «своего» по национальности. Аналогично – русские монолингвы. Т.е. политические установки в отношении национальности Руководителя (главы) Республики среди молодежи достаточно поляризованы.

Среди сельской молодежи этноцентризм (предпочтение своей национальности) по этой установке несколько сильнее, чем среди городской. Например, среди монолингвов – саха – соответственно 77 и 66%, среди монолингвов – русских в Якутии – соответственно 79 и 62%. Среди «метисов» в Якутии: 67 и 25%; среди билингвов-саха: 36 и 30% при 45 и 59% ответов «все равно» и 9 и 6% – выбора русского.

III.3. Реализация принципа дополнительности на примере модели «проактивность-реактивность»

Выше мы рассмотрели вопросы влияния лингвокультурной специфики социокультурной среды на межэтнические установки молодежи, используя метод лингвосоциокультурной типологизации – выделения определенных типов и эмпирической верификации их ориентаций на основе этносоциологических исследований.

Более глубокое осмысление их влияния возможно при использовании принципа дополнительности²¹⁶. В частности, в широком понимании концептов «субъект языкового взаимодействия» и «контекст» как этнокультурной общности республики, и в узком – как индивида с его особенностями мышления, восприятия, опыта жизнедеятельности²¹⁷

Для конкретного анализа установок лингвосоциокультурных типов молодежи мы рассмотрели модель «проактивность – реактивность», интегрируя этносоциологические и психологические методы исследования, как взаимно дополняющие друг друга²¹⁸. Напомним, что данная типология построена на основе теории В. Франкла о созидательной личности с активной жизненной позицией, обладающей внутренним локусом контроля, т.е. принимающей ответственность за себя и свою жизнь, высокоодаренной нравственно. Противоположным типом выступает реактивная личность, движимая не высоконравственными ценностями и принципами, а скорее чувствами, обстоятельствами, условиями и своим окружением, ориентирующаяся на внешний локус контроля.

²¹⁶ См. подробнее: *Абрамова М.А., Лбова Е.М., Сандакова Л.Б.* Лингвокультурная специфика социокультурной среды: подходы к исследованию феномена. Новосибирск. ИД «Манускрипт», 2020.

²¹⁷ *Абрамова М.А., Лбова Е.М., Сандакова Л.Б.* Лингвокультурная специфика социокультурной среды: подходы к исследованию феномена. Новосибирск. ИД «Манускрипт», 2020. С.70.

²¹⁸ О модели см. подробнее: *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск, 2014. С. 50–52.

Распределение для выявления доминирующих характеристик личности проводилось на основе трех групп вопросов по методике Л. Н. Собчик. В начале респонденты были дифференцированы по двум полярным группам: проактивной и реактивной. Проактивная личность характеризовалась по сочетанию эмпирических индикаторов социально-психологического диагностирования: 1) активная жизненная позиция, 2) позитивное отношение к другим людям (отзывчивость, человеколюбие, гуманность, стремление прийти на помощь); 3) внутренний локус контроля. Все остальные индивиды были определены как личности с доминирующей реактивной моделью поведения.

Поскольку вторая группа была достаточно большой и по результатам индивидуально-типологического опросника достаточно разнообразной, то мы использовали еще одну характеристику, представленную у С. Кови²¹⁹, а именно степень зависимости от внешнего воздействия и уровень развития навыков самосохранения, что проявляется как умение не поддаваться на эмоциональные провокации, не зависеть от эмоционального фона окружения и сохранять свое личное пространство, пресекая в отношении себя реализацию манипулятивных практик.

²¹⁹ Кови С.Р. Главное внимание главным вещам. Жить, любить, учиться и оставить наследие = First Things First: To Live, to Love, to Learn, to Leave a Legacy. М.: «Альпина Паблишер», 2011; Кови С.Р. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М., 2011.

В результате среди опрошенных было выявлено четыре психологических подтипа личностей:

1) *проактивные* (индивиды с доминирующей проактивной моделью поведения, сформированными навыками по самосохранению, с высоким уровнем рефлексии, интернальным локусом контроля);

2) *переходный тип* (с доминирующей проактивной моделью поведения, но с недостаточно развитыми навыками по самосохранению, демонстрирующие зависимости разного вида: эмоционального, деятельностного, с высоким уровнем рефлексии и интернальным локусом контроля);

3) *реактивные личности* с задатками лидера (доминирующая модель поведения – реактивная, с демонстрацией хорошо развитых навыков по самосохранению, экстернальным локусом контроля);

4) *реактивная масса* (доминирующая модель поведения – реактивная и слаборазвитые навыки по самосохранению).

Полученное распределение показало, что полярные группы «проактивные личности» и «реактивные лидеры» относительно малочисленны в каждом из лингвосоциокультурных типов. Но данное наблюдение было получено нами и ранее²²⁰. Поэтому соединение распределения с лингвосоциокультурной типологией потребовало для получения надежных выводов остановить свой выбор на базе респондентов из Якутии, как самой многочисленной.

²²⁰ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск, 2014.

Характерно, что монолингвы – саха и русские – имеют, как показал социологический опрос и одновременное психологическое тестирование, одних и тех же респондентов, весьма схожую структуру психологических подтипов: 8% проактивных личностей среди саха и 16% – среди русских, по 10% реактивных лидеров, 21 и 23% переходных типов соответственно среди саха и русских, 61% реактивной массы среди саха и 51% – среди русских. В этом отражается схожесть мировоззрений и ценностей, установок молодежи Якутии, проявляющихся, в том числе и в социальных дистанциях (по шкале Богардуса). Анализ материалов исследования представлен ниже (табл. 3.9).

Как было показано выше, среди всех выделенных нами лингвосоциокультурных типов наибольшее предпочтение лицам своей национальности при выборе друзей (подруг), партнеров, руководителей отдают юноши и девушки монолингвистического типа, а не билингвы, «метисы».

Анализ выбора социальных дистанций психологическими подтипами (проактивные личности, переходный тип, реактивные лидеры и реактивная масса) в сочетании с лингвосоциокультурными характеристиками позволил уточнить, что этноцентризм в наименьшей степени присущ проактивным личностям, а в наибольшей – реактивной массе, составляющей более 50% состава лиц данного лингвосоциокультурного типа.

Таблица 3.9

Предпочли бы при выборе национальности друга, партнера
и руководителя, по работе, сотрудников органов власти
и Руководителя Республики,
% в группе по психологическому подтипу*

Предпочтение при выборе национальности		Национальность респондента монолингвистического типа							
		саха				русские			
		психологический подтип							
		1	2	3	4	1	2	3	4
Друга (подруги)	саха	50	66	60	71	0	0	0	0
	русского	0	2	0	2	54	53	47	68
	все равно	41	23	33	18	46	44	33	30
Партнера по работе	саха	30	45	52	50	0	0	7	0
	русского	2	10	7	11	48	52	47	58
	все равно	48	29	34	25	52	45	40	35
Руководителя по работе	саха	48	60	60	64	0	0	0	0
	русского	0	7	3	10	63	58	64	71
	все равно	39	26	31	21	33	39	36	26
Сотрудника органов власти	саха	38	49	57	57	0	0	0	0
	русского	4	7	10	9	70	58	57	75
	все равно	36	30	28	24	30	39	43	24
Руководителя Республики	саха	65	69	78	77	0	3	0	4
	русского	0	3	5	7	74	48	79	61
	все равно	26	21	14	11	26	39	21	30

* Примечание: иные варианты не указаны в таблице

** 1 – проактивная личность; 2 – переходный тип; 3 – реактивный лидер; 4 – реактивная масса.

По всем дистанциям шкалы Богардуса среди молодежи саха отмечено повышение (зачастую монотонное) доли предпочитающих выбор саха и одновременное снижение (монотонное в отношении лиц во власти) индифферентности – от проактивных юношей и девушек к их сверстникам из реактивной массы.

Среди русской молодежи данная закономерность проявляется тоже, хотя не всегда монотонно. Возможно, из-за малочисленной группы монолингвов (140 чел. против 580 среди саха). Можно отметить близость позиций проактивных и реактивных лидеров относительно выбора русской национальности партнера по работе, но при этом высокой значимости представителя своей этнической группы в качестве руководителя по работе и Руководителя Республики. Мы полагаем, что объяснением может служить активная жизненная позиция людей, которые полагают, что под началом «своего» человека они смогут в большей степени самореализоваться.

Модель «проактивность – реактивность» оказывается весьма эвристичной и при анализе аккультурационных стратегий молодежи. В таблице 3.10 представлены материалы исследования стратегий монолингвов – саха и русских.

Аккультурационные стратегии монолингвов, Якутия,
% по подтипу

Психологи- ческий подтип	Национальность респондента							
	саха				русские			
	Аккультурационные стратегии							
	интегр- ация	сепара- ция	ассими- ляция	маргин- алы	интегр- ация	сепара- ция	ассими- ляция	маргин- алы
Проактивная личность	85	7	9	0	78	9	13	0
Реактивные лидеры	79	11	7	3	46	8	46	0
Реактивная масса	80	9	10	1	71	3	23	3
По типу в целом	80	10	9	1	69	5	24	2

Как уже было показано (табл. 3.1) к интеграции наиболее склонны монолингвы всех народов – русских, саха, тувинцев, хакасов, алтайцев, а среди молодежи данного типа, как следует из изложенного выше (табл. 3.10) – самый высокий уровень склонностей к межэтнической интеграции – среди проактивных личностей. И, что очень важно в аспекте межэтнических отношений, – самый низкий уровень сепаратистских установок (среди саха) и маргинализации.

По мере перехода от проактивных личностей к реактивной массе, доля выбравших интеграционную стратегию незначительно уменьшается, растут показатели маргинализации, а среди русской молодежи при снижении количества склонных к интеграции растет число избравших ассимиляционные установки. Последний факт может быть

объяснен тем, что при активной лидерской позиции, но склонности к конформизму и использованию манипулятивных практик, у реактивных лидеров вероятность более высокой адаптации возможна и при применении ассимиляционной тактики.

Таким образом, приведенный пример использования принципа дополнительности показал возможности расширения интеграции социогуманитарных наук, в том числе лингвосоциокультурной типологизации как метода исследований за счет использования психологических методик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии на основе социокультурного подхода разработанного П. Сорокиным («личность, общество и культура как неразрывная триада») и принципа дополнительности осуществлена попытка интеграции теоретико-методологических исследований этносоциологии, лингвокультурологии, социальной психологии и философии по вопросу взаимообусловленности лингвокультурной специфики социокультурной среды и установок молодежи в межэтнических отношениях. Анализ этих исследований показал, что весьма продуктивным методом изучения взаимообусловленности является типологизация. Однако она, во-первых, носит пока дисциплинарный характер, ограничиваясь социокультурными типами в социологии и лингвокультурными (типами, типажам) – в лингвокультурологии. Во-вторых, теоретическая типологизация в этих и других социогуманиатрных науках не всегда дополняется (ввиду больших временных и финансовых затрат) эмпирической верификацией.

В проведенном исследовании, носящем теоретико-эмпирический характер предложена лингвосоциокультурная типологизация как развитие социокультурной. Лингвосоциокультурные типы молодежи выделены по основаниям: *этническая самоидентификация* (самосознание, национальности родителей, культура и традиции в семье); *язык* (родной, степень владения, общение на языках); *личность* (проактивность).

В каждой из этнических групп выделено по 2 типа – монолингвы и билингвы – из этнически однородных семей и 1 тип из этнически смешанных семей («метисы») – русские – саха; русские – хакасы; русские – тувинцы; русские – алтайцы.

Таким образом, выделенные 3 типа в каждой Республике репрезентируют логический переход от максимальной значимости для индивида этнической и языковой идентичности (монолингвы) – к сокращению значимости языка этнической группы при сохранении этнического самоопределения (билингвы) – «к размытости» этнического самоопределения и языкового общения («метисы»).

Остальные индивиды и подтипы (с не полностью сформированным этническим сознанием) располагаются по своим установкам, как это подтвердили материалы эмпирической верификации, в интервале между монолингвами и «метисами».

Как нам представляется, метод типологизации с конкретным анализом установок и стратегий поведения определенных типов молодежи более эвристичен, чем анализ средних значений показателей по этнической группе, территории («средней t^0 по палате»).

Лингвокультурная специфика социокультурной среды определялась по языковой среде региона (республики), этнической среде (республика, городское, сельское поселение), распространенности лингвосоциокультурных типов (в республике, городской и сельской местности республики).

Эмпирическая верификация типологизации проведена на основе массовых (7180 чел.) этносоциологических опросов и социально-психологического тестирования в республиках Саха (Якутия), Тыва, Хакасия, Алтай. Изучены установки лингвосоциокультурных типов молодежи – русских, саха, тувинцев, хакасов, алтайцев – в отношении их предпочтений этнической и языковой среды общения, национальности супруга (и), друга (подруги), коллеги, руководителя по работе, национальности работников органов власти и руководителя Республики, а также аккультурационных стратегий разных типов молодежи как фактора (показателя) межэтнической интеграции.

Показано, что лингвокультурная специфика социокультурной среды исторически обусловлена этнической структурой населения республик, соотношением городского и сельского населения в этнических группах, моделями языковой политики. В Республике Тыва и Республике Саха (Якутия), где доля населения титульных этносов (тувинцев и саха) превышает или сравнима с долей русского населения, монолингвы составляют около половины численности молодежи этнической группы (52% – среди тувинцев, 48% – среди саха). В Республиках Хакасия и Алтай, где по численности доминируют русские, молодежи этого типа среди хакасов и алтайцев существенно меньше: среди хакасов – 25%, среди алтайцев – 23%. Русских монолингвов 24 – 25% в своей этнической группе в республиках Саха (Якутия), Тыва, Алтай, и лишь в Хакасии их несколько больше – 35,6%.

Среди хакасов самый высокий процент билингвов (19%), а среди алтайцев – «метисов» (13%) и не распределенных по выбранным типам (60%).

В свою очередь, соотношение монолингвов, билингвов и «метисов» в молодежной группе региона определяет лингвокультурную специфику влияния среды на межэтнические установки, что и проявляется в характере показателей по разным установкам.

Так, монолингвы в большинстве (70 – 90%) полагают, что важно жить среди людей своей национальности. Среди «метисов» так считает примерно половина молодежной группы (при этом, что «очень важно» отмечает 0 – 3%).

Установлено, что для всех этнических групп и лингвосоциокультурных типов молодежи значимость разговаривать на языке своей национальности проявляется более радикально, чем ценность жить среди людей своей национальности. Особенно среди монолингвов хакасов и саха (соответственно всего 3 и 8% – ответов «не важно»). Язык важнее этнической среды проживания.

Из социальных дистанций – предпочтений по национальности супруга (и), друга, коллеги по работе и др. из лиц своей национальности – самой «короткой» для монолингвов оказалась позиция «Руководитель республики» (70 – 78% предпочли «из своей национальности» среди молодежи титульных этносов и около половины – среди русской молодежи). Это даже «короче», чем по позиции

«друг» или «супруг(а)». Билингвы и «метисы» в целом индифферентны в отношении национальностей Руководителей республик и работников органов власти.

Анализ выбора молодежью аккультурационных стратегий показал, что к межэтнической интеграции наиболее склонны монолингвы и русские-билингвы, частично владеющие языками титульных этносов республик. В то же время билингвизм и метисация молодежи титульных этносов, проявляющаяся в снижении уровня владения языком этих этносов, существенно увеличивает их показатели стратегии ассимиляции.

Подтверждена эвристическая ценность принципа дополнительности на основе модели «проактивность – реактивность», интегрирующей этносоциологические и психологические методы исследования. Сопоставление данных по модели, результатов исследования социальных дистанций (шкала Богардуса) и аккультурационных стратегий монолингвов среди саха и русских позволил сделать вывод, что этноцентризм в наименьшей степени присущ установкам проактивных личностей, а в наибольшей – реактивной массе.

Проактивные личности также в максимальной степени выбирают стратегии интеграции (85%) и минимальной – сепарации (7%) среди молодежи саха, а среди русских – максимально – интеграция (78%), но и сепарация выше, чем среди других подтипов монолингвистического типа (9%).

Мы полагаем, что проведенное исследование в теоретическом плане обогащает возможности типологизации как метода, а эмпирическая верификация предложенной лингвосоциокультурной типологии позволила представить дополнительную информацию об установках различных типов молодежи в межэтническом взаимодействии, которая может быть применена в подготовке регулирующих документов в сфере образования, культуры, языковой, семейной и молодежной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.А.* Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика, трансляция моноэтническими и межэтническими семьями / отв. ред. В.Г. Костюк. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2016.
2. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011.
3. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф. 2014.
4. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Этнокультурная и гендерная обусловленность формирования лидерских качеств индивида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11. № 3. С. 87–94.
5. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Язык в региональных моделях национальной политики современной России // Сибирский философский журнал. 2019. № 3. С. 100–114.
6. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Язык как социокультурный феномен // Вест. Новосиб. гос. ун- та. Серия: Философия. 2012. Т.10, вып.4. С. 64 – 72.
7. *Абрамова М.А., Лбова Е.М., Сандакова Л.Б.* Лингвокультурная специфика социокультурной среды: подходы к исследованию феномена. Новосибирск. ИД «Манускрипт», 2020.

8. *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитология. СПб., 2004.
9. *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000.
10. *Абдулатипов Р.Г.* Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. М., 2001.
11. *Аврорин В.А.* Двужычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 49–62.
12. *Аклаев А.Р.* Язык в системе национальных ценностей и интересов // Духовная культура и этническое самосознание наций. М., 1990. Вып. 1. С. 12–38.
13. *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи.* Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005.
14. *Алпатов В.М.* 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997.
15. *Аргунова Т.В.* Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992.
16. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М, 1993.
17. *Арутюнова Е.М.* Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании // ИНАБ. 2019. № 1: Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 50–61. DOI: 10.19181/inab.2019.1.4
18. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. М., 1998.

19. Арутюнян Ю. В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциол. исслед. М.: Наука, 2003.
20. Архипова Г.Н. Этнический фактор в формировании органов государственной власти в полиэтнических государствах: автореф. дис. ...канд. полит. н. 23.00.02. М., 2006. 28 с.
21. Баклушинский С.А., Орлова Н.Г. Особенности формирования этнической идентичности в мегаполисе // Этнос. Идентичность. Образование. М., 1998. С. 248–267.
22. Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. 1993. №1. С. 44–51.
23. Баскаков А.Н., Насырова О.Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки РФ и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000. С. 34–129.
24. Берри Дж. В. Как мы будем жить все вместе?: альтернативное видение межкультурных отношений / Дж. В. Берри // Кросс-культурная психология: актуальные проблемы: сб. ст. / под. ред. Л. Г. Почебут, И. А. Шмелевой. СПб., 2005. С. 6–25.
25. Боргоякова Т.Г. Правовой и функциональный статус языков Республики Хакасия // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 16. С. 156–162.
26. Боргоякова Т.Г. Проблемы языковой глобализации в региональном аспекте // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 7. С. 22–25.

27. *Боргоякова Т.Г.* Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири: дис. ... д. филол. н.: 10.02.19. М., 2002.

28. *Боргоякова Т.Г.* Социолингвистические процессы в Республиках Южной Сибири. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002.

29. *Боргоякова Т.Г.* Языки коренных народов: перспективы витальности (на примере языков Южной Сибири) // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Материалы Международной конференции. 2019. С. 17.

30. *Боргоякова Т.Г., Биткеева А.Н.* Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 50–61.

31. *Боргояков С.А., Боргоякова Т.Н.* Языковая ситуация и проблемы обучения хакасскому языку в Республике Хакасия // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 3 (15). С. 12–22.

32. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.

33. *Бромлей Ю.В.* Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1966. №7. С.16 – 28.

34. *Бромлей Ю.В., Козлов В.И.* К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР // Советская этнография. 1975. № 1. С. 3–17.

35. *Васильева Р.И.* Проблемы сохранения и развития языков малочисленных народов Севера в условиях

многоэтнического социума республики Саха (Якутия) // Теория и практика общественного развития. 2011. №6. С. 299–302.

36. *Вахтин Н.Б.* Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига. СПб., 2001.

37. *Вердербер Р., Вердербер К.* Общение. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003

38. *Всероссийская перепись населения 2010 года.* М., 2012. Т. 4

39. *Галлямов Р.Р., Гарипов Я.З.* Этноязыковые процессы как элемент этносоциального развития общества: содержание и функциональные составляющие // Вестник ВЭГУ № 4 (84). 2016. С. 33–43.

40. *Горовиц Д.* Равноправие моделей // Век XX и мир. 1994. №7–8. С.36–46.

41. *Губогло М.П.* Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М, 2000.

42. *Гусейнова А.В.* Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: автореф. дисс. ... канд. филос. н. 10.02.19. – Улан-Удэ, 2014. 22 с.

43. *Гусейнова А.В.* Региональный язык в медиапространстве Республики Хакасия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 29 (320). С. 34–36.

44. *Гусейнова А.В.* Хакасский язык в системе образования: состояние и перспективы // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1 (69). С. 178–183.

45. *Гусейнова А.В.* Языки народов Республики Хакасия в коммуникативном пространстве региона // Таврический научный обозреватель. 2017. № 10-1 (27). С. 79–84.
46. *Даль Р.* Проблемы гражданской компетентности // Век XX и мир. 1994. №7–8. С.164–182.
47. *Де Вос Дж.* Этнический плюрализм: Конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001. С. 229–276.
48. *Дешериев Ю.Д.* Закономерности общения и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.
49. *Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т.* Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
50. *Дробижева Л.М.* Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (Что может к не может дать демократизация» // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 16–28.
51. *Дробижева Л.М.* Межэтнические отношения на российском пространстве в 2000-е годы: основные тренды в методологии изучения и социальной практике // Россия реформирующаяся. 2018. №16. С. 120–144.
52. *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношении в постсоветской России. М., 2003.
53. *Дробижева Л.М.* Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // Мир России. 2001. №2. С. 167–180.

54. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996.

55. Дубровская Е.М. Типология лингвокультурных типажей: опыт систематизации // Мир науки, культуры, образования. 2016. №2 (57). С. 364–366.

56. Дырхеева Г.А. Цыбенкова Ч.С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 62–74.

57. Дюверже М. Политические партии. М., 2000.

58. Елаев А.А., Гунжитова Г.-Х. Ц. Этноязыковые процессы в Бурятии в XX в. – начале XXI в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 125– 128.

59. Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16 октября 1992 г. N 1170-XII. [Электронный документ] // <https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija> (дата обращения 10.10.2021).

60. Заседание Совета по межнациональным отношениям. 20.07.2017. Йошкар-Ола // Президент России. 2017. 20 июля. [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55109> (дата обращения: 07.10.2021).

61. Зыкин А.В. Анализ этнокультурной идентичности и этноидентификации коренных народов

Южной Сибири // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 7–1. С. 114–118.

62. *Зыкин А.В.* К вопросу о национально-культурной деятельности СМИ в системе социальных отношений // Современный ученый. 2017. № 6. С. 286–289.

63. *Зыкин А.В.* Место и роль языка в структуре традиционной культуры: на материале коренных этносов Южной Сибири: автореф. дис. ... д-ра культ.н. 24.00.01. СПб., 2019. 67 с.

64. *Иванова Н. И.* Статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Вестник СВФУ. 2013. №3. С. 58–63.

65. *Игнатьева В.Б., Тарасов Ю.С.* Трансформация политической элиты: новая реальность // Республика Саха (Якутия): путь к суверенитету. Якутск, 2000. С. 90–95.

66. *Идентичность и конфликт* в постсоветских государствах / Под. ред. М. Олкотт, В. Тишкова, А. Малащенко. М., 1997.

67. *Иохельсон В.* Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. СПб.: Типография С. Н. Худекова, 1895. Вып. II. С. 127–161.

68. *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года:* В 14 т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4: Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских поселений, сельских населённых пунктов – райцентров

и сельских населённых пунктов с населением 3 тысячи и более.

69. *Камиллери К.* Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 103–117.

70. *Карамчакова И.Р.* Особенности этносоциальной стратификации в современной Хакасии // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 3. С. 85–91.

71. *Карамчакова И.Р.* Этноязыковые процессы в республиках Южной Сибири: типология и специфика // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 4. С. 203–210.

72. *Карасик В.И., Дмитриева О.А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи. Волгоград, 2005. С. 5–25.

73. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

74. *Караулов Ю.Н.* Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм // Мир русского слова. 2002. №3. С. 26–30.

75. *Кови С.Р.* Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М., 2011.

76. *Кови С.Р.* Главное внимание главным вещам. Жить, любить, учиться и оставить наследие = First Things First: To Live, to Love, to Learn, to Leave a Legacy. М.: «Альпина Паблишер», 2011.

77. *Конституция Республики Тыва* 1996 г. [Электронный документ] // URL: <http://www.humanities.edu.ru> (дата обращения 10.10.2021).

78. *Конституция Республики Тыва* 2001 г. [Электронный документ] // URL: <http://huraltuva.com> (дата обращения 10.10.2021).

79. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

80. *Кривых С.В.* Соотношение понятий «среда» и «пространство» в социокультурном и образовательном аспектах // Мир науки, культуры, образования. 2011. №2. С. 106–111.

81. *«Кризис разбудил национальные чувства народов России».* Закон против родных языков уничтожит национальные регионы // KAZAN FIRST. 2018. 22 мая. [Электронный ресурс] URL: <https://kazanfirst.ru/articles/465692> (дата обращения: 07.10.2021).

82. *Кросс-культурная психология.* Исследования и применение / Пер. с англ. Харьков, 2007.

83. *Куриленко В.Б., Макарова М.А., Щербакова О.М., Куликова Е.Д.* Лингвокультурная среда международно-ориентированного вуза как средство коммуникативного развития студентов-билингвов // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. №5. С.33 – 42

84. *Курилкина В. Н., Винокурова Е. С., Сидорова Т. Н.* Влияние владения родным языком на развитие

познавательных процессов и творческих способностей детей-монолингвов и билингвов // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №11. С. 98–102.

85. *Лебедева И.В.* Социокультурная среда как фактор развития этнической общности: автореф. дис. ... к.соц.н.: 22.00.04. М. 2004. 32 с.

86. *Лебедева Н.М.* «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 101–115.

87. *Левкович В.П., Кузмицкайте Л.Д.* Формирование этнического сознания подростка в семье // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 6. С. 35–42.

88. *Левкович В.П., Мин Л.В.* Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 72–81

89. *Левкович В.П., Панкова Н.Г.* Проблемы формирования этнического самосознания у детей в работах зарубежных авторов // Советская этнография. 1973. №5. С. 123–131.

90. *Лейпхарт А.* Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. №12. С. 135–146.

91. *Линц Х.* Достоинства парламентаризма // Пределы власти. 1994. № 2–3. С. 41–51.

92. *Линц Х.* Опасности президентства // Век XX и мир. 1994. № 7–8. С. 15–36.

93. *Липсет С.М.* Культурный фактор // Век XX и мир. 1994. С. 47–52.

94. *Лю Ц.* О лингвистическом повороте в социологии // Социологические исследования. 2018. №7. С.115–123. С. 122. DOI: 10.31857/S013216250000185-6
95. *Макареня А.А.* Культуротворческая среда: статус, структура, функционирования. Тюмень: ТОГГИРА. 1997.
96. *Маликова Н.Р.* Социологические индикаторы мониторинга межэтнических отношений // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16 – 17 марта 2016 г. / Отв. Ред. А.В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОИ». С. 489– 491.
97. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Изд. центр. «Академия», 2001.
98. *Межэтнические отношения* в современной России в контексте проблем русского народа // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология, Этнология, Антропология». 2012. №1. С.220– 233.
99. *Монгуш Д.А., Татаринцев Б.И.* Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве // Русский язык в Туве: сборник статей / отв. ред. Б. И. Татаринцев. Кызыл, 1985. С. 3–15.
100. *Науменко Л.И.* Этническая идентичность. Проблемы трансформации в постсоветский период // Этническая психология и общество. Москва, 1997. С. 76–88.

101. *Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.

102. *Никифорова С.В., Попова Л.Н.* Якутско-русский билингвизм среди студентов г. Якутска // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2021. № 6. С. 31–35. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.6.4>

103. *Паин Э.А.* Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003

104. *Паин Э.Л.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.

105. *Пахаренко С.В.* Статусные и структурно-семантические характеристики языковой личности как этнолингвотипа в эпоху глобализации: автореф. дис. ...канд. филол. н.: 10.02.19. – Ставрополь, 2017. 28 с.

106. *Почебут Л.Г., Безносков Д.С.* Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран мира: взгляд из России // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения.* 2018. №1. С. 66–84.

107. *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л., 1972.

108. *Романова О.Л.* Развитие этнической идентичности в этнически смешанной среде // *Процессы психического развития. В поисках новых подходов.* М., 1995.

109. *Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие.* Отв. ред. В. А. Тишков. М.: 2008.

110. *Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив*. М., 1998
111. *Сам Ш.Ч.* Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973.
112. *Селиверстова Г.М.* Родной язык не нужен? Как решить проблемы двуязычия // Учительская газета. 8 января. 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ug.ru/archive/22167> (дата обращения: 10.10.2021).
113. *Семёнова С.С.* Двуязычные, многоязычные - диалог народов и культур. Языковое образование в республике Саха // Народное образование. 2012. №8. С. 64–71.
114. *Сердобов Н.А.* К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл. 1968. Вып. 13. С. 78–109.
115. *Сердобов Н.А.* О роли языка и письменности в национальной консолидации тувинского народа // Тувинская письменность, язык и литература / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1980. С. 15–30.
116. *Серээдар Н.М.* Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. С. 4–19. DOI: 10.25178/nit.2018.1.1
117. *Собчик Л.Н.* Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. Практическое руководство. СПб. 2003.
118. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

119. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М. 1992.
120. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. 2000.
121. *Социальная и культурная дистанция: опыт многонациональной России /* Амелин В.В., Анайбан З.В., Бравин А.Д. и др.; Авт. проекта и отв. ред. Дробижева Л.М.; Ин-т этнологии и антропологии РАН. М.: Изд. Ин-та социол. РАН, 1998.
122. *Социальное неравенство этнических групп: Представления и реальность/* Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2002.
123. *Социологическая энциклопедия.* М.: Мысль, 2003. В 2-х т. Т.1. С. 365–366.
124. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник для вузов: 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009.
125. *Стоянова Е.* Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен: Университетское изд-во «Епископ Константин Преславски», 2013.
126. *Сусоколов А.А.* Этносоциология. М., 1998.
127. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры //Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

128. *Терентьева Л.Н.* Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях в СССР. М., 1974.
129. *Тишков В.А.* Мультикультурализм и трансформация постсоветских сообществ. М., 2002.
130. *Тишков В.А.* Очерки теории и политики эпичности в России. М., 1997.
131. *Тишков В.А.* Этнология и политика. М., 2001
132. *Тишков В.А., Филиппова В.И.* Местное управление многоэтническими сообществами в странах СНГ. М., 2001.
133. *Трошкина И.Н.* Этноязыковая ситуация в регионах Южной Сибири // Социодинамика. 2020. № 12. С. 27–38. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.12.34604
134. *Тураев В.А.* Этнополитология: Учебное пособие-хрестоматия. Изд. 2-е, испр. и дополн. М., Логос, 2004.
135. *Форсайт – исследование.* Республика Саха (Якутия) – 2050. Якутск: Изд-во СВФУ, 2014.
136. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
137. *Цветкова И.В.* Лингвокультурная образовательная среда как фактор динамичного развития образования в Республике Казахстан: дисс. канд. пед. н.: 13.00.01. Чимкент, 2006.
138. *Цыбенова Ч.С.* Коммуникативное пространство русского языка в республике Тыва // Русский язык и литературы в образовательном пространстве Азиатского региона. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня образования

кафедры русского языка и общего языкознания, кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета. Ответ. редактор О.А. Колмакова. Улан-Удэ, 2017. С. 72–75.

139. *Цыбенова Ч.С.* Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: автореф. дис. ...канд. филол. н.: 10.02.19. Улан-Удэ, 2013. 25 с.

140. *Цыбенова Ч.С.* Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Улан-Удэ, 2019. 240 с.

141. *Цыбенова Ч.С.* Социолингвистическое исследование тувинского языка (историографический обзор) // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. 2019. С. 56–61.

142. *Цыбенова Ч.С.* Функциональное развитие тувинского языка: диахронический аспект // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 3 (21). С. 56–66.

143. *Шаклеин В.М.* Лингвокультурная ситуация и исследование контекста. М.: ОРЛС, 1997.

144. *Этничность и власть* в полиэтнических государствах/ Под ред. Тишкова В. и Ямскова А. М., 1994.

145. Al-Issa I., Tousignant M. (Eds). *Ethnicity, immigration and psychopathology*. New York, 1997.

146. Alberti R.E. & Emmons M.L. *Your perfect right: A guide to assertive living*. San Luis Obispo, CA: Impact, 1995.

147. Amir Y., Sharon I. Are social psychology's laws cross-culturally valid? // *J. of Cross-Cultural Psychology*. 1987. Vol. 18. Pp. 383–470.
148. Baumeister R.F., Vohs K.D. Realistic Group Conflict Theory // *Encyclopedia of Social Psychology*. 2007. Vol. 2. Pp. 725–726.
149. Berry J. W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // *International Journal of Intercultural Relations*. 1995. № 3. Pp. 99–112.
150. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H. & Dasen P.R. Cross-Cultural Psychology. Research and Applications. 2-nd ed. New York, NY, US: Cambridge University Press, 2002.
151. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // *Cultures in Contact*. Oxford, 1982. Pp. 5–44. <https://doi.org/10.1016/b978-0-08-025805-8.50008-1>.
152. Bogardus E.S. Measuring social distance // *Journal of Applied Sociology*. 1925. No. 9. Pp. 299–308.
153. Brass P. Ethnic Group and the State. L., Groom Helm, 1985.
154. Brewer M. The social self: On being the same and different at the same time // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1991. Pp. 475–482.
155. Graves T.D. Psychological acculturation in a tri-ethnic community // *South-Western Journal of Anthropology*. 1967. V. 23. Pp. 337–350.
156. Enloe C. Ethnic Conflict and Political Development Boston: Little, Brown, 1973.
157. Enloe C. Ethnic soldiers: State Security in Divided Societies. Harmondsworth: Penguin, 1980.

158. Esman M. Ethnic politics. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1988.
159. Fortes M.. Culture Contact as a Dynamic Process // *Africa*. V. IX, 1936, Pp. 24–55.
160. Herskovits M. Acculturation: *The Study of Culture Contact*. N. Y.: J. J. Augustin, 1938.
161. Ho D. Y. F. Indigenous psychologies: Asian perspectives 11 // *J. of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol. 29. Pp. 88–103.
162. Kalin R., Berry J.W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys // *Canadian Ethnic Studies*, 1995. V. 27. Pp. 1–15.
163. Tajfel H. Human groups and social categories: *Studies in social psychology*. Cambridge, 1981.
164. Triandis H. C. Culture and social behavior. N. Y., 1994.
165. Phinney J. S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. Pp. 499–514.
166. Phinney J. S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence // *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. Albany, 1993. Pp. 61–79.
167. Piaget J., Weil A. M. The development in children of the idea of the homeland and of relations with other countries // *International Social Science Bulletin*. 1951. Vol. 3. Pp. 561–578.
168. Rabushka A. Shepsle K.A. Politics in Plural Societies. Columbus, OH: Charles E. Merrill, 1972.

169. Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. Memorandum on the Study of Acculturation // *American Anthropologist*. V. XXXVIII, 1936. Pp.149–152.
170. Rotheram M. J., Phinney J. S. Introduction: Definitions and perspectives in the study of children's ethnic socialization // *Children's ethnic socialization: Pluralism and development*. Newbury Park (Cal.). 1987. Pp. 10–28.
171. Seton-Watson H. Nations and States. L.: Methuen, 1977.
172. Tajfel H. (Ed). Differentiation between social groups. London, 1977
173. Triandis H. C. Culture and social behavior. N. Y., 1994
174. Triandis H. C. Cross-cultural psychology // *Asian Journal. of Social Psychology*. 1999. Vol. 2. Pp. 127–143.
175. Vaughan G. M.A social psychological model of ethnic identity development // *Children's ethnic socialization: Pluralism and development*. Newbury Park (Cal.), 1987. Pp. 73– 91.

Recommended for publication by the Academic Council
Institute of Philosophy and Law
Siberian Branch of Sciences of the Russian Academy of Sciences

Reviewers: A. A. Izgarskaya (Doctor of Philology),
L. B. Sandakova (Candidate of Philology),
G. S. Solodova (Doctor of Social Sciences).

Abramova M.A., Goncharova G.S., Kostyuk V.G. The influence of linguacultural specifics of the socio-cultural environment on the interethnic attitudes of youth. Monograph. Novosibirsk. 2021. 208 p.

The monograph concretizes theoretical and methodological approaches and methods of studying the influence of linguistic and cultural specifics of the socio-cultural environment on the attitudes of young people in interethnic relations. The authors substantiate the method of linguosociocultural typologization and conduct empirical verification of interethnic attitudes and acculturation strategies of Russian youth and youth of titular ethnic groups (Sakha, Tuvians, Khakas and Altaians) in the republics of Sakha (Yakutia), Tyva, Khakassia and Altai on the basis of mass ethnosociological and socio-psychological studies, continuing the development of the topic and relying on general theoretical approaches to the study of this phenomenon and the principle of complementarity, disclosed in the monograph by M.A. Abramova, E. M. Lbova and L.B. Sandakova "Linguocultural specificity of the socio-cultural environment: approaches to the study of the phenomenon".

The common features and specifics of attitudes and behavioral strategies of young people of linguistic and socio-cultural types depending on the social, ethnic, linguistic characteristics of actors and the socio-cultural environment are revealed. The results of research can be taken into account in the development and implementation of policies in the field of youth, education, family in the regulation of interethnic interactions.

The book is intended for sociologists, educators, cultural scientists, philosophers.

ISBN

CONTENTS

INTRODUCTION	5
Chapter I. Theoretical, Methodological and Methodological Foundations of the Study	9
I.1. Socio-cultural Environment: Types, Functions, Linguistic and Cultural Specifics.....	9
I.2. Methods of Complex Verification of Interethnic Attitudes of Youth in the Linguistic and Socio- Cultural Environment.....	27
I.3. Linguistic and socio-cultural typologization as a research method	41
Chapter II. Empirical Verification: Linguosociocultural Types and Interethnic Attitudes of Youth.....	58
II.1. Studies of the linguistic and cultural specifics of the environment in the Republics of Siberia.....	58
II.2. Distribution of Linguistic and Socio-Cultural Types Among Young People in the Republics of Siberia.....	89
II.3. Attitudes of Young People Regarding the Ethnic Environment of Residence and the Environment of Language Communication	110
Chapter III. Strategies of Youth of Various Linguistic and Socio-Cultural Types in Interethnic Interaction	126
III.1. Acculturation Strategies of Linguistic and Socio-Cultural Types of Youth as a Factor of Interethnic Integration.....	126

III.2. Strategies of Youth of Various Linguistic and Socio-Cultural Types at Various Social Distances.....	140
III.2.1. Preferences when Choosing the Nationality of the Spouse.....	145
III.2.2. Ethnic Factor when Choosing a Friend or Girlfriend.....	152
III.2.3. Influence of the Partner's Nationality on Professional Interaction	156
III.2.4. Role of the Ethnic Factor in Determining the Head of Work	158
III.2.5. Ethnic Attitudes Towards Power	161
III.2.6. Nationality Preferences when Choosing the Head of the Republic	169
III.3. Implementation of the Complementarity Principle on the Example of the "Proactivity-Reactivity" Model	171
CONCLUSION.....	180
REFERENCES.....	186

Монография

Мария Алексеевна АБРАМОВА

Галина Савитовна ГОНЧАРОВА

Всеволод Григорьевич КОСТЮК

**ВЛИЯНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
НА МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ**

Подписано в печать 03.10.2021

Формат 60х84/16. Уч. изд.л. 7,26. Усл. печ. л. 12,32.

Тираж 500 экз. Заказ №1520.

Отпечатано в типографии ООО «Манускрипт-СИАМ»

Тел.: (383) 306-41-81, www.manu-nsk.ru